

Дарья Снежная

РОЛИ ЛЕДИ РЕЙВЕН. КНИГА ВТОРАЯ

Роль 9

ЖЕРТВА

Я стояла за спинами коллег, деликатно прикрыв нос надушенным платочком, и взирала на столь опрометчиво запрошенный подарок судьбы. Свежий труп, на нехватку которого я на днях жаловалась главе департамента, по злой иронии, пролежав четыре дня в водах Талсы, от свежести был далек...

Его утром обнаружили «жаворонки», высыпавшие на обмелевший берег в поисках ежедневной добычи. Один из них, тот, кто не успел к дележке ценностей, найденных в карманах, сообщил о трупе в полицию, в надежде словить монетку хоть на этом. Уж не знаю, чем там наградил констебль вестника — медяком или подзатыльником, — но благодаря ему отдел магкриминалистики получил очередную работу с перспективой выговора за отсутствие результатов. Ибо в то, что распухшая обезображенная фигура даст нам ответы на все вопросы и конкретную наводку на Живодера, никто не верил.

Сегодня было мое дневное дежурство, вот только на этот раз счастье осмотреть место происшествия первой было сомнительным. В основном потому, что труп обнаружили совсем не там, где жертву убили. Все необходимые манипуляции и замеры я выполняла исключительно для галочки, поскольку прекрасно знала, что ничего не найду. Мужчину убили несколько дней назад и даже не здесь, фон успел сотню раз смениться. Настроения не улучшали и казенные амулеты-инструменты, которые именно сегодня прикинулись доживающими последний век. Особенно опечалил алмаз в измерителе частотных колебаний магического фона. И без того мелкий камешек (нашли на чем экономить, у дам в ожерельях каратов больше!) еще и потускнел со временем, пропуская через себя магические волны, и перемены в его цвете, которые указывали на те или иные колебания, практически невозможно было различить. Я возилась с ним дольше обычного, чем только вызвала смехи за спиной со стороны полицейских, явно ставящих под сомнение мою компетенцию.

Раздражение по возвращении в отдел только усилили в общем-то дружеские подкалывания Ричи — мол, Живодер леди Рейвен благоволит, может, не будем больше ее на дежурства ставить? Глядишь, и трупов не станет.

А теперь, стоя в морге, я мрачно размышляла о том, что это очередной тупик. Что количество гибнущих людей увеличивается, а мы не в состоянии не то что отыскать убийцу, но даже сказать с уверенностью, что им движет.

Меня сюда, в общем-то, никто не звал. Я улизнула следом за остальными, воспользовавшись отсутствием указания оставаться в лаборатории. Господин «надежда и опора наша» Трейт вернулся из короткого отпуска в прекрасном настроении и, кажется, подзабыл про свой великий долг выжить леди из отдела. Но я не расслаблялась, прекрасно понимая, что благодушие начальства долго не продлится, а юбка среди брюк вещь слишком заметная, чтобы долго ее игнорировать.

Так я и простояла на протяжении всего вскрытия, на которое сегодня Трейт согнал всех, чтобы уж наверняка не упустить ни малейшей детали.

Было бы чего упускать — взрезанная грудная клетка и отсутствующие легкие видны, как говорится, невооруженным взглядом. Правда, на этот раз рана выглядела не очень аккуратно. Я списала это на долгое пребывание в воде, однако Ричи, проводивший вскрытие, подтвердил — Живодер на этот раз действовал иначе. Будто... торопился?

Или это не он, а подражатель. Тоже версия. У-у-у...

На душе было тоскливо. И вовсе не из-за очередного трупа, вернувшегося Трейта и прочих рабочих неурядиц.

После ночного столкновения в коридоре поговорить с отцом наедине мне так и не довелось. Я не то чтобы рвалась — ну не оправдываться же? — но думала, что он сам позовет меня, попробует как-то вмешаться, мы поговорим. Нет, он вел себя ровным счетом как обычно, но я всеми фибрами души ощущала его молчаливое неодобрение. И оно давило куда сильнее, чем нотации, на которые я, скорее всего, взбрыкнула бы, как с Греем, и уверилась в своей правоте.

— Предположительная дата смерти — ночь с субботы на воскресенье... — продолжал комментировать вскрытие Ричи.

Я вздрогнула — ночь теракта? Другого времени не нашел? Весь город стоял на ушах, полиция во главе с магами и криминалистами департамента землю носом рыли, чтобы поймать и представить его величеству хоть каких-либо виновных, помимо самоубийцы, иначе тогда виноватыми оказались бы мы — работники департамента и стражи порядка. Знамо дело — торопился! Когда в любой момент мимо может пронестись патруль. Вот только до сих пор Живодер отличался редким хладнокровием и расчетом, почему было не отложить экзекуцию на другой день? Важна привязка к датам?..

«Или это все же подражатель», — заунывно тянул противный внутренний голос, который сегодня задался целью испортить мне жизнь.

Не обращая на него внимания, я сделала себе пометку еще раз поискать временную закономерность в убийствах и продолжила слушать негромкий уверенный голос патологоанатома.

— Помимо очевидного увечья, имеется также серьезное повреждение кожных покровов головы. Удар такой силы, скорее всего, спровоцировал потерю сознания. Следы хлороформа... отсутствуют.

— Отсутствуют? — первым переспросил лично Трейт, хотя все мы, пожалуй, мысленно ахнули этот вопрос.

— Их могло смыть.

— Живодер пользовался до сих пор магически усиленным хлороформом. Его остаточный след не смыло бы. Наоборот, следы магии в воде сохраняются лучше, — произнес Тарн Гейл, задумчиво потирая подбородок.

— Так, — строго произнес Трейт, поджав губы, и обвел присутствующих таким недовольным взглядом, будто это мы заскучали, вступили в сговор и подкинули в отдел труп, который вроде как живодерский, но не очень. На мне и моем платочке этот взгляд задержался особенно долго, зверея, как говорится, на глазах, и я, не удержавшись, предположила самым невинным тоном:

— Хлороформ дома забыл? Не возвращаться же. Дурная примета!

— Приберегите ваше остроумие для светских раутов, леди Рейвен. — Шипению первого криминалиста позавидовала бы самая ядовитая из змей. — И лучше не открывайте рот, пока не сможете сказать хоть что-то стоящее, а не кормить нас дамскими суевериями и церковными сказками.

Мне очень хотелось сказать, мол, нечего было тогда мои «церковные сказки» с таким удовольствием глотать, раз такая уж глупость, но я, как водится, промолчала. Не выгнал, спасибо и на том.

Моя версия с ритуалом не подтвердилась. Зная, что искать, за то время, что прошло, коллеги уже что-то да нашли бы. А раз нет — мы снова без ведущего мотива. И Трейт, естественно, поставил неудачу в укор мне — пустила следствие по ложному следу, а как же!

Вот только удивительно после этого, что он меня со вскрытия не выгнал. Такой возможности не дать мне участвовать он бы не упустил, а значит, дела совсем плохи. И Трейт, на которого давит начальство свыше (а в свете теракта еще и с удвоенной силой давит), начинает хвататься за соломинку. Пусть он это никогда и не признает, но ритуал все же был хорошим вариантом. Особенно за неимением других. И есть крохотная надежда, что «порождение Дьявола» в моем лице выдаст еще одну версию.

Обойдется. В следующий раз я приду к нему только с железными доказательствами.

Никакой значимой информации Ричи больше сообщить не смог. Даже вопрос, было ли с легкими что-то не так или они совершенно здоровы, оставался открытым — ждать установления личности.

Впрочем, мы надеялись, что на сей раз процедура не затянется. Одет убитый хорошо, это было ясно, хоть «жаворонки» и растащили все, что возможно, вплоть до пуговиц. А значит, велик шанс, что его скоро хватится не семья, так прислуга, коллеги, кто-нибудь... и завеса тайны приоткроется.

А пока нам остается ждать.

Из департамента я вышла все же в приподнятом настроении. В конце концов, проблема со следствием — не моя личная проблема. И пусть дома не все ладно, есть и плюсы в том, что отец узнал о моем недостойном поведении. Теперь в неведении оставалась только матушка, а ей дурить голову задержками на работе, внезапными ужинами и прочей ерундой можно бесконечно. Так что сегодня меня ждал Кьер, а домой я загляну только переодеться. Никаких нотаций, никаких страданий, никаких упреков. Счастье? Счастье.

Я легко сбежала по мраморным ступенькам и бодрым шагом направилась вниз по бульвару, но не успела сделать и пары шагов, как меня окликнул незнакомый хриловатый голос. Недоуменно обернувшись, я с мгновенно взметнувшейся злостью уставилась на приближающегося Арчи Оллина.

— Я вас заждался, милая леди. — Виконт по-джентльменски приподнял цилиндр и дружелюбно оскалился. — На балу нам так некстати помешали.

— Нам не помешали. — Я задавила самый первый порыв просто повернуться спиной и продолжить путь в своем направлении. Во-первых, не отцепится. Во-вторых, улепетывающая от джентльмена леди куда больше бросается в глаза, чем мирно с оным беседующая. — Нам помогли поставить точку в бесполезном и бессмысленном разговоре.

— Эрилин, ну право слово, хватит дуться. — Арчи сделал шаг вперед, и я с трудом удержалась от того, чтобы отступить. Выражение лица у мужчины было таким искренне виноватым, что, будь я все той же семнадцатилетней дурехой, наверняка бы купилась. — Я выпил лишнего и сказанул лишнего. Я вовсе не держу на тебя зла за...

— Ты не держишь на меня зла?! — Я против воли сорвалась на фальцет. Тут же опомнилась, взяла себя в руки и продолжила уже спокойно: — Лорд Оллин, давайте мы с вами расставим вещи на свои места. Мы — чужие люди. Между нами — ничего нет. И не было. И не будет. Поэтому прекратите меня преследовать.

— А не то что? — резким, хриплым голосом отрезал мужчина, разом переменявшись. Напускное равнодушие стекло с него, как помой с камней мостовой под ударившим ливнем. Взгляд сделался злым, колючим и откровенно пугающим.

Я как-то разом заметила то, что ускользнуло от меня за маской воспоминаний в темный вечер на балконе. При свете стало видно, что Арчи изменился, и сильно. Под глазами залегли глубокие тени, кожа казалась пергаментно бледной, потрескавшиеся губы, резкие морщины на лбу...

— Я хотел с тобой по-хорошему, Эри, видит бог, хотел! — говорил он негромко, но яростно, даже одержимо. — Я был бы с тобой ласков, как тогда. Тебе же нравилось, будешь отпираться? Но раз ты, дрянь деревенская, по-хорошему не хочешь, будет по-иному.

В животе неприятно, холодно екнуло. Все тело напряглось, будто готовилось сорваться с места, убежать. Да только смысл?

— Мне нужны деньги, пятьсот толлов, для начала, — бесхитростно заявил Арчи. — И ты мне их принесешь. Заработаешь сама, выпросишь у папочки или своего любовника — мне без разницы. Принесешь деньги послезавтра, ко мне. А не принесешь — вся столица будет знать о том, что леди Рейвен — маленькая потаскушка. С твоей скандальной репутацией мне даже не придется никого в этом сильно убеждать.

Откуда он знает? После всего им сказанного у меня в голове билась одна лишь мысль — откуда он знает про Кьера? И что именно про него он знает?

Словно в ответ на этот немой вопрос, виконт продолжил, придвинувшись еще ближе:

— Я не знаю и мне плевать, кому из высокопоставленных чиновников ты греешь постель, только знай, что деваться тебе некуда. Скажу слово — и общество будет закрыто для тебя навсегда, и на герцогском балу тебе больше не блистать, птичка, — обращение, которым он награждал меня тогда, восемь лет назад, сочилось ядом. — И посмотрим, как ты тогда запоешь...

— Ты не знаешь, с кем связался, Арчи, — холодно проговорила я, стараясь, чтобы голос не сильно дрожал от гнева — еще примет за страх.

— Я-то не знаю? Да ты ничтожество, пустое место, выродец опального рода. На тебя всерьез

не глянет ни один аристократ. Личико премилое, да. С таким личиком ножки раздвигать самое оно. Хотя и это у тебя получалось так себе. Или поднатаскали?

Спокойствие. Спокойствие. Спокойствие. Если я сейчас врежу ему между ног, большее будет ему, а хуже — мне. Вдох. Выдох.

— Ты, может, и в департамент-то через постель попала? Кто там у вас начальником криминалистики, а? Не его ли на меня натравишь? Только не полезет он за тебя вступаться. Ни одному нормальному мужику такие проблемы не нужны. Вышвырнет и найдет себе другую, помоложе да без скандалов.

Арчи наконец закончил свою пламенную речь и, изучив взглядом мое застывшее лицо, плотно сжатые губы и остекленевший взгляд куда-то мимо его плеча (смотреть на него не было сил, убью ведь, прости господи, грех на душу возьму), бросил с презрением и превосходством:

— Послезавтра, Эрилин. И я еще щедр, что не требую прямо сейчас.

Я сжала пальцы, впиваясь ногтями в ладони, с трудом удерживаясь от того, чтобы расцарапать эту омерзительную физиономию, а Арчи со всем почтением приподнял шляпу, поклонился, прощаясь, и прошел мимо, напоследок ощутимо задев плечом.

Я осталась стоять посреди бульвара.

И, как ни странно, в голове продолжала биться все та же настойчивая мысль — откуда он узнал, что у меня кто-то есть? Я не могла толком понять, почему мысль эта затмила все сказанное Арчи, но она совершенно не давала покоя. Свет не знает, иначе мама бы уже лежала при смерти, а виконту нечем было бы меня шантажировать. А значит, не знает никто...

Кроме того, кто до сих пор эту тайну благополучно хранил. И кто, совершенно определенно, состоит с Арчи Оллином в подобии дружеских отношений. И кому мне повторно захотелось надавить от души на свежий перелом, который, желательно, самой же и организовать!

Я зло выдохнула, сжала губы и решительно взмахнула рукой, подзывая извозчика. Возможно, Кьеру придется меня немного подождать, но дело определенно не требовало отлагательств.

Спустя чуть менее получаса я постучала в высокую темную дверь одного из массивных особняков на улице Черного дуба. Дверь открылась быстро.

— Добрый вечер, мэм.

— Леди Эрилин Рейвен, — холодно представилась я.

— Прошу прощения, миледи, но милорд Грайнем никого сегодня не принимает.

— Меня примет. Сообщите, будьте любезны.

Дворецкий покорно поклонился и распахнул дверь шире, приглашая меня войти.

— Подождите здесь, миледи, прошу вас.

И я осталась ждать в холле, обитом панелями из орехового дерева. Адрес лорда Грайнема вызнала, конечно же, матушка. Которая уже на следующий день после бала начала строить планы о том, что надо будет обязательно выбрать дождливый денек и словно невзначай отправиться гулять без зонтов под окнами графского особняка. Ведь настоящий джентльмен никогда не оставит дам мокнуть на улице. Впрочем, потом она приходила к выводу, что мой вид мокрой кошки может его отпугнуть, и план выстраивался новый. Все их я не запомнила, в отличие от адреса — так, на всякий случай. Который настал даже быстрее, чем я могла подумать.

Ждать пришлось недолго. Послышался глухой стук металла о дерево и прихрамывающие шаги, и граф Грайнем предстал передо мной с крайне изумленным выражением на вечно хмурой физиономии.

— Леди Эрилин? Признаться, я удивлен.

— Неужели? — в моем голосе не звучало ни малейшей приязни. — То есть вы хотите сказать, что не имеете ни малейшего отношения к тому, что лорд Арчибальд Оллин пришел сегодня требовать с меня денег?

Формулировку я нарочно сгладила, на всякий случай, но физиономия графа из изумленной сразу сделалась привычно-мрачной, подтверждая все мои умозаключения.

— Прошу вас, — он сделал приглашающий жест рукой в сторону одной из открытых дверей. — Смит, чай, будьте любезны, для леди.

Когда мы устроились в креслах гостиной: я — с прямой спиной, будто стальной стержень проглотила, Грайнем — неловко вытянув больную ногу и пристроив рядом трость, — граф произнес негромко:

— Кажется, я должен принести вам свои извинения.

— Скажите откровенно, вам это удовольствие особое доставляет? — ядовито осведомилась я.

— Простите?

— Сначала наделать-наговорить гадостей, а потом — извиняться. Очень удобная позиция. И душу отвести, и вроде как остаться приличным человеком!

Мужчина недовольно дернул уголком губ, черты лица сделались жестче. Было очевидно, что он сдержал нечто резкое, что готово было сорваться с языка, и, возможно, будь я чуть более спокойна, я бы оценила наконец проявленную им сдержанность. Но гнев на милость меня это сменить не заставило. Поединок взглядов длился мгновение и завершился графским поражением.

— Позвольте мне объясниться.

— Да уж будьте любезны!

Граф погладил посеребренный наконечник трости.

— Так вышло, что мы с лордом Оллином приятели. Получив титул, к которому я совершенно не был готов, я некомфортно себя чувствовал в новом кругу общения, а Арчибальд оказался открытым и располагающим к себе человеком.

Оказался. Казался! Добро пожаловать в клуб, дорогой граф!

— Мы довольно быстро сблизились и приятно проводили время, он помогал мне отвлечься от жизненных сложностей, но вскоре я стал замечать за виконтом некоторые пагубные пристрастия. Помимо совершенно неконтролируемого азарта, ведущего к частым сокрушительным проигрышам, он обладал такой же неконтролируемой тягой к алкоголю. И опиуму.

Мои смутные подозрения подтвердились. Даже по отдельности эти три «увлечения» дело весьма затратное, а уж вместе! Неудивительно, что Арчи требовались деньги.

В гостиной показался лакей с чайным подносом. Разговор на минуту застыл, чтобы возобновиться, когда черная ливрея скрылась за дверью.

— Это, в общем-то, не мое дело. Нашему общению и времяпровождению сии пристрастия никоим образом не мешали. Да, пару раз он одалживал у меня небольшие суммы, и я был уверен, что он их не вернет, но читать ему морали — не моя задача, а эти просьбы меня бы не разорили. Но в последнюю пару недель дела у виконта пошли совсем плохо, он крупно проигрался, кредиторы наседали... и тогда он встретил на балу вас. Когда он спросил, с кем я разговаривал, я ответил без малейших опасений. Но выражение, которое мелькнуло в его глазах, когда он устремился следом за вами, меня насторожило, и я, помедлив мгновение, решил убедиться, что все в порядке. К счастью, как оказалось.

— Повторной благодарности не дождетесь, — процедила я в чашку.

Длинное предисловие раздражало. Мне нужно было выяснить, что именно он наговорил Арчи и с какой целью. Первое — чтобы понять, можно ли как-то сказанное обернуть в свою пользу. Второе — чтобы знать, насколько страшна будет моя месть одному отвратительно воспитанному графу.

— Я на нее и не рассчитывал. — Грайнем тоже сделал глоток из своей чашки и продолжил: — Мысль о шантаже не сразу пришла в светлую голову виконта. Сначала он просто яростно обвинял вас в неблагодарности и заносчивости, жаждал указать принадлежащее вам место. «Да если я расскажу всему свету то, что знаю об этой... — Граф сделал паузу, подвергнув

цитату суровой цензуре. — То она на коленях приползет умолять меня опровергнуть эти слова». Сказав это, он и призадумался, осененный, как ему показалось, гениальной идеей. Как только я понял, что Арчи не успокоится, более того, что он уцепился за замаячившую возможность добыть денег буквально зубами, я попытался его отговорить от этой затеи.

Я начала догадываться, какой именно аргумент Грайнем решил преподнести, но молчала, ожидая завершения рассказа.

— Мои доводы о том, что такое обращение с леди — низко и недостойно джентльмена, он отмел красочным описанием вашего морального облика.

Я невольно хмыкнула, прикрыв усмешку чашкой. Все же в языковой изобразительности графу не откажешь.

— Отсутствие у вашей семьи серьезных капиталов его тоже не смутило. Он считал, что раз вы работаете, то сможете отдавать ему свое жалованье как минимум. И тогда я попытался его припугнуть. Не называя имен, упомянул, что мне известно наверняка о серьезном покровителе, с которым виконту лучше не связываться...

Понятно. Хотели, как лучше, получилось, как всегда.

За время рассказа спокойным ровным голосом, без издевок и насмешек, у меня схлынула первая яркая злость, а это признание окончательно ее притупило. В конце концов, Арчи совершенно не нуждался в информации о том, что у меня и сейчас есть любовник, чтобы меня шантажировать. Его откровений о нашей бурной юности свету тоже хватило бы.

— Эта новость, к сожалению, тоже не произвела на него нужного впечатления, только еще больше распалила. Впрочем, он был сильно пьян и не в себе, и я лелеял слабую надежду, что, проспавшись и обдумав все на свежую голову, он откажется от этой затеи. И мне искренне жаль, что он доставил вам несколько неприятных минут...

Помолчав мгновение, мужчина добавил, задумчиво глядя в чашку:

— Впрочем, Арчи мне теперь тоже, пожалуй, жаль...

— Что вы имеете в виду?

Граф посмотрел на меня с недоумением.

— Я, конечно, не высокого мнения о моральном облике самого виконта Оллина, но, по моим скромным соображениям, этот дурак не заслужил того, что с ним по вашему слову сделает герцог Тайринский.

— С чего вы взяли, что герцог Тайринский должен принимать участие в этой истории? — ледяным тоном осведомилась я. — То, что вы стали свидетелем определенной сцены и сделали определенные выводы, еще не дает вам права их озвучивать. Как и права лезть в подобное дело.

— Вы полагаете, я должен был промолчать?

— С учетом того, что ваши слова никакого эффекта не возымели, кроме обратного, — да, уж лучше бы вы молчали, не давая шантажисту дополнительной истории для шантажа!

Я со стуком поставила чашку на блюдце.

— Ну простите, даром предвидения, милейшая леди, я не обладаю. — Граф раздраженно повторил мой жест. — Не зря все же говорят — благими намерениями вымощена дорога в ад.

— Благодарю за чай, — с ядовитой воспитанностью произнесла я, поднимаясь.

— Стойте.

Граф и не подумал встать, провожая даму, и теперь смотрел на меня снизу вверх. Было во взгляде что-то такое, что заставило меня замереть и вопросительно вскинуть брови.

— Присядьте, я вас прошу. Давайте поговорим спокойно. Я понимаю ваше негодование, но я хотел и хочу помочь. Если вы не планируете вмешивать герцога, то одна вы не справитесь.

— Послушайте, лорд Грайнем...

— Вы можете звать меня Трей.

— Нет, спасибо, лорд Грайнем меня полностью устраивает, — холодно отозвалась я, и тонкие губы графа почему-то тронула улыбка. — Я привыкла самостоятельно решать свои проблемы и привычке этой изменять не намерена.

— Просить помощи и принимать ее — не одно и то же. Я мог бы дать вам денег. Сколько требует Оллин?

— Даже если отвести в сторону оскорбительность подобного предложения, вы же понимаете, что давать деньги шантажисту — это рыть себе погребальную яму?

Поскольку сестра я так и не соблаговолила, граф все же поднялся, тяжело опершись о трость. Надо же, воспитание в этой личности все же где-то теплится.

— Понимаю, но это могло бы дать вам отсрочку, чтобы подумать, что делать дальше.

Я смотрела на графа с недоумением. Мне никак не удавалось его понять. То он хамит, то высказывает искреннее участие. То хранит тайну, которую в общем-то хранить не обязан, то выдает ее человеку, которого меньше всего нужно держать в курсе. Было ощущение, что он чем-то выделил меня из всей разноцветной толпы девиц высшего света, но не в том ключе, о котором бы мечталось маменьке, а...

А в каком — понять не получалось. Как и разгадать, что же на самом деле нужно человеку, жаждущему мне помочь и одновременно жалеющему моего врага.

— Даже если бы у меня были деньги, Арчи не получил бы из них ни минки, — медленно и отдельно произнесла я. — Вашими вы вольны распоряжаться как угодно, можете хоть все их отдать бедному-несчастному дурачку или покрыть его долговые расписки, а что касается меня...

Я осеклась на полуслове. Озарившая голову мысль была одновременно опасной и гениальной. На самом деле, сколько бы я ни храбрилась, я не имела ни малейшего представления, как справиться с Арчи без потерь — кроме как пожаловаться Кьеру. Но жаловаться Кьеру не устраивало меня категорически по ряду причин. Что бы там он сам ни говорил о том, что для женщины нормально просить мужчину о помощи... будь он моим мужем, я бы к нему пошла. Но он мне не муж и никогда им не станет. И однажды этим отношениям придет конец, и привыкать к тому, что кто-то могущественный щелчком пальцев устраняет с моего пути препятствия, уж точно не стоит. Не говоря уже о прочих причинах, сквозивших и в словах Арчи, и в предположении графа — и больно ударяющих по самолюбию.

А пришедшая мысль... это шанс. Рискованный — но шанс.

Поэтому, стараясь не выдать слишком охвативший меня азарт, я поинтересовалась у графа:

— Но раз уж вы предложили... Скажите, лорд Грайнем, на те, одолженные суммы, Арчи оставлял вам долговые расписки?

— Да, но спешу вас заверить, миледи, речь идет действительно о небольших деньгах, и...

— А вы знаете, кому еще он точно оставлял расписки? И на какие суммы?

— Да, но...

— Прекрасно, — пропела я, обретая вновь присутствие духа. — В таком случае, если вы действительно хотите мне помочь, вы отдадите мне ваши расписки и назовете имена.

Трей Лоули, лорд Грайнем, одарил меня взглядом без проблеска понимания, но, промолчав, отправился за тем, что я затребовала.

Спускалась по ступенькам графского особняка я в куда более приподнятом настроении, чем поднималась.

— Извини! — В уже знакомую мне по самому первому визиту в герцогский особняк гостиную я почти влетела, шурша юбками. Кьер, оторвавшийся от чтения, вскинул на меня изумленный взгляд, и я сочла необходимым пояснить: — Я опоздала.

— Королевы не опаздывают, это все остальные приходят раньше, — с улыбкой отозвался герцог и, отложив книгу, собрался встать, но я его опередила, стремительно заняв освободившееся место у него на коленях.

Долгожданный поцелуй отозвался сладкой истомой во всем теле и легкой дрожью предвкушения. Мы целовались неспешно, никуда не торопясь и получая искреннее удовольствие от процесса, зная, что впереди еще долгий-долгий вечер.

— Что читаешь? — Отстранившись, я потянулась, чтобы перевернуть обложку отложенной книги, и Кьер воспользовался этим, чтобы прихватить губами тонкую кожу шеи, мочку уха рядом с аметистовой сережкой. — Мемуары? И кто же такой — лорд Клейбон?

— Один из моих предшественников на посту главы департамента.

— Вот как...

Мазнув взглядом по датам на обложке, я напряглась и торопливо открыла начало текста, где приводились краткие сведения об авторе. Родился, умер... дальше! «Будучи вторым сыном маркиза Тансенда...»

Еще один кусочек подзабытой в суете головоломки с щелчком встал на законное место. Надо же, я оказалась права, у изобретателя печати действительно были покровители в департаменте. Но готова спорить на все свое приданое (а, все равно не пригодится!), что в мемуарах о том, как департамент лихо прикрыл массовые убийства, нет ни слова.

Я с любопытством окинула взглядом оглавление, подумывая, как бы мне эту книжечку позаимствовать, пока Кьер продолжал щекотно выцеловывать шею, не менее увлеченный своим занятием, чем я — своим.

— Любишь мемуары? — неожиданно осведомился герцог, как оказалось, все же следивший краем глаза за моими действиями.

— Зависит от мемуаров! А тебя чего вдруг потянуло изучать свершения предшественников?

— Любопытно, как они подходили к вопросу контроля магии в целом и самоучек в частности.

— Проблемы? — Я обеспокоенно заглянула в черные глаза.

— Его величество не устраивает текущая ситуация. А случившийся теракт вообще выходит за рамки. Он требует решения, а решения пока нет.

— А ты как глава департамента — самый крайний, — недовольно проворчала я.

Не Кьер создал эту ситуацию с магией в королевстве. Не он подал идею о массовом запечатывании, не он приказал жестоко карать всех самоучек. А отдуваться за все это должен он. Несправедливо. Впрочем, королевская справедливость всегда была понятием относительным, но вслух об этом — ни-ни. Боже, храни короля!

— Для чего еще нужен глава департамента. — Герцог улыбался, но за улыбкой этой мне мерещился призрак глубокой задумчивости.

Я обхватила ладонями его лицо, провела большими пальцами по скулам, отметила пока еще едва заметные тени под глазами. «Что с ним сделает герцог...» Ну и куда ему еще и мои проблемы?

Прижалась губами к губам, упоенно ощущая, как живо они отзываются на поцелуй, как все могучее тело подается вперед, сжимая меня в объятиях. Сегодня как-то особенно хорошо было просто обниматься и целоваться, сидя на диване перед камином после тяжелого дня, полного неприятных сюрпризов.

— Ужин? — Кьер пристроил подбородок на мое плечо.

— Я думала, ты никогда не предложишь! — нарочито ворчливо отозвалась я, пытаюсь встряхнуться от излишне расслабляющих нежностей. — И где только ваше гостеприимство, герцог?

Кьер рыкнул, куснул меня сквозь ткань платья и отпустил, позволяя подняться.

— Надеюсь, сегодня ты не планируешь представлять меня троюродной бабушке, двум кузенам

и тетушке Мюррей? — поинтересовалась я, пока мы чинно — рука об руку — шествовали в столовую.

— Откуда ты знаешь про тетушку Мюррей? — хохотнул Кьер.

— У тебя она есть? Seriously? Только не говори мне, что это карга без возраста, которая искренне считает, что все окружающие жаждут приобщиться к светочу ее мудрости. А мудрость ее распространяется абсолютно на все области жизни, но главным образом на сферы брака и детей, несмотря на то что у нее нет ни того, ни другого!

— В точку. — В черных глазах плясали смешинки.

— Господи, вот уж не думала, что герцогское семейство является образчиком анекдотических. Теперь мне вдвойне страшно.

— Не переживай. — Кьер фривольно притянул меня к себе за талию. — Сегодня даже Томас нас покинул. Кстати, сразу после бала он пришел ко мне с заявлением, что жаждет податься в юриспруденцию. Расскажи-ка, свет очей моих, какое отношение ты к этому имеешь? И как тебе это удалось? Я видел, как вы шушукались, спрятавшись за колонной. С учетом того, что до этого мой юный родственник практически всех присутствовавших избегал...

— Ни малейшего! — Я выкрутилась и оскорбленно огладила платье. — Делать мне больше нечего, чем с чужими юными родственниками нянчиться! У меня свой есть!

Кьер выбросил вперед руку, чтобы ухватить меня и вернуть «на место», я со смехом увернулась... и чуть не врезалась в круглый столик, на котором стояла какая-то странная металлическая конструкция из тонкой проволоки с поблескивающими внутри шестеренками.

— Это что? — заинтересовалась я, разглядывая неведомую вещь.

— Брат. — Даже по звуку голоса было слышно, что Кьер поморщился.

— Что, делает? — уточнила я, припомнив о попытках юного лорда приобщиться к изобретательскому мастерству, ибо на функциональную вещь эта конструкция не походила.

— Если бы, — вздохнул герцог. — Тащит! И где находит только. Полдома хламом завалено, потом покажу, если хочешь.

Я согласно кивнула и, окинув напоследок инсталляцию еще одним любопытным взглядом, нагнала ушедшего на пару шагов вперед мужчину. Значит, это приятель Томаса балуется? Забавно-забавно. Крепкая у них дружба, коли и неудачные поделки юный лорд складировать в родовом особняке.

А после ужина, когда Кьер повел меня показывать остальные «сокровища», я окончательно поняла, что определенно хочу узнать больше об этом таинственном изобретателе.

Под механизмы была отведена целая комната, и то было ясно, что в ней они давно не помещались, вот и расплзались по особняку, ненавязчиво отвоевывая пространство, как та штуковина, которую я чуть не уронила. А в этой комнате создавалось ощущение, будто бы я попала в какой-то другой мир.

О предназначении большей части вещей оставалось только догадываться. Впрочем, были там и знакомые предметы, но переделанные или исковерканные так, что опознать их было не всегда просто. В углу на столике стояли часы с тремя циферблатами — один обычный и два с непонятными символами, они тикали так громко и торжественно, будто отсчитывали последние мгновения этого мира. Прибор для выдавливания косточек из вишни. Весы, на которых более тяжелая чаша, наоборот, поднималась...

Возле очередной невнятной штуки, медленно вращающейся вокруг своей оси, я застыла гончей, почувствовавшей след. А вернее — легкий, почти незаметный фиалковый запах, похожий на аромат духов.

Магия?

Я взяла вещь в руки, покрутила в разные стороны, убеждаясь, что от нее действительно пахнет магией, а не разлитыми духами, вот только почему? Как? На артефакт механизм похож не был. Во-первых, потому, что механизмов-артефактов не бывает. Во-вторых, у артефактов иной, весьма специфический душок.

— Что-то заинтересовало? — Кьер подошел сзади и, обняв меня за плечи, коснулся губами шеи, поцеловал в висок. Пальцы ненавязчиво поглаживали кожу сквозь тонкую ткань рукавов.

— Ты в курсе, что эта штука — магическая? — Я продолжала вертеть приспособление в разные стороны, сясь понять, что же это может быть. Или хотя бы — как оно работает. Такого типа механизмы, очевидно, требуют завода, но ни ключа, ни скважины для него мне обнаружить не удавалось.

— Магическая? — Пахло озоном, и Кьер пожал плечами, прижимая меня к себе теснее. — Мне не почувствовать. Может, просто что-то остаточное? Для обработки некоторых деталей, я знаю, применяют магические техники.

Возможно-возможно... Эманации и впрямь слишком слабые, артефактор еще, может, и смог бы их обнаружить, но не стихийник. Если бы я не развивала во время учебы способности запечатанного, то могла бы тоже упустить это из виду. Но интересно, а еще подобное здесь есть?

Я выскользнула из объятий герцога и снова прошла мимо таинственных изобретений, теперь уже целенаправленно «принюхиваясь». И обнаружила таинственный аромат еще у нескольких механизмов.

— Я начинаю жалеть, что привел тебя сюда, — проворчал Кьер, взяв меня за руку, будто намеревался оттащить от поделок, как маленькую девочку от витрины кукольного магазина. — Еще не хватало, чтобы ты тоже заразилась этой манией.

— Ревнуешь? — Я состроила глазки особенно уродливой конструкции.

— Безумно.

От легкой хрипотцы, прорезавшейся в низком голосе, по позвоночнику пробежала дрожь. Кьер, поднес мою кисть к губам, но не церемонно поцеловал кончики пальцев, а перевернул и прижался губами к центру ладони. Щекощуще-нежное прикосновение, растаявшее прежде, чем я успела сполна его ощутить. Оно почему-то кольнуло острым беспокойством.

Мне вдруг подумалось, что Кьер сегодня как-то особенно ко мне внимателен. Все эти нежности, без намека на закономерное продолжение... они, конечно, льстили моему женскому самолюбию, но...

— У тебя точно все в порядке? — спросила я, заглядывая в черные глаза.

— Конечно, — беззаботно отозвался герцог. — А у тебя?

— У меня все прекрасно, — спокойно отозвалась я, внутренне подбираясь — он что-то знает? О чем-то догадывается? Да нет, если бы знал, то наверняка сейчас был бы зол как черт, а не безукоризненно ласков.

— Ну и чудно, — почти мурлыкнул Кьер, зарываясь носом в мои волосы.

Что-то не так. Но что? Монарший гнев? Немилость? Департамент закрывают? Голод? Война? Что?!

Подозрения крепили в душе все сильнее, но я с беззаботной улыбкой позволила «уговорить» себя бросить эти железяки и продолжить экскурсию в личных комнатах его светлости.

Вот только и там сомнения меня не отпустили.

Кьер и в постели оказался так пронзительно нежен, что у меня заходило сердце от наслаждения и страха. Руки и губы скользили по коже невесомыми, обжигающими прикосновениями, давая понять, что Кьер более чем прекрасно изучил мое тело, потому что сегодня он владел им, как именитый музыкант своим инструментом. Я сходила с ума и плавилась в его руках, но все мои попытки доставить ответную ласку непреклонно пресекались.

И почти задыхаясь, умирая от острого наслаждения, когда он был во мне, когда двигался во мне, когда мои пальцы впивались в литые мышцы рук, а на губах оседали поцелуи вперемежку с хриплым дыханием, я все еще задавалась вопросом — что случилось? Что могло случиться, раз такой мужчина, как герцог, ищет во мне тепла и утешения?

Ответ на этот вопрос не находилось, а сам Кьер определенно не собирался его давать. Он

вообще, кажется, вознамерился задремать, стиснув меня в объятиях, и я торопливо выскользнула из-под тяжелеющей руки, по привычке отправляясь в гардеробную.

И там с удивлением уставилась на висящие на вешалках пеньюары различных расцветок, не менее десятка. К одному из них был приколот булавкой сложенный лист бумаги.

«Хватит таскать мои рубашки».

Не в силах задавить безотчетную улыбку на губах, я накинула на плечи первый попавшийся под руку подарок, ни капли не удивившись, что он сел по фигуре, будто был на меня шит. Хотя какое «будто», на меня и был. И я даже знала, где его светлость добыл мерки, но не хотела даже задаваться вопросом — как?

— Ну ты и жадина, — вынесла я вердикт, возвращаясь в спальню.

Кьер, все так же дремлющий, не сменив позы, приоткрыл один глаз, чтобы бросить на меня хитро-вопросительный взгляд.

— Полотенца мне пожалел, рубашки пожалел, изобретений никому не нужных пожалел, — перечислила я, старательно загибая пальцы. — Профессору малознакомому целого мальчика подарил, а для меня отреза ткани жалко! — праведно негодовала я, присев на краешек кровати и принимаясь расчесывать волосы.

— Мальчика, прошу заметить, я дарил тебе. А то, что ты ценными подарками раскидываешься направо и налево — это уже не моя забота, — хмыкнул герцог.

— Конечно, — печально заметила я. Нарастающий азарт в глазах Кьера мне определенно нравился. Может, еще и не все так плохо, как мне показалось? — А бриллианты где, спрашивается? Я после долгих уговоров переступаю, можно сказать, через себя, позволяю от широты душевной преподнести мне бриллианты... и что? И ничего!

— Эри, я сейчас в тебя чем-нибудь кину. И это будут отнюдь не бриллианты.

Угроза звучала вполне серьезно и общего с предыдущими нежностями имела мало. А от лениво-порывающего тона, которым она была произнесена, у меня сладко заняла каждая клеточка тела. Узнаю своего мужчину!

Кьер сел, провел ладонью по лицу, волосам, стряхивая с себя липкую паутину дремы. И я откровенно залюбовалась этим жестом, этим телом, красивым, волевым лицом. Куда там до него графу Грайнему, о коем сейчас были все мечты и помыслы драгоценной матушки.

С графа Грайнема подлая мысль плавно утекла в сферы еще более неприятные. Внезапно созревший план требовал внимания и обдумывания, а время, отпущенное на это, утекало сквозь пальцы речным песком.

— О чем задумалась? — голос герцога выдернул меня из размышлений.

— Да так, дела криминалистические, — отмахнулась я. Не хватало еще заново вернуться к допросам и плохому настроению, ведь только-только удалось его растормошить.

— И что с ними?

— Все-то вам, герцог, надо знать! — в прежнем игривом тоне отозвалась я, перекинув расчесанные волосы за спину, и пеньюар, словно невзначай, соскользнул с плеча, задетый этим движением. — Извини, мой милый, но у меня правило — не тащить проблемы с одной работы на другую!

— Какую — другую? — отчетливо рыкнул Кьер, раззадоренный не то спектаклем, не то моим упрямством.

Глядя ему прямо в глаза, я медленно вернула рукав на место, позволяя гладкому шелку неторопливо скользить по коже.

— Так я герцогской любовницей подрабатываю, по совместительству.

Повисшее молчание заполнялось грозovým запахом близкой магии. Я вся подобралась, как завидевшая мышь кошка.

— То есть мало того что для тебя это работа, — тихо-тихо и очень спокойно уточнил Кьер, —

так еще и не основная?!

Я с веселым визгом соскочила с кровати, увернувшись от брошенной подушки. Вторая пролетела над головой, третья врезалась в столбик кровати, за которым я спряталась, прикрывшись бархатным пологом. А когда с бешено колотящимся сердцем я выглянула, чтобы выяснить местоположение стрелка и оценить количество оставшихся зарядов, Кьера на кровати уже не оказалось.

Я вскрикнула уже по-настоящему, когда плечи сжали стальные клещи, резко разворачивая меня лицом к воплощению ночных кошмаров — демону, сверкающему разрядами грозových молний.

— Убива...

Рывок — ткань так и не успевшего мне толком послужить пеньюара треснула, открывая доступ к телу.

— Насилуют! — пискнула я, быстро исправившись.

Больше лишних звуков мне издать не дали. Горячие губы впились в мой рот, руки с силой сжали. И я вся подалась вперед, выгибаясь навстречу, позволяя Кьеру делать все что угодно, все, что он только может пожелать. От игривой строптивости не осталось и следа. Раззадорить словами — да, а вот сопротивляться сегодня не хотелось даже в шутку, понарошку. Пусть знает, пусть убедится, что я здесь, что я рядом, что я на все согласна.

В вихре ощущений я даже толком не поняла, как мы снова оказались на кровати, еще меньше — как я оказалась сверху. И Кьер жадно ощупывал взглядом мое покрасневшее лицо, вновь растрепавшиеся волосы, пересохшие, с хрипом хватаящие воздух губы. Взгляд этот стекал огненной дорожкой по шее на грудь, не прикрытую клочками ткани, по животу, вниз, туда, где два тела сливались в одно. Руки сжимали мои бедра, помогая поддерживать все ускоряющийся темп, жжение внутри делалось все сильнее, а от этого взгляда становилось просто невыносимым. И когда тело прошло молнией такое долгожданное, такое сладкое наслаждение, я со стоном опустила щекой на горячую, влажную от пота грудь, чувствуя, как биение сердца в ушах звучит почти в унисон с тем, что грохотало в грудной клетке, к которой я прижималась.

Я до невозможности любила эти мгновения — сразу после. Наверное, ничуть не меньше, чем сам процесс. Удивительное состояние приятного опустошения, легкости. Мысли, оглушенные чувственным наслаждением, не торопились возвращаться в голову. Каждая клеточка тела, такая напряженная на пике, — расслаблялась. И не хотелось двигаться. Вообще ничего не хотелось — пусть бы все оставалось, как есть сейчас, в это самое мгновение.

Кьер глубоко вздохнул, и я подняла голову, подтянулась, прижалась к его губам поцелуем.

— Останься. — Герцог убрал с моего лица волосы, зарылся в них пальцами.

— Ты же знаешь, я не могу.

— Знаю. Но это не значит, что я не могу попросить.

Я улыбнулась, искренне надеясь, что улыбка не отдавала горечью, осевшей на сердце.

Тучи накрыли Карванон глухим темным куполом. Они висели так низко, что, казалось, задевали раздутыми боками шпили городских зданий и, наверное, поэтому то и дело прорывались ливнями. Короткими, но яростными — сплошной непроглядной стеной, будто кто-то сверху опрокинул на столицу ведро воды.

Я стояла под козырьком цветочной лавки напротив дома № 46 по улице Звонких голосов, мяла в ладонях ридикюль и не решалась пересечь ее. Отчасти из-за плетей дождя, бешено хлеставших по мостовой, от которых не спас бы мой старый зонтик. Отчасти из-за того, кто поджидал меня в этом доме.

Но когда очередной ливень утих, превратившись в мелкий дождь, повисший в воздухе водяной пылью, я глубоко вздохнула, набралась смелости, перебежала улицу и толкнула дверь в ярко освещенный подъезд.

Арчи Оллин снимал апартаменты на втором этаже дома. На мое счастье, на лестнице мне

никто не встретился, а дверь в квартиру оказалась не заперта. Я даже не стала стучаться, просто толкнула ее внутрь и вошла, торопясь скорее скрыться с людских глаз. Меньше всего мне хотелось, чтобы меня видели входящей в квартиру этого мерзавца.

В прихожей было сумрачно и пусто. Дальше шагнуть я не решилась и уже собиралась подать голос, чтобы заявить о своем присутствии, но не пришлось — Арчи сам показался в арке в конце коридора, ведущей, очевидно, в гостиную. Выглядел он отвратительно — прическа в беспорядке, как и одежда, рассеянный блуждающий взгляд...

Я сильнее стиснула в пальцах ридикюль.

— А, это ты. — Виконт расплылся в ухмылке. — Добро пожаловать, птичка, в мою скромную обитель! — Он, пошатываясь, поклонился и тут же произнес жадным, нетерпеливым голосом: — Принесла?

— Нам надо поговорить, лорд Оллин, — сдержанно отозвалась я.

— Не о чем нам разговаривать, я тебе уже все сказал. Давай деньги и проваливай, пока я щедр и не потребовал за свое молчание больше.

— Ты прав, Арчи. — Я смотрела бывшей любви всей моей юности в глаза и старалась, чтобы голос мой звучал ровно. — Нам очень хорошо было вместе, и ты многому меня научил, поэтому я решила, что обязана тебе помочь.

— Меньше слов, Эри. — Арчи двинулся ко мне. — Деньги.

Я достала из ридикюля и молча протянула ему две расписки. Одна из них принадлежала графу Грайнему, другая... Другая была написана на имя господина Лайнира, которому виконт задолжал четыреста толлов, и была искусно подделана мной вчера вечером после долгого изучения имеющихся образцов.

Арчи выдрал бумаги из моих рук, пробежал глазами собственный почерк, и все еще сохранившее следы красоты лицо исказила гримаса недоумения и злости.

— Что это?! — он сунул бумаги мне под нос.

— Пятьсот толлов, — спокойно ответила я. — Я выкупила расписки на эту сумму и возвращаю их тебе, можешь уничтожить.

Глаза виконта метались по моему лицу, дыхание учащалось, но, прежде чем он успел что-либо еще сказать, я спокойно продолжила:

— Я настолько тебе благодарна, Арчи, за науку, что выкупила также и несколько других расписок. Господа Фейлиш, Крамс, Зайнцвен, лорд Гиннел и прочие были очень рады получить деньги, которые они и не чаяли уже увидеть. Так рады, что даже не спрашивали, для чего мне нужны расписки. И я расскажу тебе — для чего. Если ты еще хоть раз попробуешь приблизиться ко мне, заговорить со мной и хоть где-либо упомянуть мое имя, я подам на тебя в суд и потребую взыскать долги. И тебе ли не знать, мой милый, что сумма там такая, что твой отец предпочтет отречься от сына, нежели ввязываться в это грязное дело. Благо у него теперь имеется второй наследник и третий на подходе — спасибо второй супруге.

— Ты... ты... — Арчи сначала побелел как мел, а теперь глаза его налились кровью, дыхание сделалось хриплым и тяжелым, и я поняла, что эффект произведен нужный и самое время уходить.

Вот только шага назад виконт мне сделать не дал. Взметнулась рука, пальцы впились мне в горло, рывок — и я вскрикнула, ударившись головой о стену, а Арчи придвинулся вплотную, прижимая меня тяжелым телом.

Тиски на шее сжались сильнее — из горла вырвался сдавленный хрип.

Рука в ридикюле нащупала артефакт-оглушитель — я купила его и носила с собой еще со студенческих времен, регулярно подновляя у артефакторов, ибо отвага — это хорошо, а беззащитной девушке лучше иметь под рукой что-то помимо нее, — но нажать на камень активации не успела. Арчи выдрал сумку у меня из рук и отшвырнул прочь.

— Тварь!

Скрюченные пальцы сдавили так сильно, что в глазах потемнело. Я успела подумать, что если

он меня и не задушит, то свернет шею, а потом из головы вылетело вообще все, я смогла только безумно, отчаянно вцепиться в душашую меня руку, царапая кожу, пытаюсь отодрать, вырвать для себя хотя бы глоток такого драгоценного воздуха!

— Да ты хоть знаешь, что они со мной сделают, если не получат деньги?! Гадина!

Мерзавец оторвал меня от стены только для того, чтобы снова об нее ударить. В глазах потемнело, перед ними поплыли звезды, я давилась хрипами, и в тот момент, когда моя рука обессиленно соскользнула с чужой кисти, а сознание почти померкло, раздался страшный грохот.

Смертельное давление на горло, а вместе с ним и сила, держащая меня на ногах, исчезли — и я стекла по стене вниз, кашляя, давясь воздухом, жадно глотая его и снова давясь.

Какое-то время сквозь сипы и гул в ушах мне слышались сдавленные визгливые вопли Арчи, но потом они стихли. Вместо них пробились другие голоса — спокойные, бесстрастные.

— Миледи, позвольте, я вам помогу...

Дышалось все еще тяжело, а глаза застилала слезы, поэтому я не столько видела, сколько ощутила, как меня бережно подхватили под руку, помогая встать на ноги. Куда-то повели. Усадили. Голоса были сплошь незнакомые, и я торопливо утерла слезы тыльной стороной ладони, сиюсь понять, что вообще произошло.

Двое мужчин — незнакомые лица, темная одежда без знаков отличия.

«Кто вы?» — попыталась произнести я, но не смогла и снова зашлась безудержным кашлем.

— Воды, миледи?

Я приняла стакан, жадно глотнула и чуть не захлебнулась, подавилась. Горло заболело так, что у меня снова выступили слезы. Пытаясь отвлечься от неприятнейших ощущений, я окинула взглядом место, где находилась.

Гостиная. Полупустая, с минимумом мебели, никаких украшений. Шторы задернуты, а упоительно вкусный в первые мгновения воздух теперь на вкус был застоявшимся, затхлым. К нему примешивался, правда, легкий аромат флердоранжа, исходивший от бледных нитей, паутиной опутавших тело Арчи Оллина. Виконт сидел в углу и бешено сверкал глазами. Встретившись со мной взглядом, он попытался открыть рот, но тут же напоролся на стоящего над ним мага с бесстрастным лицом и промолчал.

Мои спасители тоже молчали, а я при всем желании ничего, кроме сипов и хрипов, издать пока не могла. В застывшей, как в немой сцене спектакля, комнате назревало напряжение, будто мы все чего-то ждали, но непонятно, чего именно.

Все встало на свои места, когда повисшую тишину прорезали сначала торопливые шаги на лестнице, затем глухие — по коридору, и в арке, заполнив ее собой целиком, появился Кьер.

Он уставился первым делом на меня, и мне очень захотелось куда-нибудь спрятаться. Растрепанный вид, заплаканное лицо, опухшая шея с наливающимися цветом синяками... я сжала в пальцах юбку, забыла, как дышать. Господи, как он?.. почему?

Тяжелый взгляд соскользнул с моих плеч, оставив на них часть груза, и Кьер сдвинулся с места, направившись напрямиком к Арчи.

— Развяжи, — короткий приказ повис в воздухе.

Маг сделал прихотливый жест, и белесые путы растаяли, однако Арчи не торопился подниматься, глядя на герцога круглыми глазами.

— Встань.

Виконт продолжал сидеть, ошалело глядя вверх. Многозначительный взгляд, и маг подхватил Арчи под руку и вздернул, ставя на ноги.

— Ваша светлость... — пролепетал тот, с трудом раздирая пересохшие губы.

Кьер замахнулся, и я торопливо отвела взгляд, вот только в уши все равно ворвался характерный хруст сломанной переносицы.

Арчи завопил, но тут же захлебнулся собственным воплем под глухой звук второго удара. Я вздрогнула, все же вскинула ресницы и застала третий, пришедшийся по почкам, да так от души, с грозовой вспышкой магии, что виконт снова повалился на пол, скуля и постанывая, размазывая по лицу кровь. Мне на мгновение показалось, что разъяренный герцог добавит ему еще и начищенным до блеска носком ботинка, но Кьер сдержался. С видимым усилием разжал стиснутые челюсти и произнес:

— Если я еще хоть раз услышу твое имя в каком бы то ни было контексте, я сровню тебя с землей. Понял?

Арчи корчился на полу, не отвечая. Тогда Кьер присел на корточки, схватил его одной рукой за грудки и подтянул к себе.

— Понял?

— Да, ваша светлость, — прогнусавил виконт, и герцог швырнул его обратно и выпрямился, брезгливо отряхнув после этого руки.

Он повернулся в мою сторону, и я пружиной подскочила с дивана, несмотря на дрожащие колени. Пошатнулась, чуть не упала, но вовремя была поддержана вторым из спасителей, а вернее, как я начинала смутно догадываться, — охранников.

Невозможность говорить почему-то разрывала грудную клетку, дышать становилось все тяжелее, перед глазами поплыло, я увидела, как Кьер делает шаг в мою сторону, и... с некоторым удивлением лишилась чувств.

Роль 10

ВИНОВНИЦА

Запах нашатыря врезался в нос, я поморщилась, закрутила головой, пытаюсь от него отвернуться, но чьи-то ладони сжали плечи, заставляя замереть, а над ухом раздалось негромкое:

— Ш-ш-ш-ш, миледи, не двигайтесь.

Голос был чужой, но тихий и ласковый.

Я с некоторым трудом разлепила ресницы и увидела склонившегося надо мной мужчину лет пятидесяти в позолоченном пенсне. Раздражающая нашатырная вонь никуда не делась, хотя ватку со спиртом никто под моим носом уже не держал, но только спустя несколько мгновений я поняла, что запах этот облаком окутывал самого мужчину. Целитель. Н-да, ирония судьбы.

Я попыталась приподняться, но и эта попытка была пресечена строгим надавливанием на плечи. Но прежде чем целитель успел меня пожуричь, сбоку раздался другой голос. Этот я знала прекрасно и прямо сейчас не была уверена, что хочу слышать.

— Эри, угомонись, ради бога, и дай господину Листеру сделать свою работу.

Несмотря на вернувшуюся боль в шее, я повернула голову и поняла наконец, что нахожусь в герцогской спальне, а сам герцог с многообещающе мрачным видом подпирает стену, скрестив руки на груди. Мне сделалось не по себе, по позвоночнику пробежала холодная дрожь.

— Вот так, миледи.

Целитель утвердил мою голову прямо, чуть приподняв, и принялся осматривать шею. Прикосновения сухих теплых пальцев были едва ощутимы и не причиняли дискомфорта, а вот запах нашатыря значительно усилился, и я против воли поморщилась.

— Больно? — тут же среагировал господин Листер.

Я, благоразумно не открывая рот, отрицательно мотнула головой.

— Леди Рейвен — запечатанный маг, — снова вмешался Кьер, каким-то мистическим образом уловив, что меня беспокоит. — Возможно, ей неприятна ваша магия. — И, помолчав мгновение, он добавил: — Продолжайте.

Я метнула в герцога раздраженный взгляд, тот ответил мне вздернутой бровью. Целитель же немного виновато пожал плечами, улыбнулся:

— Это не займет много времени.

Он сдержал слово и уже менее чем через четверть часа паковал свои инструменты в черную кожаную сумку. Тошнотворный нашатырный аромат постепенно развеивался.

— Все не так страшно, ваша светлость, — отчитывался целитель, что показательно, не передо мной. — Гортань и голосовые связки почти не пострадали. Отек под заклиниванием спадет через пару часов, хотя трудности с речью могут сохраняться еще несколько дней, так что я настоятельно рекомендую покой, обильное теплое питье и поменьше разговоров.

— А синяки? — уточнил герцог, и мне захотелось натянуть одеяло до самых ушей, чтобы прикрыться.

— Помилуйте, ваша светлость, где вы видите синяки? Я же не шарлатан из Черного округа! Всего доброго. Миледи.

И господин Листер ушел, оставляя меня один на один в клетке с разъяренным львом.

В процессе лечения целитель меня все-таки усадил, так что теперь я вжалась спиной в подушки, подумывая, а не сползти ли мне обратно вниз и не притвориться ли снова обморочной дамой. Скандал, в неотвратимости которого я уже не сомневалась, не заставил себя ждать.

— Господи, Эрилин, позволь поинтересоваться, чем ты думала? И я еще наивно полагал, что у тебя, в отличие от большинства высокосветских идиотов, есть мозги!

Кьер стремительным шагом пересек комнату, обогнул кровать.

— И чем бы все закончилось, если бы я не увидел, как ты позавчера беседовала с этим типом? И не приставил бы слезку?

Он схватился за графин с водой, и я машинально зажмурилась, будто боялась, что он сейчас в меня им запустит. Звук плеснувшей о края стакана жидкости заглушило продолжение пламенной речи:

— А если бы они просто не успели? Эри, ты женщина, черт побери, а не всемогущая воительница! Ты можешь хоть иногда рассчитывать свои силы, исходя из этого?!

Пахнуло озоном. Он там уже огненными шарами, что ли, швыряется?..

Детское желание полезть под одеяло взыграло с новой силой.

— Пей.

Я открыла глаза и с удивлением уставилась на сунутый мне под нос стакан с водой. Под пылающим гневом взглядом взяла его в руки. Теплый.

Помня о первом неудачном опыте, я сделала маленький глоток. Жидкость скользнула по саднящему горлу, чуть облегчая боль, и я продолжила пить, а Кьер... Кьер тоже продолжил:

— Меня не устроило твоё заявление после бала. Когда ты сказала, что разберешься сама. Из-за пустяка ты бы не плакала, а участие в чем-либо серьезном, мне казалось, я заслужил. Но ты известная упрямец, и я отступил, хотя заподозрил, что дело касается одного из моих гостей. А потом я увидел тебя с этим типом возле департамента, и увидел выражение твоего лица... счастливая случайность! Выяснить, что графское семейство владеет поместьем, граничащим с вашим, не заняло много времени. Выстроить версию, исходя из вашего соседства, образа жизни виконта и твоих слез — еще меньше. И тогда я еще наивно полагал, что уж теперь-то ты поделишься и позволишь помочь. Как идиот полагал, что ты мне доверяешь.

Кажется, текущее положение вещей, когда я сижу и молча слушаю, глядя на него снизу вверх, герцога полностью устраивало. Более того — успокаивало и толкало на откровения.

А я неожиданно для себя поняла, что оно меня тоже устраивало. Кьер имел полное право на меня злиться. И выговаривать мне, как маленькой девочке, тоже имел полное право. И даже швыряйся он сейчас этими треклятыми огненными шарами — он все равно был бы прав.

А я нет.

И мое собственное признание за ним всех этих прав стало для меня главным откровением. Поэтому уж лучше я молча посижу и переварю это все.

— А когда ты ушла, так и не сказав ни слова, хотя у тебя в глазах читалась вселенская тоска, тогда я приставил к тебе своих людей. С указанием следить и при необходимости — вмешаться, искренне надеясь, что вмешиваться не придется... Господь Всемогущий, Эрилин, чем ты думала?!

Я отставила стакан в сторону, взяла Кьера за руку, под его недоуменный взгляд потянула, заставляя сесть на кровать. А потом, выпутавшись из одеяла, торопливо, пока не успел опомниться, перебралась к нему на колени, обхватила руками за шею и уткнулась носом в плечо.

Герцог тяжело вздохнул, и массивные руки сомкнулись вокруг меня кольцом.

— Ты мне все расскажешь.

Я активно покивала.

— Во всех подробностях.

Я закивала еще активнее.

— Во всех, Эрилин!

Ой, какие мы недоверчивые! Я фыркнула и куснула его за шею. А нечего палку перегибать, пользуясь моментом. Я, конечно, бессловесная, но не обездвиженная же! Впрочем, чтобы получить ответы на вопросы, Кьеру в любом случае придется поднабраться терпения.

Собираясь домой, я перебирала в голове версии для объяснения с родителями. Пока что самым лучшим мне казался вариант проскользнуть в комнату незамеченной и попросить Марианну подать ужин наверх, сославшись на нездоровье. При таком раскладе мой хриплый голос с утра уже никого не удивит. Воскресенье отлежусь, в понедельник на работу, полная сил и бодрости. Параллельно с этими размышлениями терзал меня и другой вопрос. И, коль скоро обсудить этот момент все равно еще придется, я уже увереннее наступила на горло самонадеянной гордости и повернулась к герцогу наблюдавшему за моими сборами с плохо скрываемым недовольством. Направлено оно было не столько на меня, сколько на ситуацию, из-за которой мне «в моем состоянии» приходится двигаться.

— Кьер... — Мне показалось, что голосовые связки трутся в горле друг о друга со ржавым скрипом, но тем не менее звук получился хоть и хриплый, но узнаваемый. Правда, для толкания речей определенно непригодный, поэтому я постаралась ужать вопрос до минимума: — Как быть с Арчи?

После того как мой собственный план провалился с таким оглушительным треском (почти что моих косточек...), я уже не была уверена, что на этого мерзавца может хоть что-то повлиять. В силе герцогских кулаков я не сомневалась, а вот в эффекте, который они произвели на данную конкретную «грушу», — пожалуй. Озвучить все это я, конечно, сейчас не могла, но Кьер понял.

— Не переживай, — в голосе герцога звучала сталь. — Я сумею заставить его молчать.

А через два дня виконт Арчибалд Оллин, несостоявшийся граф Ривер, был обнаружен мертвым.

Узнала я об этом еще от газетчиков, шныряющих по улицам столицы меж спешащих на работу горожан. В несколько расплывчатой, однако, форме...

«Живодер за социальное равенство!» — «Новая жертва Живодера! Титул не спасает от убийцы!» — «Перед лицом смерти все равны!»

Эти выкрики ломкими мальчишескими голосами заставили ускорить шаг, торопясь скорее добраться до отдела криминалистики, но я даже мимолетно не могла предположить, кто именно скрывался за громкими заголовками.

— Кто? — все еще хрипло выдохнула я, едва войдя в отдел.

И, услышав ответ, я не удержалась и медленно опустилась на ближайший стул. Сердце подскочило и забилось бешено где-то в больном горле, я сглотнула сухой ком, стараясь взять себя в руки как можно скорее, но мое потрясение от внимания коллег, конечно же, не ускользнуло.

— Вы хорошо его знали? — участливо поинтересовался Тарн.

— Просто знала. Поместье графов Ривер находится рядом с нашим.

— Мои соболезнования...

— Не стоит, — машинально открестилась я и, прежде чем кто-то успел это заметить и озадачиться, спросила: — Как это случилось?

— Тело было найдено в проулке возле Блейк-клуба. Виконт был его членом и завсегдатаем. Обстоятельства те же, что и всегда, — ни свидетелей, ни следов, идентичные показатели амулетов. Вырезаны почки.

Перед глазами стремительно пронеслось воспоминание-образ — как кулак с жесткой силой врезается в пошатывающееся тело.

— Почки... — повторила я.

— Ричи сейчас проводит вскрытие в присутствии адвокатов семьи. Граф сначала вообще требовал, чтобы тело сына вернули ему неприкосновенным, но Трейту удалось уговорить его

пойти на уступки.

— Трейту? А герцог?

— Герцога известили, но он пока не прибыл в департамент.

Что может задерживать Кьера в такой момент?! Мало того что департамент за разгуливающего на свободе Живодера проклинают уже все, кому не лень, а теперь, когда его жертвой пал графский сын... с нас же вообще три шкуры снимут, если не распустят к чертям!

От других мыслей, настырно лезущих в голову, я отмахнулась. Нет. Этого не может быть. Просто не может. Почему? Потому что!

И все же...

И все же я попросила у Тарна опись с места преступления. Внимательно вчиталась, сверяя все детали с тем, что уже зачитала до дыр ранее. Хлороформ. Идеальная рана, нанесенная твердой рукой...

Особое внимание я уделила показателям, которые до сих пор никто не смог объяснить. Все сходится до последнего значка.

У меня отлегло от сердца. Это точно Живодер, а не подражатель, не подделка. Нельзя подделать то, что лучшие криминалистические умы не могут расшифровать. Так ведь? А значит, угроза Кьера заставить Арчи замолчать не имеет к убийству никакого отношения. Просто совпадение. Не может же герцог быть серийным убийцей, это просто смешно.

Но смешно мне почему-то не было. Было нервно, тревожно и отчаянно хотелось прямо сейчас поговорить с Кьером, чтобы убедиться, что случившееся — просто совпадение. Страшное совпадение, которое не имеет ни к нему, ни ко мне ни малейшего отношения.

Я всем сердцем ненавидела этого слизняка Арчи Оллина. Но смерти я ему не желала. По крайней мере, такой смерти.

Вот только отделаться от мысли, что все равно косвенно виноват Кьер, виновата я, не получалось. Я была теперь абсолютно уверена, что маньяк вырезает у жертв больные органы. Потому что до встречи со мной и с герцогским кулаком с почками у Арчи все было в порядке...

Попытка заняться делами не увенчалась успехом — сосредоточиться не получалось. Это злило. Еще не хватало, чтобы коллеги заметили мое расшатанное состояние и начали задаваться ненужными вопросами, вроде с чего это вдруг леди Рейвен, с нежизненным хладнокровием воспринимающая каждый новый труп, теперь так разнервничалась. И, поняв тщетность усилий сосредоточиться, я отправилась оттирать стол в алхимической лаборатории. Физический труд если и не облагораживает, то отвлекает — точно.

Я так увлеклась битвой с одним особенно упрямым пятном, что даже не заметила, что уже не одна, и вздрогнула, когда от дверей донесся незнакомый мужской голос.

— Леди Рейвен? — звучал он неуверенно.

Вскинув голову, я увидела пожилого статного мужчину в круглых очках и с тростью. Лицо его мне было смутно знакомо, и хоть представлены мы никогда не были, я его узнала. Граф Ривер, мой несостоявшийся свекор.

Я неловко вытерла руки о передник и убрала с лица выбившиеся из прически пряди. Леди! Вид, конечно...

— Искренне соболезную вашей утрате, лорд Ривер, — произнесла я, ничуть не лицемеря. Каким бы человеком ни был Арчи, отцу, который потерял сына, я действительно искренне сочувствовала.

— Благодарю, — скупое отозвался граф, внимательно меня изучая и не делая попыток приблизиться. — Мы, конечно, не имеем чести даже быть представленными, но я хотел бы попросить вас об услуге, леди Рейвен.

— Чем я могу вам помочь? — спросила я с немалым удивлением.

— Найдите убийцу моего сына.

Приплыли.

— Вы знали Арчибальда. — Он не спрашивал, он утверждал, и я продолжала напряженно молчать, не зная, что именно известно этому человеку. — Вернувшись в столицу, он отзывался о вас и о семействе виконта в целом как о милейших людях и...

Граф осекся, помолчал и снова заговорил надтреснутым голосом:

— Я знаю, он был... сложным молодым человеком. Рано потерял мать, я был слишком занят делами, а когда опомнился, спохватился, момент уже был упущен. С моей второй супругой у него отношения не сложились, хотя она искренне любила его как родного. И...

Мужчина снова замолчал. Создавалось ощущение, что он сам не совсем понимает, что и почему сейчас мне рассказывает. Просто горе, распирающее изнутри, пробивается сквозь намертво вколоченные рамки благовоспитанности и выдержки.

— В глубине души он всегда был очень хорошим мальчиком. Просто запутался. А я... я не знал, что с этим делать, и предпочел закрыть глаза. И появились другие дети, и с ними все было как-то проще и понятнее, и...

Граф зажмурился, с усилием провел пальцами по глазам, потер переносицу, поправил очки.

— О вас отзываются как о крайне неординарной личности, леди Рейвен. И поэтому я хочу попросить вас, как специалиста и как человека, знавшего моего сына. Найдите убийцу.

— Я сделаю все, что в моих силах, лорд Ривер, — негромко произнесла я.

— Спасибо.

Граф почтительно кивнул, прощаясь, развернулся и вышел.

До конца рабочего дня я досидела с трудом. А стоило часам пробить семь, как одной из первых выбежала из отдела, одеваясь на ходу. Сунув первому встречному мальчишке, жаждавшему оказать прохожим любую услугу, записку для матери (убийство, кошмар, задерживаюсь на работе, буду поздно, не ждите), я вскочила в пролетку и уже спустя четверть часа проскользнула незамеченной в заднюю дверь особняка, выходящую на пустынную улицу. Условиться с Кьером о встрече у меня не было сегодня никакой возможности — он так и не появился в департаменте, поэтому заявляться к герцогу через главный вход я побоялась. Мало ли каких гостей изволит принимать его светлость...

Однако дворецкий, вызванный первым же встреченным лакеем, сообщил, что герцога нет, он уехал с утра и до сих пор не вернулся. Впрочем, лорд Томас здесь, не желает ли леди, чтобы ему сообщили о ее визите?

Леди не желала. Я не была уверена, что смогу сейчас легко и непринужденно болтать с юным лордом на отвлеченные темы, поэтому просто отправилась привидением бродить по особняку, дожидаясь возвращения хозяина и надеясь, что все же он явится раньше полуночи.

Ноги сами потянули меня в комнату изобретений. Почему бы не воспользоваться шансом еще раз все осмотреть без скучающего Кьера за спиной? И хорошенько принюхаться, вдруг фиалковый запах мне все-таки примерещился.

Войдя в комнату, я закрыла за собой дверь и вздрогнула, когда откуда-то сбоку раздалось сдавленное женское «ой».

Я повернулась на звук и встретилась взглядом с Томасом. А из-за спины юного лорда выглядывал край клетчатой юбки и светловолосая макушка, увенчанная шляпкой с фиалками.

— Л-леди Рейвен... — Юноша аж запнулся, и рука дернулась, будто хотела задвинуть «юбку» еще дальше за себя. — Какая неожиданность...

— Приятная? — уточнила я, с интересом разглядывая шляпку. Она отчего-то казалась знакомой, а может, это просто мысли о фиалковом запахе магии наложились на вид цветов.

— Очень, — вымученно признал Томас. Еще бы не признал! — А Кьера нет, он еще не вернулся из дворца.

Вот, значит, где пропадает его светлость. Причина уважительная. Кьера мне сделалось тут же жалко, но от этой мысли меня отвлек робко выглянувший из-за плеча Томаса голубой глаз, а

потом ойканье повторилось, и девушка вышла из укрытия, уставившись на меня с улыбкой.

— А мы с вами уже встречались!

Шляпка с фиалками и голубые испуганные глаза. Выступление пулисток и облава...

— Томас, я тебе рассказывала, помнишь? — Девушка обратила на лорда сияющий взгляд. — Леди помогла нам с Мерилин выбраться из толпы и сбежать от полиции.

Она сделала два шага мне навстречу и протянула руку.

— Спасибо вам еще раз огромное! Меня зовут Джейн. Джейн Свифт.

— Леди Эрилин Рейвен. — Я пожалала протянутую ладошку и невольно задержала на ней внимание. Рукопожатие было совсем не женским, а кожа ладони — горячей и немного шершавой, совсем не похожей на мягкий бархат юных девичьих пальчиков.

Томас с алеющими ушами, солнечно-беззаботная девочка, друг-изобретатель, упоминание о котором не проходит без спотыканий... все это начало складываться в подозрительно четкую картину. Да быть не может!

— Это ваше? — просто уточнила я, кивая на окружающие нас конструкции.

Голубые глаза стали круглыми, как блюдца.

— Как вы догадались?

— Томас много о вас рассказывал, — безмятежно отозвалась я.

— Томас! — возмущенно прошипела Джейн, оборачиваясь.

— Да я ни словом! — оскорбленно возмутился юный лорд, уставившись на меня восплавленными глазами. — Я говорил, что у меня есть приятель!

— Да-да, приятель, кто же спорил, — согласилась я.

К алеющим ушам Томаса добавился проступивший на щеках Джейн румянец, неловкость нарастала, и чтобы разрядить ее, я поинтересовалась, ткнув в первую попавшуюся штуковину:

— И что же это такое?

— Ой, вы знаете, все, что стоит здесь, — это исключительно неудачные эксперименты. — Джейн опустила глаза в пол. — Просто... разобрать их нет возможности, пока они не... в общем, нельзя. А дома у нас места для хранения недостаточно, и Томас любезно предложил свою помощь...

Ну конечно, для чего еще строился герцогский особняк, как не для складирования неудачных изобретений!

Два юных партизана. Томас скрывал девицу, девица, судя по оговоркам, скрывает что-то другое. Впрочем, ее как раз можно понять. Верх безрассудности — пускаться в детальные беседы о своих работах с первым встречным.

Зудевший на губах вопрос о магии, ощущаемой в механизмах, я в свете этого приберегла на потом. Что-то подсказывало мне, что раз уж судьба столкнула нас в толпе пулеток, а потом свела здесь, то новой встречи не избежать.

— А вы интересуетесь наукой? — Голубые глаза смотрели на меня почти с надеждой.

Изобретательница. Гений. Пулистка. Юное создание, дышащее энтузиазмом и желанием перевернуть мир. И, судя по всему, во мне она сейчас усиленно пытается отыскать сестру по разуму, не предполагая даже, что на той площади в тот день я оказалась случайно.

— Нет, от науки я далека, — улыбнулась я и, прежде чем солнечное личико омрачила тень разочарования, добавила: — Я работаю магическим криминалистом.

— О-о... — уважительно протянула девушка, оглянулась на Томаса и протараторила: — Вы знаете, мне, к сожалению, уже пора бежать, но мне очень-очень хотелось бы познакомиться с вами поближе. Я могу пригласить вас на чай? Мой отец, я уверена, тоже будет очень рад познакомиться! Мы живем на Шестой Университетской улице, отцу выделили дом от

университета... приходите в любой день! А лучше даже на ужин!.. Я ведь могу пригласить вас на ужин?

И она снова бросила взгляд на Томаса, будто хотела уточнить, можно ли так обращаться с леди.

— Несомненно, можете.

Настроение, после всех событий последних дней колеблющееся где-то между «все отвратительно» и «все еще хуже, чем отвратительно», волей-неволей поползло в сторону «а все не так плохо, как кажется».

— Тогда мы будем ждать вас завтра!

— Дже-ейн! — Братец Кьера наконец соблаговолил подать голос, больше похожий сейчас на шипение. Кажется, намерение его «приятеля» свести со мной более близкое знакомство его не вдохновило.

— Послезавтра? — неуверенно исправилась изобретательница.

Теперь Томас сверлил взглядом меня.

— Давайте мы спланируем и условимся о встрече. — Я этот взгляд с достоинством проигнорировала. — Ваш адрес я запомнила и непременно вам напишу.

— Хорошо. Ну... мне пора!

Я кивнула и вместе с парочкой двинулась прочь из Кладбища Неудавшихся Изобретений, как я теперь мысленно величала эту комнату.

— А вы?.. — Томас ненавязчиво втиснулся между мной и изобретательницей.

— А я в библиотеку, — безмятежно ответила я, прекрасно зная, что она лежит по дороге к черному входу. Вряд ли, скрывая девицу от Кьера, мальчик потащил бы ее через парадный. — Расскажите мне, Джейн, как же вы познакомились с Томасом?

— О, мы столкнулись однажды возле университета в Альбурге. Я уронила книги, Томас помог их собрать, мы разговорились, я обмолвилась, что мой отец профессор, преподает физику и механику. И Томас сказал, что очень интересуется этим предметом, ну и...

Ох, что-то подсказывало мне, что интерес к физике и механике проснулся у юного лорда исключительно после столкновения с хорошенькой профессорской дочкой!

— А вы... ему родственница?

— Друг семьи, — невозмутимо отозвалась я. — Очень близкий!

Томас поперхнулся неозвученным возмущением, и от очередного едкого комментария его спасла только дверь библиотеки на моем пути.

— Всего вам доброго, Джейн.

— До свидания, леди Эрилин! Я буду ждать вашего письма!

И почему-то я совершенно не удивилась, когда спустя несколько минут Томас, проводив своего «приятеля», нашел меня в библиотеке.

— У вас это наследственное? — поинтересовалась я, едва он перешагнул порог.

— Что? — озадачился юный лорд.

— Выбирать для отношений глубоко неподходящую партию.

— Да как вы... да мы... и вообще Каролайн вышла замуж за форсийского герцога!

— Ясно, значит, передается по мужской линии.

— Да с чего вы вообще взяли, что?..

— Мой юный друг, я, может быть, конечно, и не гений, но глаза имеются не только у них.

Томас пересек комнату и сел в кресло напротив меня.

— Кьеру не говорите, пожалуйста! И Джейн, она не знает... и вообще, никому не говорите!

Ой, да пожалуйста. Буду молчать, мне совершенно, ни капельки не сложно. И что изобретательница однозначно пылает к герцогскому брату ответными чувствами, я тоже никому не скажу. Меня же попросили...

— Не переживайте, лорд Томас, я унесу вашу тайну в могилу, — пробубнила я загробным голосом.

— Опять вы надо мной смеетесь, — упрекнул юноша.

— Это моя слабость — смеяться над пылкими увлеченными мальчиками.

На удивление на «мальчика» Томас совершенно не обиделся, а выдал и вовсе неожиданное:

— Вы только над Джейн не смейтесь. Ей непросто приходится, хоть она этого никогда и не показывает.

— Над пылкими увлеченными девочками, лорд Томас, я не смеюсь, я их поддерживаю.

— А почему же тогда?..

— Потому что мальчиков есть кому поддерживать и без меня. Общество у нас такое.

Брат Кьера смерил меня долгим задумчивым взглядом.

— Можете и дальше надо мной смеяться, но я рад, что Кьер вас встретил.

— Вот как? — удивилась я. — А я-то думала, вы проклинаете тот день и час...

На очередную шпильку юный лорд не обратил ни малейшего внимания, кажется, начал вырабатывать иммунитет. Молодец! Растет!

— Вы знаете... — Он уставился себе в ноги и заговорил как-то излишне торопливо, будто боялся, что я не стану слушать. — Ему очень нелегко пришлось. Отец был очень жестким человеком и строг с нами со всеми, но к Кьеру он был особенно требователен. Во всем. Он задался целью вырастить идеального наследника, человека, который может управлять герцогством и служить королю так же, как делал это он сам. А когда у Кьера открылось «окно», то к списку требований добавилось еще и безукоризненное владение магией...

Томас метнул взгляд на дверь, на меня, снова уперся им в пол.

— Отец был против запечатывания, считал это слабостью. Считал, что его сын обязан суметь взять это состояние под контроль, а не идти по пути наименьшего сопротивления. «Должны» и «обязаны» — это вообще единственные слова, которые мы слышали в свой адрес от отца, а Кьеру их перепало еще в два раза больше. И Кьер подчинился. Ему все подчинялись. Ни минуты свободного времени, и тотальный контроль. Удивительно, как после его смерти Кьер не сорвался и не пустился во все тяжкие, навёрстывать упущенное.

Я сидела и молчала, с интересом вслушиваясь в неожиданный сбивчивый монолог. Кьер не любил говорить о прошлом, и я не настаивала — свое я тоже не особенно любила. Но сейчас, когда о нем рассказывал Томас, появилось какое-то странное ощущение, будто то, что он рассказывает, — очень важно. Будто это знание поможет мне лучше понять, что на самом деле представляет собой герцог Тайринский.

— Он перенял дела отца, занял его место при дворе, заменил его нам с Каролайн. Когда он устроил ей брак с приглянувшимся на балу герцогом Алуйским, сестрица пищала от восторга, как канарейка. И... — Томас хотел, кажется, перечислить еще кучу достижений брата, но сообразил, что это может затянуться, осекся и подытожил смущенно: — Я всегда им восхищался, всегда. И мне казалось, что все это Кьеру ничего не стоит. Я понял, что ошибался, только когда вернулся домой сейчас. Ему хорошо с вами, леди Эрилин, по настоящему хорошо. Я никогда не видел, чтобы он столько улыбался. Да и вообще, чувствуется, что он оживает, будто внутренние путы ослабляются.

Ох, сегодня прямо день откровений. То, в какую сторону завернул свою речь юный Томас, меня, признаться, очень озадачило. И, надо признать, взволновало. И согрело. И...

К счастью, реагировать на столь внезапное заявление не пришлось. Дверь в библиотеку отворилась, явив нам герцога собственной персоной. Он перевел взгляд с брата на меня и произнес:

— Судя по выражению ваших лиц, темой животрепещущей беседы был я. Все кости перемыли или мне вернуться через полчаса?

— Все-все, — не стал отпираться Томас, опередив меня, и подскочил с места. — И вообще у меня дела, всего доброго, братец.

Одарив меня на прощание полупоклоном, мальчишка проскочил мимо Кьера и был таков. А герцог пересек комнату, тяжело опустился на освободившееся место и откинул голову на спинку, прикрыв глаза.

Я молча поднялась, подошла к стоящему неподалеку столику, щедро плеснула в бокал виски из хрустального графина.

— Держи. — Я протянула бокал Кьеру. — Вид у тебя такой, будто тебе не помешает выпить.

— Пожалуй.

Я собралась вернуться на свое место, но герцог ухватил меня за ладонь и притянул к себе на колени. Сделал большой глоток, отставил виски в сторону и обвил мою талию обеими руками, лишая возможности высвободиться. Как будто я собиралась...

— Я не ждал тебя сегодня.

— Я бы хотела сказать, что приехала потому, что ужасно соскучилась, но это будет не совсем правда.

— Не совсем? — Кьер уткнулся носом мне в шею.

— Но чуть-чуть правда!

— Ах, чуть-чуть?

Какое-то время тишину библиотеки разбавляли лишь мое сдавленное хихиканье и шорох юбок, пока я ерзала и извивалась, пытаюсь увернуться от щекочущих поцелуев. А когда герцог наконец утомился — пристроила голову на его плече. Я поглаживала кончиками пальцев лацкан сюртука и испытывала острое чувство жалости. Казалось бы, кого жалеть — герцог, владелец огромного состояния, сравнимого с королевским, глава департамента, маг, красивый мужчина. Что еще можно пожелать? А мне все равно было жалко человека, у которого практически никогда не было свободы выбора.

Поэтому я просто тихонько наблюдала, как Кьер медленно опустошает бокал, глядя куда-то в пустоту и рассеянно поглаживая-почесывая меня по спине, как пригревшуюся на коленях кошку.

— Все плохо? — все же решилась я, когда виски было допито и пустой бокал с холодным стуком встал на столик.

— Эдгар в ярости. Сначала выброс в центре столицы, теперь еще и это. От меня требуют немедленных мер. Впрочем, главе полиции и главнокомандующему тоже досталось. Ну а совсем по правде, досталось вообще всем, кто сегодня подвернулся под монаршую руку. В дни, как этот, мне хочется подать в отставку и свалить куда-нибудь к дьяволу из страны.

Не подаст. И не свалит. И я, и он это прекрасно знали.

Слова поддержки и утешения я озвучить не успела, Кьер заставил меня выпрямиться, чтобы посмотреть в глаза.

— Зачем ты приехала, Эрилин?

— Поговорить насчет убийства, — честно признала я.

Взгляд герцога потяжелел.

— Только не говори, что думаешь, будто Живодер — это я!

— Нет, не думаю. — Я успокаивающе погладила его по плечам. — Но я не могу без оснований

предположить, что это просто совпадение.

— Значит, основания предполагать, что это не совпадение, у тебя есть.

Я чувствовала, как в Кьере нарастает глухое раздражение, и поторопилась произнести:

— Подожди. Не злись. Дай я объясню.

Герцог бросил на меня мрачный взгляд исподлобья и, забывшись, снова потянулся к бокалу. Я соскочила с колен, выхватила его из пальцев и отошла, чтобы повторно наполнить. А поразмыслив, перенесла на стол рядом с креслом весь графин.

— Помнишь, во время моего дежурства, у тебя в кабинете мы читали отчет? И я еще обмолвилась тогда, что забавно — у пьяницы вырезана печень.

Кьер кивнул, однако упоминание о приятной ночи его взгляд не смягчило, поэтому я поторопилась продолжить:

— А потом, когда я была в Тарнхиле, где все указывает на то, что похозяничал там наш же Живодер, жена убитого подтвердила, что у него была язва желудка. Которую ему вместе с желудком маньяк любезно удалил. Я еще тогда предположила, что убийцу интересуют больные органы, но, поскольку основанная на этом версия благополучно провалилась, я эту идею больше толком не прокручивала. Но теперь, когда у Арчи...

Герцог поморщился, будто вместо великолепного виски хлебнул лимонный сок.

— Лорда Оллина, — поправила я, сообразив, что именно его задело, — были вырезаны почки — я уверена, что Живодер целенаправленно вырезает у людей именно больные органы. Таким образом мы с тобой становимся в некотором роде причастными к убийству, потому что...

— Я причастен к убийству, потому что отбил этой твари внутренности, — зло поправил Кьер. — Ну и что дальше? Если тебе хочется знать, не жалею ли я об этом — то нет абсолютно. Я бы свернул ему шею и сам, так что даже рад, что удалось поспособствовать этому богоугодному делу.

У меня создавалось ощущение, что я разбудила только-только уснувший вулкан. Во дворце Кьеру, очевидно, и впрямь сильно досталось. И так мало приятного выслушивать безосновательные обвинения, не имея возможности на них ответить, а тут еще и я с большой мозолью. Но что-то подсказывало мне, что если я сейчас попытаюсь улизнуть со словами: «Ты устал и не в настроении, давай поговорим завтра», — то станет только хуже. Поэтому я продолжила, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— В свете этого напрашивается вопрос. Допустим, вычислить пьяницу проблемы не составляет, и узнать, что у человека язва, особенно в маленьком городке, где все друг про друга знают всё, вплоть до бородавок, тоже несложно. Пока нельзя судить о том, что за проблемы со здоровьем были у остальных убитых, но в случае с лордом Оллином... прошло совсем мало времени. Отбитые почки на лице не написаны, как убийца о них узнал?

— Мало ли кому этот идиот мог растрепать?

— Не знаю, — я покачала головой и прошлась туда-сюда вдоль окна. — А в своих людях ты уверен?

— Более чем, — Кьер произнес это абсолютно непререкаемым тоном.

— То есть ты уверен, что если кто-то будет копать в этом направлении, то цепочка событий не приведет к тебе? Как именно ты собирался заставить его молчать?

— А копать будешь ты? — Герцог откинулся на спинку стула и покачал бокал в руке. — Прежде чем говорить об этом, вспомни — ты сама задолжала мне объяснение, Эри.

Я мысленно взвыла — ну не о том же речь! По крайней мере, не сейчас! Внутри зудело ощущение, будто я нахожусь на грани какого-то важного вывода, а необходимость иметь дело с готовым взорваться мужчиной отчаянно тормозила разгадку. А теперь еще отвлекаться на посторонние, не имеющие отношения к делу разговоры. Которые, ко всему прочему, настроение Кьеру точно не улучшат.

— Хорошо. — Я обошла кресло, села в него, положила на колени сцепленные в замок руки. — Он был моим любовником.

От этих простых слов Кьера аж перекошило. Хотя, подозреваю, он и без того догадывался о причине наших с Арчи «разногласий». Но одно дело догадываться, другое — услышать из моих уст.

— Это было восемь лет назад, еще во время опалы, когда он приехал отбывать «ссылку» за плохое поведение. Я думала, что он собирается на мне жениться, но, как видишь, ошибалась. Мы встретились снова на твоём балу, и лорд Оллин попытался... возобновить отношения. Идея не вызвала у меня энтузиазма. И тогда, испытывая острую нужду в деньгах из-за своего образа жизни, он не придумал ничего лучше, чем шантажировать меня той давней связью.

Говорить было тяжело. Я пыталась сократить откровение как можно сильнее, чтобы быстрее с ним разделаться, и голос звучал сухо, неприятно царапая еще не до конца зажившее горло. Мне не хотелось себя оправдывать, не хотелось приукрашивать действительность. Если Кьер так хочет знать — пусть знает.

— Он потребовал пятьсот толлов и дал мне срок до субботы. Как ты догадываешься, у меня таких денег нет, а если бы и были, я не настолько глупа, чтобы отдавать их ему вот так. Я попыталась вызнаться о нем побольше и выяснила, что лорд Оллин погряз в долгах, причем если сестра и посчитать общую сумму того, что он должен людям высшего света, и проценты, то из долговой ямы виконту не выбраться, даже если вступится папенька. Не говоря уже о том, какой резонанс такое дело вызовет в обществе.

Я перевела дух и пожалела, что, кроме виски, на столе ничего нет. Стакан воды мне бы не повредил.

— Мне виделся один-единственный вариант заставить молчать шантажиста — это шантажировать его в ответ. И тогда я пошла в банк. Они готовы были предоставить мне кредит, достаточный для того, чтобы выкупить большую часть долговых расписок Арчи. Пришлось бы отдавать им все жалование в течение трех лет, но... отец все равно не берет моих денег, так что никто и не заметил бы их исчезновения, и я решила считать это платой за наивность. Да, по сути, вышло бы, что лорд Оллин получил свои деньги. Но так я была уверена, что он будет молчать. А чтобы убедиться в этом, я не стала брать кредит сразу, а сделала несколько фальшивых расписок и пошла с ними к виконту. Я предполагала, что он будет в бешенстве, но подумать не могла, что... — Я осеклась, сглотнула и закончила: — Что он попытается меня убить. Судя по брошенной реплике, он связался с кем-то, кто будет грозить ему отнюдь не долговой ямой, поэтому тот факт, что я пришла без денег...

Я замолчала. Больше мне сказать было нечего. И, по правде говоря, я была бы не против, если бы и Кьер ничего не говорил, а просто успокоился, получив ту правду, которую он так желал. Впрочем, на это надеяться было бессмысленно.

— Теперь понятно, почему ты так безрассудно пошла к нему одна, — фыркнул герцог.

— Прости? — Я нахмурилась.

— Надеюсь, что в глубине души он помнит о ваших трепетных чувствах и не причинит вреда?

Эти слова заставили меня поморщиться, как от сильнейшей зубной боли.

— Перестань. Мне и без того противно и тошно. Утешает меня только мысль, что все ограничилось тем, что я подарила ему свою невинность. И никаких трепетных чувств не было. Я поверила, он воспользовался и сбежал на следующий день.

Очень хотелось огрызнуться в ключе: «Все? Удовлетворил любопытство или нужны еще подробности?» — но я с большим трудом все же сдержалась. Он и без того взвинченный, ни к чему подобные провокации. Двух мужчин, жаждущих меня придушить, моя нежная душевная организация (и шея!) не перенесет.

Усилие не пропало даром. Кьер с силой потер лицо, пытаясь то ли взбодриться, то ли стряхнуть с себя неприятные ощущения, вызванные разговором, помолчал немного и нехотя произнес:

— Ладно. Давай о делах. Что там с этими чертовыми отбитыми почками?

Тон мне все же не нравился категорически. Слишком уж был злой. И пусть злость эта, по ощущениям, была направлена не конкретно на меня, а на все, что случилось с герцогом за последние дни в целом, все равно было как-то... боязно. И я уже немного жалела, что

прибежала в особняк с такой поспешностью.

— Кьер, может...

— Рассказывай, — безапелляционно отрезал герцог, перекрывая пути к отступлению.

Я потеряла лоб, пытаюсь отыскать в голове потерянную мысль. Живодер, больные органы, Арчи...

— Мы остановились на том, что я причастен к гибели лорда Оллина, — с легкой ядовитой ноткой подсказал Кьер.

— Да! То есть нет. То есть исключительно как причина заболевания его почек, но если кто-то об этом узнает, то...

— А что тебя однозначно убедило, что это не я? Ну, помимо моего безграничного обаяния.

А и правильно, пусть лучше так злость сцеживает, чем копит ее в себе. Поэтому на шпильки я не обращала внимания, а продолжала рассуждать.

— На время одного из убийств у тебя имеется неопровержимое алиби, это раз. То есть Живодером на постоянной основе ты быть не можешь. А версия с подделкой под него не выдерживает никакой критики. Помимо того, что ты, насколько мне известно, не имеешь хирургического, криминалистического или прочего, связанного с прицельным испариванием людей, образования, я не представляю, как кто-либо мог подделать те колебания фона, которые считают наши амулеты и артефакты. Мы, специалисты, не можем определить их природу, к тому же они больше никогда и нигде не...

Я осеклась. Озарение накрыло меня приливной волной, вымыв из головы все прочие соображения. Господи ты боже мой, какая же я идиотка!

Я в прямом смысле схватилась за голову — запустила пальцы в волосы и потеряла виски. Разгадка маячила у меня перед носом уже такое долгое время, а я, увлеченная новой тайной и собственными личными переживаниями, совершенно о ней забыла. Такие показатели уже встречались в криминалистической практике! И я ведь даже выяснила уже, где, когда и при каких условиях.

Испытания новой печати и массовые убийства людей. Я ведь пошла к старой ведьме по одной-единственной причине: магические показатели тех прошлых убийств совпадали с нынешними.

— Эри? — голос Кьера выдернул меня из лихорадочных размышлений, и я внезапно поняла, что должна все-все ему рассказать. Прямо сейчас и не медля ни секунды. И если он меня убьет за очередную жизненно важную тайну, то, по крайней мере, это будет на благо Отечества!

Я подскочила и прошлась туда-обратно, нервно сжимая пальцы одной руки ладонью другой и мысленно выстраивая проведенное расследование в логическую цепочку.

— Эрилин!

— Да-да, сейчас... ты сидишь? Сиди!

А я бы предпочла куда-нибудь за шкаф спрятаться и вещать оттуда, но кто бы дал такой шанс. Поэтому я зашла за спинку своего кресла и, вцепившись ногтями в обивку, начала рассказывать. Про от скуки просмотренные бумаги из архива и вялое любопытство, про поход к старой ведьме, про печати — старую и новую, — про страшную тайну далекого прошлого, завесу над которой мне удалось приоткрыть. Про изобретателя, про его ученика «Профессора», про убитого Майка и родство Стэнли с тогдашним главой департамента, про прикрытые им убийства, неразгаданные и запрятанные в архив. И про то, что все это более чем вероятно — господи, чем раньше была забита моя такая светлая голова?! — имеет непосредственное отношение к убийствам сегодняшнего дня.

Потому что, несмотря на заверения многоуважаемого профессора Блайнта о том, что в наше время печать не может быть поставлена неправильно, сейчас я была уверена — с нашим Живодером именно это произошло.

Я рассказывала все это воодушевленно, торопливо, опасаясь, что он вмешается с каким-нибудь вопросом и собьет меня со стройного повествования. Герцог слушал меня внимательно, не перебивая. Молча сверлил бездонно-черным задумчивым взглядом, и я уже почти

перестала бояться и почти начала верить, что обошлось.

Ровно до того самого момента, как Кьер, опершись руками на подлокотники, не подался вперед и не произнес спокойным-спокойным, ласковым-ласковым голосом:

— Ты поправь меня, если я ошибаюсь...

А потом он медленно поднялся, и у меня заledenели пальцы, а в ушах зазвенел приближающийся громовой раскат.

— То есть ты сама взялась за старое путаное дело, не имея на то указаний начальства. Сама — одна! — пошла в Черный округ к сестре потенциального убийцы. И потом сама копалась в деле, в котором работали профессиональные ликвидаторы. В деле, которое могло стоить тебе головы? Сама!

Голос его, сначала тихий, становился все громче и громче, и Кьер уже не просто говорил, он орал, и стакан из-под виски лопнул, рассыпался бриллиантовыми брызгами, и каминная решетка загудела, а книги посыпались с полок, но не попадали на пол, а завертелись в воздухе. Острый запах грозы кружил голову, мешал дышать, и я стояла, оглушенная закручивающимися потоками силы, и чувствовала, как шевелятся в волосах шпильки, норовя покинуть прическу...

— И господи, а я еще удивлялся, что она поперлась одна к этому подонку и опиоману! Я еще переживал, как она оказалась на облове самоучек! Тоже — сама!!! Проверить остроту гильотины ты тоже сама голову сунешь?!

Я стояла не шевелясь, не дыша, и только мысль мелькнула — это он еще про пулеток и панику на площади не знает...

— Да как ты вообще дожила до сего дня с таким полным отсутствием представлений об опасности?! А поезд? Если бы я не вернулся, где бы ты была сейчас? На дне Оливии?! И ради кого! Случайного попутчика!.. Зато — сама!

И когда список моих прегрешений иссяк, Кьер замолк, тяжело опершись на стол, склонив голову так, что волосы скрыли лицо. Книги с хлопками свалились, и в библиотеке воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумным дыханием.

— Мне... уйти? — осторожно уточнила я, сделав шаг в сторону. Под туфлей звонко хрустнул осколок стекла.

— Стоять.

Я послушно замерла. Кьер сам приблизился, неожиданно подхватил меня на руки и вынес из библиотеки, опустив на пол сразу за ее дверями.

— Уберите там, — сухо бросил он замершему изваянием лакею. — И подайте ужин в малую столовую. Живее.

Весь путь до столовой прошел молча. Кьер молчал, пока слуги проворно накрывали на стол. В тишине прошел и ужин. Стоило мне попробовать открыть рот, как герцог метал в меня такой многозначительный взгляд, что я торопливо закидывала в этот рот кусок мяса и молчала. И только когда со стола унесли десерт, и на нем осталась одинокая бутылка красного вина и два бокала, Кьер заговорил.

— Ты прекрасно поработала, Эрилин. И ты продолжишь свое расследование, потому что я не имею никакого морального права у тебя его отбирать. Но. Начиная с сегодняшнего дня, куда бы ты ни отправилась по делам расследования, ты берешь с собой моего охранника. И что опасно, а что нет — решает он, а ты слушаешь и выполняешь, ясно?

— Но...

Черный взгляд вперился в меня, как иглы ведьмы в тряпичную куклу.

— Далее. Прежде чем кидаться по всем окрестным артефакторам, ломать себе ногу и ловить маньяка на живца, ты досконально выясняешь все детали прошлых убийств. Все ли замешанные в том деле мертвы? Выясни это. Перечитай архивы, перерой дневники и записи, все, что удастся найти, все, что сохранилось. И только потом ты осторожно — осторожно, Эрилин! — начинаешь выяснять, как в наше время могла случиться подобная оплошность, почему она первая за тридцать лет, кто ее совершил и как нам отыскать человека с

неправильной печатью.

— Но я могу делать это одновременно и...

— Леди Рейвен. — Исключительно деловой тон заставил едва ли не вытянуться по струнке.

— Да, ваша светлость?

— Вы хотите вылететь из департамента?

— Нет, ваша светлость.

— Тогда помолчите.

— Да, ваша светлость.

Я выпрямилась с дивно торжественным лицом и заметила, как уголки мужских губ дрогнули в невольной и быстро задавленной улыбке. Кьер взял бокал, покачал его в руке и отставил в сторону, положил на стол сцепленные в замок руки.

— Эрилин, это не шутки. Я знаю, что ты привыкла все свои проблемы решать самостоятельно, но тебе сейчас надо понять, что не все их самостоятельно можно решить. Воришку с ножом из Черного округа не остановит твой очаровательный вид или меткое слово. Как оно не остановило виконта. Я понимаю, что ты выбрала для себя занятие и не отступишься, и не собираюсь тебя отговаривать. В конце концов, именно этим ты меня в первую очередь и восхитила. Но я просто хочу создать хоть какие-то гарантии того, что ты при этом не свернешь себе шею.

Я протянула руку и положила пальцы поверх мужских ладоней. Погладила шершавую кожу.

— Я понимаю. Спасибо.

И я действительно понимала. Причем понимала гораздо больше, чем следовало бы.

Когда я подъехала к дому, все огни в нем еще ярко горели. Что неудивительно — слишком засиживаться у герцога я не стала. А вот тот факт, что семейство всем составом высыпало встречать меня в холл, порядком озадачил.

— Ну наконец-то! — Маменька всплеснула руками и закатила глаза.

— Что-то случилось? — ошеломленно поинтересовалась я, стягивая печатки, шляпку и отдавая их Марианне. — Извините, у нас происшествие и полный аврал. Надеюсь, вы поужинали без меня?

— Тебя дожидаться — с голоду можно помереть, — буркнул Грей, правда, почему-то с донельзя довольным выражением лица.

— Случилось! — категорично заявила виконтесса и, взяв меня под локоть, потянула в гостиную. — Но Грей отказывается рассказывать, что именно, пока мы не соберемся всей семьей! Я уже два часа страдаю от любопытства! Между прочим, я говорила, что твоя работа приносит сплошные неудобства и никакого, даже морального вознаграждения!

Я сладко улыбнулась маменьке, привычно пропуская ее монолог мимо ушей и не делая попыток превратить его в диалог. Хотя насчет вознаграждения мне было бы что сказать! По крайней мере, малахитовые бусы, которые сейчас украшали шею виконтессы, были куплены с моего первого жалованья. И непохоже, что этим вызывали у маменьки отвращение...

Леди Рейвен чинно опустила на диван, дернув меня вместе с собой, расправила складки платья (незаметно — и моего в том числе) и сложила ладони на коленях, приняв вид важный и внимательный.

Отец устроился в любимом кресле, а брат так и остался стоять, сияя как начищенный толл. Выдержав значительную торжественную паузу, он произнес подрагивающим от радости голосом:

— Позвольте представиться! Лорд Грей Рейвен, лейтенант пятого взвода четвертой роты Карванонского полка!

Маменька ахнула, папенька застыл с ошеломленным и одновременно счастливым выражением

на лице, а Грей смотрел на нас ликующим взглядом, и таким счастливым я не видела его еще никогда в жизни.

— Боже правый, — мама промокнула глаза платочком и тут же распорядилась: — Это нужно отметить! Марианна! Марианна! Шампанского подай, немедленно!

Пока горничная бегала за бутылкой и бокалами, пока разливала, Грей, выпятив грудь, вещал о том, что он знал — знал! — что его усилия будут вознаграждены по достоинству. Что он не зря трудился не покладая рук на благо короны! И что есть в этом мире справедливость.

В продвижении Грея по службе было и впрямь что-то сравнимое с чудом. Все те, с кем он начал служить, уже давно получили новые чины, а некоторые уже и по паре раз, только сын опального виконта продолжал с упорством топтаться на месте, вкладывая в службу всего себя и пытаясь доказать всем окружающим, что он — достоин. Что его семья верна короне и готова служить ей, не щадя своей жизни. Вот только никто из командующих не готов был взять на себя ответственность поощрить юного лорда. Недели три назад Грей вообще пришел домой мрачный как туча: один из командиров по-дружески посоветовал ему подать в отставку. По той простой причине, что здесь он признания своих заслуг не найдет. И тут на тебе, такая приятная неожиданность!..

И на фоне сегодняшних разговоров и с Томасом, и с Кьером меня вдруг посетила одна мысль.

В чудеса я давно не верила, а вот в то, что могущественный человек, приближенный к королю, мог замолвить словечко, и юному офицеру дали повышение и шанс проявить себя — очень даже.

Ах, герцог, опять вы меня обхитрили, подсунув непрошенный подарок!

Как бы там дальше с нами ни было, как бы все ни сложилось — но спасибо тебе, Кьер, герцог Тайринский, за сегодняшнее счастье моего брата. Может быть, тень твоей поддержки и поможет ему вырваться из ямы дурной репутации рода и построить эту клятую военную карьеру, раз уж он так ее хочет!

Впрочем, все мое умиление смыло в мгновение ока, когда брат повернулся ко мне и поинтересовался:

— Мне и жалованье повысили в два раза! Эрилин, может, ты теперь бросишь наконец свою работу? Мы с отцом вполне сможем вас содержать!

Взгляды всех присутствующих обратились на меня практически с надеждой. Даже в глазах отца мелькнуло что-то такое, правда, есть подозрение, что он желал не столько моего расставания с должностью, сколько расставания с тем, кто мне эту должность дал. Впрочем, аргумент на подобное заявление у меня заготовлен давно.

— А бриллианты? — нарочито капризно поинтересовалась я, пригубив шампанское. — Твоего жалованья хватит на бриллианты?

— Н-нет, — запнувшись, отозвался Грей и даже слегка порозовел.

— Ну вот когда будет хватать, тогда мы и вернемся к этому вопросу!

Маменька закатила глаза и поджала губы. Братец тяжело вздохнул, видимо, мысленно испросив Господа, за что ему такое наказание, отец только дернул уголком губ, задавив улыбку. А когда шампанское закончилось и мы вознамерились расходиться каждый к себе, он вдруг посмотрел мне в глаза и произнес негромко:

— Эрилин, на два слова.

И под громкое ворчание «Опять у них секреты от бедной, больной, никому не нужной женщины!» я проследовала за отцом по коридору. В отцовском кабинете пахло бумагами, чернилами и немного сигарами — виконтесса просила не злоупотреблять, и папенька послушно не злоупотреблял, утешая себя контрабандной бутылочкой хорошего коньяка, спрятанной за собранием сочинений известного экономиста Вильяма Дорлема. Впрочем, я подозревала, что маменька о бутылочке прекрасно осведомлена, но в коньяке видит меньше вреда, чем в сигарах. А то и сама иногда потихонечку «употребляет» вместо капель.

Мысли эти, неожиданно теплые, вдруг дали мне понять, что по отцовскому кабинету я соскучилась. И вообще — по отцу. По его незримой поддержке, по доброму слову. И мне очень не хватало бесед наедине в маленьком, но знакомом до малейшего книжного корешка

кабинете.

— Герцог постарался? — спокойно, без особых эмоций спросил отец, направляясь напрямиком к Дорлему.

Я промолчала, потому что с полной уверенностью на этот вопрос все же ответить не могла, но папу и такой ответ, кажется, устроил.

— Значит, все-таки он, — кивнул отец. Тихонько звякнула о горлышко хрустальная пробка, и янтарная жидкость плеснула о края коньячной рюмки. — Милость любовника — не слишком надежная дорожка.

— Я его ни о чем не просила, папа!

Отец сел в кресло и устало потер переносицу.

— Я знаю, девочка моя, знаю. Просто... ай, — он махнул рукой. — Я не смог обеспечить тебе лучшей жизни, не мне тебя и судить.

Я сделала два быстрых шага и опустилась на пол, сжав лежащую на коленях ладонь.

— Ты дал мне самую лучшую жизнь, папа, — ты дал мне право самой ее выбирать. И за это я всегда буду тебе благодарна.

Отец ничего не сказал, просто наклонился и молча коснулся губами моего лба.

Я вышла из кабинета в состоянии невероятной легкости и чувствовала себя сейчас, наверное, не менее счастливой, чем молодой лейтенант Рейвен. У меня прекрасная семья, у меня прекрасный мужчина, а чертово расследование сдвинулось с мертвой точки, и скоро мы обязательно найдем безумца-маньяка, и все поймут, что леди-криминалист — это звучит гордо!

У себя в комнате я села за стол и достала чистый лист бумаги. Чернильные строчки ложились на него бодро и ровно:

«Дорогой профессор Блайнт!

Я невероятно признательна вам за те сведения, что вы смогли добыть по моей просьбе. Они имели, не побоюсь этого слова, судьбоносное значение для того дела, которым я сейчас занимаюсь. А потому я смею просить вас о еще одном одолжении. Не могли бы вы выяснить для меня, остались ли еще в живых люди из ближайшего окружения господина Стэнли? Его ученик? Какие-то родственники, знавшие его лично?

Буду невероятно вам признательна!

С безграничным уважением,

Леди Эрилин Рейвен.

P.S. Надеюсь, Тед продолжает радовать вас своими успехами на магическом поприще».

Роль 11

ДОЗНАВАТЕЛЬ

А на следующее утро весь состав криминалистического отдела был вызван в высочайший кабинет и поставлен пред грозные герцогские очи. И что-то подсказывало мне, что коллеги задолжали одной леди большую благодарность за то, что Кьер вчера спустил пар и разгромил библиотеку, потому что, судя по взгляду, он не против был бы разгромить еще и кабинет, а вместе с ним пару особо пустых голов, но запал уже пропал, увы-увы...

— Ну? — Герцог обвел всех нас мрачным тяжелым взглядом. — И где результаты? Семь трупов, господа!

«И дама», — по привычке мысленно добавила я, прикусив язык.

— Семь! А все, что я могу по этому поводу сообщить его величеству, ограничивается словами «мы над этим работаем». И в их правдивости я начинаю уже сомневаться!

Весь суровый мужской коллектив стоял потупившись, как школьники перед учителем с линейкой, даже Трейт выглядел менее спесивым, чем обычно.

— Итак, господин Трейт, что вы имеете мне сообщить? — словно прочитав мои мысли, Кьер уперся взглядом в первого криминалиста. — Вы несколько месяцев назад заявили, что отделу не хватает специалиста, я нанял вам этого специалиста. И? Где результаты, я спрашиваю?

Я посмотрела на Кьера почти восхищенно: так метко надавить на самую болезную мозоль человека — это надо уметь!

— И я неоднократно уже докладывал, ваша светлость, что новый специалист с выполнением своей работы не справляется! — Найджел Трейт честно попытался направить начальственный гнев по иному руслу, но вот с выбором этого русла определенно ошибся. Даже если опустить то, что нас с Кьером связывает, не надо, ох не надо было тыкать разозленному герцогу в то, что он где-то мог быть не прав...

— Так! — Герцог выпрямился и так громко хлопнул ладонями о крышку стола, что все присутствующие вздрогнули под мелодичный звук звякнувших письменных принадлежностей. — С меня хватит! Я по горло сыт вашими внутренними разборками. Начиная с сегодняшнего дня, вы, господин Трейт, представляете леди Рейвен полную свободу действий в работе, не чините препятствий и оказываете всяческую поддержку. И если через два месяца она не найдет убийцу — я ее уволю.

Я поперхнулась воздухом и тут же наткнулась на торжествующий взгляд первого криминалиста, для которого жизнь только что вновь заиграла яркими красками. Вот только ликование его длилось всего мгновение...

— А вместе с ней, — уже тише и спокойнее продолжил герцог, но от голоса его по спине пробежал холодок, — я уволю и всех остальных, потому что если за два месяца вы не найдете мне убийцу — на черта вы мне вообще все сдались?! Ясно?!

— Да, ваша светлость... — нестройно пробормотали коллеги.

— Свободны.

Кьер опустил обратно в кресло и принял такой вид, будто бы мы все только что растворились в воздухе и перестали существовать. Отдел криминалистики в полном составе согласился с таким положением вещей и покинул кабинет высокого начальства со всей поспешностью. Я морально готовилась к неприкрытой враждебности — в конце концов, если дело и впрямь дойдет до увольнений (в чем я лично глубоко сомневалась!), виноватой окажется кто? Леди! Но этим ожиданиям удалось оправдаться лишь наполовину. Другая половина испепеляла спину Трейта. Так что если бы взгляды на лету превращались в стрелы, мы бы оба были утыканы ими как ежи!

— Вы не выглядите опечаленной, леди Эрилин. — Ричи придержал шаг, спускаясь по лестнице, чтобы отделиться от основной массы криминалистов и прибиться ко мне, вечно идущей особняком.

— Не вижу причин для печали, — спокойно отозвалась я. — Два месяца — это не неделя. Печалиться я буду, если через месяц и три недели у меня на руках по-прежнему не будет ни

малейшей зацепки.

— Откровенно говоря, вы выглядите так, будто они у вас уже есть. — Ричи посмотрел на меня с хитрым прищуром.

— Это почему же?

— У вас очень таинственный и загадочный вид.

— Разве таинственный и загадочный вид — это не обязательный атрибут каждой женщины? — отшутилась я.

— Хорошо, я поправлюсь — он еще более таинственный и загадочный, чем обычно. Признавайтесь, у вас есть идеи?

Я улыбнулась и манерно закатила глаза, жалея, что в руках нет веера, его мелкое трепетание у самого лица здесь просто напрашивалось.

А может, и правда рассказать? Одна голова хорошо, а две лучше. Кьер, конечно, тоже на моей стороне, но он начальник департамента, управленец, а не криминалист. Будь у меня напарник, возможно, и быстрее получилось бы распутать этот клубок. У Ричи голова на плечах имеется, и закостенелыми предубеждениями он не страдает...

— Возможно, — осторожно ответила я, наблюдая за реакцией коллеги.

— Вот как! — Патологоанатом сверкнул глазами и незаметно придвинулся ближе. — Расскажите?

А потом добавил непринужденно:

— Может быть, за ужином после «Лебединой песни»? Вы еще не видели эту пьесу? Говорят, шедевр сезона...

Настроение делиться рабочими откровениями было мгновенно убито. Ну зачем, Ричи? Зачем вам нужно было все испортить?..

— Извините, Ричард, — только и сказала я, зная, что он прекрасно поймет.

Хитрая улыбка сделалась слегка натянутой.

— Ну и правильно, — произнес он, несколько натужно пытаясь сохранить непринужденность. — Кто же так легко выдает тайные наработки? Желаю удачи вам в вашем расследовании, леди Эрилин.

— Благодарю. — Я кивнула без улыбки, и коллега ускорил шаг, оставляя меня за спиной.

Было досадно. И грустно. И гадать еще теперь, не переметнется ли оскорбленный мужчина в лагерь «врага». Нет, не зря я зарекалась, что теперь буду все держать при себе до тех пор, пока не уверюсь в выводах на сто процентов. Так вернее будет, без напарников обойдусь!

А я зайти вслед за всеми в лабораторию не смогла — путь мне перегородил Трейт собственной плюющейся ядом и испаряющейся на солнце (сейчас прямо дым из ушей повалит!) фигурой.

— Я вижу, его светлость верит в ваш невероятный криминалистический талант, леди Рейвен, — процедил он, скрестив руки на груди.

— Это крайне мило с его стороны, — спокойно признала я, вскинув на начальника глаза.

— Мило?! По вашей вине над отделом угроза роспуска, и это, вы считаете, мило?!

— При всем уважении, господин Трейт, угроза роспуска над отделом не по моей вине. Я свою работу выполняю безукоризненно. Полюбуйтесь, — я кивнула на лабораторные столы. — Ни пятнышка, ни пылинки!

Возможно, в своих мыслях первый криминалист меня уже и четвертовал, и повесил, и отравил, и скормил собакам, но материальной мощью они, как и пылающий взгляд, увы, не обладали!

— Это больше не ваша работа, — отчеканил он. — И раз уж наша леди так жаждет себя проявить, может, вы пойдете и поищите нашего маньяка? Очевидно ведь, он только того и ждет — пойти и сдать в руки леди-криминалиста.

— Хорошо, — с достоинством согласилась я и, повернувшись спиной к начальству и затаившимся, с интересом наблюдающим за скандалом коллегам, направилась к вешалкам с одеждой. — Пойду и поищу. Очень невежливо с моей стороны заставлять кого-либо ждать.

Долетевший мне в спину скрип начальственных зубов лег на сердце сладкой музыкой.

Едва я сбежала по ступенькам департамента, дорогу мне перегородила высокая мужская фигура, облаченная в черное.

— И куда это вы собрались без меня, милая леди? — поинтересовалась она. На смуглом лице сверкнула белозубая улыбка.

— Простите? — Я недоуменно вскинула брови.

— Адриан Стивенсон к вашим услугам, миледи.

— К моим?.. — повторила я, нахмурившись, и лишь спустя несколько мгновений до меня дошло. А вместе с осознанием в памяти всплыло и лицо незнакомца — он был одним из тех людей герцога, кто спас меня в квартире Арчи.

— Вашим-вашим, — любезно подтвердил выделенный мне от щедрот его светлости охранник, разглядев на моем лице понимание, и деловито повторил вопрос, несколько его переиначив: — И куда же мы с вами направляемся?

— Блейк-клуб.

Я машинально обернулась на здание департамента — окна герцогского кабинета выходили на бульвар — и снова посмотрела на навязанного спутника, тот, в свою очередь, высказал изумление:

— У меня есть подозрения, что женщинам вход туда воспрещен.

— Женщинам — да, — кивнула я и, не желая больше терять время, зашагала вверх по улице, незримо ощутив, как господин Стивенсон пристроился рядом и чуть позади. — Криминалистам — нет.

Блейк-клуб занимал трехэтажное здание почти в самом сердце столицы и считался одним из самых старых клубов города. Джентльмены приходили туда, чтобы скоротать время, скрыться от домашних забот, встретиться с друзьями, партнерами и просто поиграть в карты и выпить бокал хорошего, но безумно дорогого алкоголя. Членство в нем мог купить любой, кому по силам было заплатить членский взнос, пусть и более чем солидный, поэтому высшая аристократия посматривала на клуб косо, не чураясь, тем не менее, время от времени заглядывать во всегда распахнутые для нее двери. А уж такие люди, как Арчи, и вовсе там практически жили, опустошая чужие карманы, полные золота, и набивая свои. Или — наоборот.

Как и следовало ожидать, швейцар на входе в пышной ливрее прошлого века вежливо, но решительно преградил мне вход. Но прежде чем он успел что-либо сказать, я сунула ему под нос значок департамента.

— Леди Рейвен, криминалист, по делу об убийстве лорда Арчибальда Оллина.

Я обещала Кьеру, что не полезу копаться в прошлом до того, как выясню как можно больше деталей. Поэтому, пока за меня копаются в деталях профессор Блайнт, займусь настоящим. В конце концов, уговора о том, что я буду просиживать юбки в департаменте, не было.

Осматривать само место убийства я не планировала. Коллеги наверняка выжали из него все, что только можно. Умнее профессионалов с многолетним опытом я себя не считала — глупее, впрочем, тоже! А вот побеседовать с членами клуба мне хотелось. Хотя бы потому, что они могли видеть и заметить больше, чем можно предполагать. И пусть я была женщиной, но еще я — леди. А леди иногда может выяснить больше, чем унылый госслужащий. Особенно если речь идет об аристократах.

Я видела список тех, кто приблизительно присутствовал в клубе в ночь убийства, но мне даже не понадобилось воскрешать его в памяти. Потому что удача улыбнулась мне с порога. В самом темном углу просторного зала, уставленного креслами и столиками, сидел граф Грайнем.

К нему-то я и направилась, не обращая внимания ни на изумленные взгляды остальных присутствующих, ни на шлейф шепота за спиной, ни на не отступающего от меня ни на шаг господина Стивенсона.

Лишь в нескольких футах от столика я сделала охраннику знак остановиться здесь и приблизилась к тому, кого я уже скоро смогу называть старым знакомым, одна.

В отличие от всех находящихся здесь членов клуба, граф не обратил на мое приближение ни малейшего внимания. Он сидел, уставившись невидящим взглядом в рюмку, затем опрокинул ее в себя, налил заново из стоящей рядом, пустой уже более чем наполовину бутылки и снова уставился в собственное коньячное отражение.

Я опустила в кресло перед ним без приглашения и просидела в этом кресле, наверное, не меньше минуты, прежде чем Грайнем заметил чужое присутствие и вскинул на меня расфокусированный мутный взгляд.

— Опять вы, — припечатал он и скорбно уронил голову на подставленные ладони. — Леди, поищите себе другого мужа, ради всего святого! И оставьте меня в покое.

Речь его звучала удивительно вятно, хоть и заторможено. Чувствовалось усилие, которое мужчина прилагал, чтобы эту вятность обеспечить.

— Боюсь, что мои matrimониальные планы на ваш счет сейчас отошли на второй план, граф. Мне нужно с вами поговорить. Впрочем, я начинаю думать, что беседу стоит отложить ввиду вашего состояния...

— А что с ним не так? С моим состоянием? — Он выпрямился, приосанился. — Я чувствую себя просто ве-ли-ко-леп-но! Давайте, леди, задавайте ваши вопросы.

— С чего вы взяли, что я буду задавать вопросы? — Я почему-то насторожилась.

— Ваши коллеги — задавали, — граф поднял руку и показательно загнул палец. — Полиция — задавала. Владельцы клуба — задавали... эти хоть выпивку дармовую предоставили... а вы чем хуже? Ничем не хуже! Во многих отношениях даже лучше! Особенно... — Он неопределенно покрутил пальцем в воздухе, указывая мне то ли на лицо, то ли на грудь, и тут же руку уронил. А затем жестко потер ладонями собственное лицо, будто пытался взбодриться. — Так что валяйте. Ну? Я вам даже помогу. Да.

— Что — да? — Я уже начала думать, что мне действительно стоит выбрать другого собеседника, чтобы поговорить о случившемся, но просто встать и уйти что-то мешало.

— Да, я был той ночью в клубе. Да, я был с Арчи.

Сказав это, граф потянулся к бутылке, но я его опередила. Решительно перехватив горлышко, отставила в сторону и посмотрела мужчине в глаза.

— Почему вы пьете, Трей? Что вы знаете?

Грайнем внезапно громко хохотнул и хлопнул в ладоши.

— Что я знаю? Я много чего знаю, прекрасная леди. Как вам это, например, — Арчи был обречен. Он задолжал огромную сумму очень опасным людям. Таким людям, которым все равно, кого резать, если не получается вытрясти долг, — рабочего или виконта. Он все рассказал мне в тот вечер. Все. Он пил, как я сейчас пью, и рассказывал. Про долг. Про то, как вы с вашим герцогом его подставили и оставили без возможности этот долг вернуть. Так что, если бы не Живодер, через день-другой его все равно нашли бы мертвым.

Граф вдруг навалился всем телом на стол, приближаясь ко мне, и я невольно поморщилась от стойкого коньячного духа, окутавшего всю его фигуру.

— А пью я, прекрасная леди, потому, что мог дважды спасти ему жизнь. Он просил у меня денег. А я не дал. Ясно вам? Отказал. Арчи разозлился и ушел. И напоролся на вашего маньяка. А если бы дал, то он остался бы в клубе и, вполне возможно, с ним бы разминуслся. Он вернул бы долг тем людям. И был бы жив.

У меня на языке вертелось «нашли по кому скорбеть», но я усилием воли это замечание удержала при себе. Если уж даже меня кольнуло подобие чувства вины, когда я узнала о смерти этого подонка, то что уж говорить о графе, который признался, что Арчи был чуть ли не единственным его другом. Пусть паршивым. Но единственным.

Остро захотелось как-то поддержать, сказать что-то ободряющее. Но на ум не приходило ничего толкового. Все мысли сводились к тому, что Арчи получки то, что заслужил, и страдать по этому поводу смысла нет. Поэтому я отстранилась от эмоций и задала вопрос, который интересовал меня больше всего:

— Скажите, Арчи жаловался на здоровье?

Граф недоуменно сморгнул, мотнул головой.

— Это вы о том, как герцог высказал ему свое неодобрение?

— В том числе.

— Ну это, уж простите, у него на роже было... нарисовано. На лекаря-то у него денег не было. А что, Живодер нынче жертв по разбитому носу выбирает?

Я вздернула бровь.

— Даже если и так — вам какое дело?

— Да ни малейшего... — Граф откинулся на спинку кресла. — Верните коньяк.

— Я еще не закончила.

На всякий случай я взяла в заложники еще и рюмку.

— Я так понимаю, Арчи открыто упоминал обо мне и герцоге в разговоре с вами. Кто еще мог это слышать?

— Без паники, прекрасная леди, мы были одни. Вашей репутации ничего не угрожает. — На его лице вдруг возникло новое, озаренное выражение, вкуче с пьяным взглядом смотрящееся несколько жутковато. — Или вы не о том беспокоитесь? Пойдите-ка... а Живодер ли... а уж не герцог ли?..

— Замолчите, — прошипела я, разозлившись. — Кьер не имеет к смерти этого идиота ни малейшего отношения. И если вы попытаете распускать подобные слухи...

— Боюсь-боюсь, — Грайнем вскинул руки в защитном жесте. — Не переживайте, прекрасная леди, я буду молчать! Но только при одном условии!

— Каком еще условии?

Вот уж верно, скажи мне, кто твой друг, и я скажу; кто ты! Решил тоже встать на шаткую дорожку шантажа?!

— Коньяк верните, — невозмутимо отчеканил граф.

Помедлив мгновение, я передвинула бутылку обратно. В конце концов, какое мне дело до того, как проводит свое время какой-то там граф.

— Ехали бы вы лучше домой и отоспались, — все же произнесла я.

— О, вы так заботливы! Я непременно последую вашему совету. Завтра. Или послезавтра. Или на будущей неделе.

Он протянул руку за рюмкой, которая по-прежнему стояла возле меня.

— Вы уверены, что Арчи больше ни на что не жаловался, кроме своего бедственного финансового положения?

— Более чем.

— И вас никто не слышал?

— Никто.

— И у него точно не было лечащего врача?

Грайнем пожал плечами.

— Насколько мне известно. В крайнем случае вы всегда можете спросить их семейного целителя.

Я вздохнула и вернула рюмку владельцу, после чего поднялась.

— Вы зря так убиваетесь, Трей. Ваши деньги не спасли бы Арчи, а только отсрочили неизбежное. Если бы его не убил Живодер и не тронули бы те страшные люди, он все равно влез бы в новые смертельные долги или отдал Богу душу под опиумом. Его было уже не спасти.

Граф промолчал. Только опрокинул в себя очередную рюмку коньяка.

Советом Грайнама я все же воспользовалась и, выяснив, кто врачевал благородное семейство, нанесла ему визит. Однако никакой пользы не извлекла. Целитель сообщил, что последний раз он видел виконта пару лет назад. А на вопрос, мог ли Арчи обратиться к другому врачу, только надменно поджал губы и сказал, что виконт имел на это полное право, но ни малейшего смысла в этом не было, ибо уважаемый доктор занимал свой пост при графской семье уже более двадцати лет.

Сильно расстроиться по поводу очередного тупика в расследовании я не успела. Буквально на следующий же день мне пришло письмо от профессора Блайнта, и вот оно-то обещало, что теперь дело наверняка сдвинется с места.

Первый и единственный ученик господина Стэнли, изобретателя печати, Альберт Дин был жив. В течение пятнадцати лет после открытия печати он числился одним из самых известных артефакторов страны, сам воспитал множество мастеров печати, преподавал, а потом... потом запечатал собственный дар, покинул должность в университете и ушел на покой в возрасте пятидесяти лет. Вместе с профессором Блайнтом работает один из учеников Дина, он-то и поведал, что бывший учитель пребывает в добром здравии, несмотря на достаточно солидный уже возраст.

И, сидя в пролетке, которая везла меня за черту Карванона, в тихий пригород под названием Блу, я испытывала странную смесь недоумения, предвкушения и, нельзя не признать, некоторого страха. Столь четко выстроенная картина прошлых событий основывалась все же большей частью на догадках, а теперь у меня появилась возможность выяснить, как все происходило на самом деле. При условии, конечно, что профессор Дин не выставит меня за дверь. Я имею полное право требовать ответы на вопросы по делам текущим, а вот прошлые... прошлые дела сданы в архив и погрызены мышами, ответа за них он уже не несет.

И мне было страшно. Страшно, что приоткрывшаяся дверь захлопнется перед носом, снова оставляя меня наедине со смутными догадками.

А еще, с учетом того, сколько предположительно людей загубил этот человек, я все же была крайне признательна Кьеру за выделенное сопровождение.

Господин Стивенсон оказался молчалив, практически невидим, и время от времени я вообще забывала, что он присутствует рядом, и вздрагивала, наткнувшись взглядом на его затянутую в черное фигуру. Он не был магом — маги слишком дороги, чтобы такая леди, как я, могла позволить себе подобную роскошь, герцог подумал и об этом. Но он обладал двумя пистолетами, несколькими амулетами и уверенностью в собственных силах, которая передавалась и мне.

Экипаж остановился у нужного дома — небольшой коттедж с выбеленными стенами, палисадник, всюду пестрящий астрами и хризантемами, темная дверь с вычурной ручкой. Собравшись с духом, я постучала в нее, и уже через несколько секунд до меня донеслись глухие шаги. Дверь приоткрылась, и выглянула горничная в белом накрахмаленном чепце.

— Леди Рейвен, — представилась я. — Профессор предупрежден о моем визите.

— Добрый день, миледи, проходите. Профессор вас ожидает.

Он принял меня в кабинете — светлой комнате с деревянными панелями на стенах и бежевыми, в мелкий цветочек, шторами на окнах. При моем появлении профессор поднялся из-за стола, чтобы чуть поклониться, и приглашающим жестом указал на стул напротив себя. Высокий, худой, с вытянутым лицом и залысинами, он казался как будто сплюснутым в пространстве с обеих сторон. Он мелко покачивал головой, глядя на меня поверх очков, но

глаза, несмотря на старчески блеклую радужку, выдавали живой интерес.

— Итак, леди Рейвен, криминалист департамента по контролю магии, — произнес он, и я, не удержавшись, вздрогнула, услышав не совсем внятную, шепелявую речь. — Чем же я обязан вашему появлению? Мне казалось, что к магии я уже давненько не имею ни малейшего отношения.

Я слегка сжала сложенные на коленях руки, призывая на помощь всю свою собранность. Начало этого разговора я обдумывала долго и тщательно, поэтому, чуть улыбнувшись, произнесла спокойным и дружелюбным тоном:

— Право слово, профессор Дин, вы недооцениваете свой вклад в развитие магической науки. После того, что вы сделали с господином Стэнли, вы даже после смерти будете иметь отношение к магии. Впрочем, я подозреваю, что к подобного рода комплиентам вы уже давно привыкли.

— Как сказать, миледи, как сказать... менее приятно их слышать от этого не становится! Так чем же может помочь вам старый и к тому же бывший артефактор?

— Вы слышали о Живодере, профессор? — отозвалась я вопросом на вопрос.

— Кто же в Ланланде о нем не слышал? Страшные трагедии, без сомнения, но при чем тут?..

Я набрала в грудь воздуха и спокойно проговорила, стараясь, чтобы голос звучал ровно, уверенно и безэмоционально:

— При том, что точно такие же убийства совершались в Карваноне тридцать лет назад и имели непосредственное отношение к вашим испытаниям новой печати.

Сказала.

На несколько мгновений окружающий мир замер. Замерло как будто бы даже время, потому что с периферии слуха пропало мерное тиканье больших напольных часов. Все мое внимание сосредоточилось на артефакторе, а тот, в свою очередь, застыл изваянием, даже подбородок подрагивать перестал. С трудом разомкнув губы, он медленно и сухо произнес:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Чего и следовало ожидать. На это у меня тоже была заготовлена речь.

— Послушайте, профессор, я здесь не для того, чтобы выдвинуть вам обвинения, не для того, чтобы вас осуждать, не для того, чтобы потребовать ответа за содеянное. Я здесь потому, что уже который месяц на улицах столицы гибнут люди. Точно так же гибнут, как гибли те, кого убивали ваши подопытные. И я должна найти убийцу. Ответьте на мои вопросы и живите дальше вашей спокойной счастливой жизнью.

Но старик повторил, пристально глядя на меня:

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Я думаю, миледи, что вам стоит покинуть этот дом.

— Хорошо, — невозмутимо кивнула я и поднялась, тщательно оправив юбку. — Придется мне поискать собеседников на эту тему в другом месте. Думаю, газетчики, в отличие от вас, будут очень рады со мной поболтать. Всего доброго, профессор Дин.

Я сделала два шага в сторону двери, и в спину мне прилетело:

— Стойте. — А потом неуверенное: — У вас нет доказательств.

— И как бы я вышла на вас спустя тридцать лет, если бы у меня их не было? — поинтересовалась я, повернувшись вполборота. — Вас тогда спасло лишь заступничество главы департамента. Если бы не его вмешательство, и вы, и господин Стэнли закончили бы жизнь в тюрьме, а не на лаврах почета. Сейчас за вас заступаться некому. Да, пожалуй, никто не будет поднимать дело такой давности, да еще и при том, что практически все его участники уже в могилах. Но, уверена, пресса в такой скандал вцепится зубами, особенно с учетом непростой ситуации с магией в наше время. Подумайте хорошенько, во что превратится ваша жизнь в этом уютном местечке, когда все королевство узнает, что великий ученый — хладнокровный и безжалостный убийца.

Я могла представить, о чем думал сейчас старик. В его голове сейчас рушился выстроенный

идеальный мирок. Ни о какой спокойной жизни после такого скандала можно даже и не мечтать. И дело не только в журналистах, которые налетят, как рой диких ос. Нет, журналисты как налетят, так и исчезнут, погнавшись за свежей сенсацией. А вот репутация профессора в глазах всего общества будет погублена. От него отвернутся все — от друзей и бывших коллег до соседей. Не говоря уже о разбирательствах, которые могут последовать на государственном уровне. Вплоть до отзыва патента и потери причитающихся за него выплат.

Все это ясно было написано на вытянувшемся лице старика. В глазах его метался ужас, будто перед ним стояла сейчас не незнакомая женщина, а все призраки его прошлого, и тиканье часов в воцарившейся в кабинете тишине звучало так, будто отмеряло последние мгновения жизни.

Я терпеливо ждала. Куда торопиться?

— Сядьте, — проскрипел наконец профессор. — Где гарантии того, что вы не понесете все это в газеты после нашего разговора?

— Я даю слово.

— И я должен ему верить?

— А у вас есть выбор?

— А ваш... спутник?

— Он глух и нем, — невозмутимо соврала я.

Профессор откинулся на спинку кресла, а в следующее мгновение в кабинете раздался характерный звук взведенного курка, и старик замер, уставившись в бездонное пистолетное дуло.

— Но не слеп, — недрогнувшим голосом добавила я, даже не заметившая, что ладонь старикашки нырнула под столешницу, что-то там нащупывая. Господи, спасибо! Спасибо, что послал мне такого мужчину, как Кьер! — Руки на стол. И я вас внимательно слушаю.

Профессор, неотрывно глядя на господина Стивенсона, медленно пристроил сцепленные в замок ладони поверх разложенных бумаг и перевел взгляд на меня.

— Что именно вас интересует? — голос его звучал надломленно и зло.

— Для начала — что именно произошло с первыми испытаниями печати. Что пошло не так и почему?

Старик вздохнул, снова покосился на моего охранника и заговорил:

— Мы совершили ошибку, простительную с учетом революционности открытия, — не приняли в расчет один из показателей... Вам известно, что современная печать разделяется на несколько видов?

— Да, они отличаются по направленности дара и степени раскрытия «окна».

Профессор кивнул.

— То, что для каждого типа дара необходима отдельная печать, Стэнли рассчитал сразу. Целители, стихийники, артефакторы и структурники взаимодействуют по-разному и с различными потоками магического фона. А вот степень раскрытия не была учтена. Нам понадобилось полгода, чтобы понять, в чем именно была проблема, и еще полтора — чтобы ее решить. Вы не представляете масштабы проделанной работы...

— Я представляю масштабы совершенных убийств, — холодно прокомментировала я. — Мне неинтересны ваши заслуги перед человечеством, о них уже сказано достаточно. Я хочу знать, почему Майк Коннер и подобные ему убивали? И убивали магией, несмотря на наличие печати.

Профессор покосился на господина Стивенсона, который, очевидно, своим пристальным вниманием его теперь нервировал, нервно постучал пальцами по столешнице.

— Магия — материя, до конца еще не изученная, и ее воздействие на человеческий организм куда многограннее, чем это может казаться на первый взгляд. Мы привыкли считать, что

«окно» позволяет магу взаимодействовать с магическим фоном на уровне физики. Однако это взаимодействие на самом деле куда глубже и затрагивает не только физическую, но и психическую составляющую человека. Все прекрасно знают, что близкий к срыву маг, который не справляется со своей магией, даже будучи по жизни крайне уравновешенным и спокойным, становится вспылчивым, озлобленным, а сам срыв зачастую сопровождается большим количеством жертв. Это списывается на страх смерти и невозможность взять магию под контроль. Наши исследования, которые, к сожалению, обнародовать по понятным причинам мы не смогли, утверждают, что дело отнюдь не в этом.

Старик прочистил горло, вздохнул. Я же, превратившись в сплошной слух, замерла в ожидании разгадки.

— Когда что-то идет не так, магия начинает влиять не только на физические возможности человека, но и на состояние его психики. Если говорить о срывах... — Он осекся на полуслове, потер пальцами лоб. — Впрочем, вас интересовали печати. Первые печати Стэнли были все одного размера, причем, размер в данном случае понятие относительное, используемое в упрощенном смысле. Если такая печать перекрывала «окно» полностью, то она превосходно работала. Если была слишком маленькой, то не работала совершенно, и маг мог в полной мере продолжать пользоваться своей силой. А если она вставала впритык, или зазор между краями «окна» и краями печати был похож на тоненькую щель — тогда и начинались проблемы.

Многоуважаемому профессору впору быть дипломатом на сложнейших межгосударственных переговорах. От мягкого слова «проблемы», характеризующего массовые убийства, а затем массовую зачистку убийц, меня передернуло. Профессор говорил обтекаемыми словами, используя абстрактные формулировки, — а я видела за его словами жизни. Покореженные и оборванные жизни людей, не абстрактно-обтекаемых, а конкретных, живых. Возможно, из-за того, что мне довелось посмотреть в слепые глаза старухи-ведьмы, и, если бы я не встретила с ней, впечатления не были бы такими сильными. Но я встретила и теперь слушала профессора, с трудом скрывая отвращение. Потому что за этими самыми формулировками чувствовался научный интерес, но никак не раскаяние.

— Магия продолжала просачиваться в тело мага, но при этом не в тех количествах, чтобы он мог сбросить ее, как при открытом окне. Она в какой-то степени «бродила» в организме, доставляя запечатанному мучительный дискомфорт, провоцируя безумие, навязчивые состояния, неконтролируемую агрессию и, как результат, убийства.

— Но если запечатанные не могли сбрасывать излишки магии, то как, в таком случае, они с помощью ее убивали? И почему это не отражалось существенно на измерительных амулетах и не оставляло следов, по которым можно выследить мага?

Профессор довольно хмыкнул, радуясь, наверное, моему верно поставленному вопросу и тому, что он может дать на него ответ. Даже сейчас для него все это было гордостью. Успешно решенной загадкой природы.

— И маги, и запечатанные — даже правильно запечатанные — очень чутко реагируют на колебания магического фона.

Да, это мне можно и не рассказывать...

— У первых, в зависимости от силы колебаний, возникают те или иные трудности с контролем потока — потому что он начинает прибывать резко, рвано, всплесками. Вторым — просто причиняет неудобство, потому что давит на печать, силась ее снести. А те, у кого «окно» не закрыто полностью, получали в организм вброс чистой фоновой силы, не имея возможности долго его удержать или как следует преобразовать. С первой же вспышкой гнева или помутнением рассудка сила сбрасывалась и снова растворялась в фоне. Поэтому они колдовали. И поэтому — не оставляли магических следов.

Эти слова меня немного озадачили, потому что с характером преступлений Живодера не вязались.

— По вашим словам выходит, что убийства совершались исключительно импульсивно? Запечатанные себя не контролировали? Не понимали, что делают и что с ними происходит?

— Не совсем так, — профессор отрицательно качнул головой. — Большая часть действительно не понимала. Но как течение одной болезни у разных людей может протекать несколько по-разному, так и здесь от случая к случаю проявления психического расстройства могли различаться. Например, были и те, кто не убивал, но испытывал потребность в разрушении, острую, неконтролируемую. Одна девочка причиняла вред сама себе. Одно ясно, что

расстройство это однозначно лишено какой-либо созидательной направленности. Что же касается импульсивности... Мне несколько тяжело судить. Полагаю, вы в курсе, что нам пришлось спешно избавляться от подопытных, поэтому детального исследования на этот счет не проводилось. Но я допускаю мысль, что контролировать это состояние так или иначе возможно.

— Почему?

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, леди Рейвен. Вы пришли, потому что думаете, что Живодер — неправильно запечатанный маг, но теперь задаетесь вопросом — а возможно ли это? Я отвечаю: да, возможно, раз, как вы утверждаете, на месте убийств ощущается магия, но нет ее следов. И то, что другие убивали на срыве, на истерике, на вспышке гнева, вовсе не означает, что убийца не может быть хладнокровным и расчетливым. Видите ли, леди, все, на ком мы проводили испытания печати... скажем так, не отличались великим умом. Нам нужны были те, чьего исчезновения, при необходимости, толком никто не заметит — люди из низов, неудачники, дети из семей по двенадцать ртов, где одним меньше — и слава богу. А они не щеголяли ни образованием, ни зачастую даже простецкой смекалкой. Поэтому я не могу вам сказать, как именно действовал бы в такой ситуации человек более чем неглупый. Психическое расстройство, сумасшествие не равны идиотизму, леди.

Прекрасно. У меня начинает складываться психологический портрет преступника: сумасшедший, но не идиот! Правда, это я и до визита к профессору подозревала...

— Если маньяк действительно запечатанный маг, то, скорее всего, целитель, — вторил моим мыслям старик, задумчиво потирая подбородок. — Остальных не должны интересовать человеческие органы. Хотя та девочка-артефактор... но нет, все же артефакторов я бы не рассматривал. Среди наших неудавшихся экспериментов не попадалось целителей, к сожалению. Так что с точки зрения науки случай здесь выпал уникальный...

Разговор дал значительную пищу для размышлений, и сейчас было непросто не соскользнуть в них, а удержаться на волне разговора, выжать из старого экспериментатора все сведения до капли, чтобы больше с ним уже никогда не встречаться.

— Как вообще возможно, что первая неправильно поставленная печать после ваших испытаний возникла только спустя тридцать лет? О чем это может говорить?

Профессор недоуменно пожал плечами.

— О том, что я хорошо делал свою работу? Господин Стэнли был гением, но далеким от реальности, реализовывал его гениальное изобретение уже я. И, помня о том, во что вылились первые испытания, я очень тщательно подходил и к вопросу наложения печати, и к выбору тех, кому доверить это знание. В течение как минимум десяти лет, леди, новая печать ставилась далеко не каждым дипломированным артефактором. С учетом того, что снять или переставить печать нельзя, я вбивал в голову всем, что это великое спасение, но и великая ответственность. Я умалчивал вариант с сумасшествием, но достаточно было и знания того, что, если поставить человеку не ту печать, она не будет работать. И маг сорвется. И погибнут люди. Но ошибки рано или поздно совершаются. В нашем случае вышло поздно.

Профессор смотрел на меня испытующе, словно я тоже была одним из его экспериментов, и от этого взгляда мне хотелось передернуть плечами.

— У меня есть еще несколько вопросов, более практического характера. Есть ли какие-то признаки, по которым можно определить человека с неправильно установленной печатью?

— Нет. Об этом может сказать только изучение артефактором собственно поставленной печати и окна, которое она закрывает. Даже беглый магический взгляд определит только наличие печати, но не ее дефектность. А уж обычные запечатанные, правильно или неправильно, и вовсе не отличаются от других людей. Как не отличаетесь вы.

Я вздрогнула. Мне же сообщили, что он запечатал свой дар, как он узнал? Вопрос, видимо, настолько явно читался на моем лице, что старик ухмыльнулся и, на всякий случай не делая движений руками, кивнул на угол стола. Там на резной деревянной подставке стоял круглый хрустальный шар, похожий на шар гадалки, а внутри его клубился неспешно фиолетовый дымок.

— Это просто игрушка, леди. Один из маленьких последних капризов. Определяет наличие у моего собеседника дара, не более. Никогда не жалели о том, что вам не довелось стать выдающейся структурицей?

— Не вижу в этом смысла. Жалеть. — Я пожала плечами и, с некоторым трудом оторвав взгляд от чем-то завораживающего зрелища, вновь повернулась к профессору. — Сколько времени проходит между наложением печати и началом приступов?

— От одного до пяти месяцев. Но в среднем — два-три.

— И приступы непосредственно связаны с колебаниями фона?

— Насколько мне удалось это изучить — да.

Я кивнула сама себе, тщательно перебирая в памяти вопросы, которые необходимо было задать. Кажется, ответы на все получены. Возвращаться за уточнениями мне бы не хотелось. Впрочем, есть еще один, пусть и не имеющий ни малейшего отношения к делу...

— Почему вы запечатали свой дар?

Профессор удивленно вскинул брови.

— А это как-то связано с убийствами?

— Нет, но мне любопытно.

— Научный интерес, — понимающе хмыкнул старик. — Я устал от него, леди. Дар дал мне все, чего я хотел добиться в жизни с помощью его, а потому стал не нужен. Я никогда не был гением вроде Стэнли, для которого магия — это жизнь и судьба. Моей жизнью стал проект с печатями. Он благополучно завершился, принес мне деньги и имя. И теперь я могу доживать свой век в достатке и спокойствии — без осточертевших медитаций, без необходимости постоянно работать, без угрозы срыва. Зачем мне магия?

Прагматично и честно.

На этом разговор окончательно завершился, и я поднялась. Взгляд зацепился за артефакт, в котором продолжал кружиться в медленном танце фиолетовый туман. Рука потянулась к вещице сама собой.

— Вы позволите? На нужды департамента, — неожиданно для самой себя произнесла я, и ни один мускул на моем лице не дрогнул.

И без того длинное лицо профессора вытянулось еще сильнее. Он посмотрел на меня, на артефакт в моих руках, на господина Стивенсона. Снова на меня. Угроза разоблачения в прессе действительно сильно его напугала, потому что, изобразив вымученную, кривую улыбку, он произнес:

— Да, конечно. Для департамента — все что угодно.

— Благодарю. Всего доброго, профессор.

— И вам, леди. Искренне надеюсь, что наши пути больше не пересекутся.

— Взаимно, профессор, взаимно...

Покидая кабинет в сопровождении господина Стивенсона, бдительно прикрывшего спину амулетом, я услышала краем уха раздраженное, полное негодования бормотание:

— Ну и бабы нынче пошли. Криминалиста! Куда мир катится?..

Я поудобнее перехватила почти ворованный (изъятый на нужды следствия!) артефакт и улыбнулась.

И только когда мы покинули дом профессора и сели в пролетку, чтобы вернуться обратно в Карванон, меня отпустило. Разговор оказался еще сложнее, чем я себе представляла. И не знаю, что именно пытался достать старик из-под стола, но до меня только сейчас дошло окончательно, что если бы не господин Стивенсон, то неизвестно, смогла бы я выйти из этого дома. Я сжала в замок подрагивающие руки и ощутила на себе пристальный взгляд охранника. Одновременно задумчивый, насмешливый и испытующий взгляд.

— Вы имеете что-то мне сказать, господин Стивенсон? — строго поинтересовалась я.

— Никак нет, миледи. — Сверкающая улыбка снова озарила его лицо. — Я просто думал о том, что необходимо будет запросить у его светлости еще несколько амулетов. С вашим харак... —

он наигранно откашлялся и «исправился»: — родом деятельности они мне понадобятся!

Я отвернулась, пряча улыбку в воротник. Правда, сдается мне, Къера вся эта ситуация повеселит гораздо меньше.

Роль 12

ЗАСТУПНИЦА

Обратный путь к департаменту лежал через Зеленый округ. Пролетка неспешно продвигалась по запруженным улицам торговых кварталов, пока не встала совсем. Я выглянула из экипажа, но не увидела ничего, кроме вереницы так же стоящих, как и мы, повозок. Дунул ветер и принес с собой не навязчивый, но ощутимый запах гари.

— В чем дело? — окликнул кучера мой спутник.

— Не имею ни малейшего представления, господин! Все стоят, и я стою.

Сзади нас уже подпирали следующие жаждущие проезда, так что стоянка грозила затянуться.

— Пойдем пешком, — решила я, поднимаясь, и протянула извозчику монеты.

— Но, миледи... — Господин Стивенсон и не подумал встать, спуститься и подать мне руку.

— Я не собираюсь идти выяснять, что там случилось. — Я закатила глаза. — Прочту вечером в газетах. Но и стоять здесь до скончания века я тоже не собираюсь, меня ждет работа!

Мужчина соблаговолил наконец выйти и помог спуститься мне, однако лицо у него по-прежнему не излучало энтузиазма.

— Его светлость приставил вас мне в охранники, а не в няньки, — не удержалась я от шпильки.

— Да, я тоже так сначала думал... — печально вздохнул господин Стивенсон, озираясь, и неожиданным, цепким жестом выхватил за плечо пробегающего мимо мальчишку. — Что там стряслось, не знаешь?

— Пулетки, господин! Перекрыли дорогу, устроили поджог, побили витрины! Там ух что творится!

— Спасибо. Леди Рейвен, я думаю, нам лучше будет сейчас свернуть направо и выйти к... леди Рейвен?!

Когда охранник меня нагнал, я уже благополучно проскочила поворот направо и теперь уверенно направлялась туда, откуда — теперь я это заметила — поднимались вверх не особенно заметные на фоне осенней хмари клубы серого дыма.

— Вы же обещали, что не...

— Не буду выяснять, что там случилось. Я и не выясняю, вы это сделали за меня!

Откровенно говоря, недовольство моего бдительного сопровождения я понимала. Но с безрассудным любопытством мое желание поскорее оказаться там, откуда шел дым, ничего общего не имело. А связано оно было с одной девочкой-фиалочкой, которая единожды уже участвовала в подобном мероприятии. Я так и не узнала, оказалась Джейн на той манифестации нарочно или случайно, как и я. Но сейчас я искренне заволновалась, не занес ли ее случай на очередное показательное выступление.

К величайшему облегчению господина Стивенсона, когда мы добрались до площади Святого Самюэля, на которой, как выяснилось, все произошло, страсти там уже давно откипели. Кругом кишела полиция, разгоняя любопытствующих и регулируя движение экипажей. Огонь в здании ювелирного дома потушили. А о пребывании здесь борцов за женские права говорили лишь изорванные, истоптанные плакаты на мостовой.

Мой взгляд зацепился за знакомое лицо — с этим констеблем мы уже пересекались, той ночью, когда в мое дежурство обнаружили труп. К нему я и направилась. Мужчина при виде меня особой радости не испытал, зато по недовольно скривившемуся лицу стало ясно — узнал. И то славно.

— Мы не вызывали департамент, — с вызовом заявил он.

— И, может, зря? — Я показательно огляделась.

— Никакой магии... леди, — буркнул полицейский. — Только бешеные бабы!

— По протоколу все случаи с возгоранием должны проверяться на предмет магического источника происхождения.

— Не в этом случае. Я своими глазами видел, как все случилось.

— И как же?

Констебль колебался. Было видно, что меньше всего ему хочется тратить время на беседу с еще одной «бешеной бабой».

— У меня протокол, констебль. — На всякий случай я помахала в воздухе департаментским значком. — Вы можете быстренько мне все рассказать, или я полезу изучать сама, а потом еще накатаю жалобу на помехи в работе.

Констебль вздохнул и возвел глаза к небу. Небо ответило ему начавшимся мелким-мелким дождиком. Я с невозмутимым видом сунула артефакт, который продолжала держать в руках, Стивенсону, накинула капюшон плаща и снова выжидательно уставилась на стража порядка.

— Нас вызвали сообщением, что пулетки опять демонстрацию устроили, надо разогнать, ну мы и прибыли. А эти дуры даже разбежаться не стали, просто продолжали стоять и слушать, что там тетка с трибуны вещала, плакатами своими идиотскими размахивать. Тихие, в общем-то, были, ну мы и попросили их вежливо удалиться. Ну, может, толкнули одну-другую, чтобы поторапливались. А она как упадет, как заверещит. Остальной курятник за ней. Мы их вязать, они вырваться, полная свалка. Но ничего, повязали почти всех. Отсидят с месяцок-другой в Фелтсворте, может, поугомонятся и перестанут дурью страдать.

— А витрины? И поджог? — Я определенно этот момент в рассказе констебля упустила...

— А! Это шпана уличная. Попытались под шумок ювелирку растащить, а огнем внимание отвлечь. Так что я своими глазами видел, леди, магией тут и не пахнет.

— Ну и при чем тут пулистки?

— Так из-за них же все! Нарушение общественного порядка! — отозвался мужчина с таким очевидным изумлением, что я не стала даже пытаться продолжить разговор.

— Спасибо за сведения, — сухая благодарность все же сорвалась с губ, я повернулась к констеблю спиной и, чеканя шаг, направилась в сторону департамента.

Меня распирала злость. Пара месяцев в тюрьме за мирную демонстрацию?! «Бешеные бабы»?! «Угомонятся и перестанут страдать дурью»? Пусть методы пулистского движения мне и не импонировали, но сейчас я начинала понимать, почему дамы все дальше и дальше отходят от попыток решить проблему миром.

Была ли там Джейн?

Теперь уже не важно. Я шла, слушала, как отбивают злую дробь каблуки по мокрой мостовой, и кусала губы.

Вопиющая несправедливость. Во всем. Везде. Иногда от нее хотелось просто выть. Вспомнился Трейт, вспомнился зовущий на свидание Ричи, вспомнились изумленные, возмущенные и презрительные взгляды мужчин клуба.

К черту их всех! Я сумею, я обязательно однажды ткну им всем в нос тем, как же они ошибались, считая женщин вторым сортом. Они считают, что женщины предназначены только для одного? Прекра-асно. Чудесно. Так тому и быть. Маньяка мне это, конечно, не найдет, но...

Я улыбнулась.

— Кьер? — Я поерзала на мужских бедрах и ласково провела кончиками пальцев по смуглой коже напрягшегося пресса.

Герцог, куда больше увлеченный сейчас открывающимися в моем декольте перспективами, нежели разговорами, на оклик отреагировал не сразу. По правде говоря, он на него не отреагировал вообще, пока я не сгребла в горсть густые черные волосы на затылке и не потянула, заставляя его светлость запрокинуть голову и посмотреть мне в глаза.

— У меня к тебе серьезный разговор!

— Прямо сейчас?!

Именно сейчас! Но посвящать Кьера в мои коварные мужчиномстительные планы было бы неразумно, поэтому я просто надула губы и чуть отстранилась.

Кьер вздохнул, ухватил меня за талию, притянул обратно.

— Ну? Что случилось? — А пальцы ненавязчиво, словно невзначай, принялись расстегивать пуговицы на лифе платья, и каждая пуговица была песчинкой в часах, отмеряющих выделенное герцогом для разговоров время. И тут я порадовалась, что пуговицы были маленькие, петельки — узкие, а ряд — длинный...

— Сегодня полиция арестовала участниц мирной демонстрации.

— Пулеток? — с некоторым удивлением уточнил Кьер. — Ну и что?

— Несправедливо арестовала!

— И-и-и?

— Не-спра-вед-ли-во, — повторила я медленно и отдельно, как для глупенького.

— Не замечал за тобой раньше сочувствия пулистукому движению. — Кьер на мгновение оторвался от своего занятия и вскинул голову.

— Да мы с ними, можно сказать, сестры по разуму! — пылко воскликнула я.

— Твои сестры по разуму с гневом отвергли гнет корсетов...

Герцог попытался подцепить крючок вышеупомянутого элемента одежды, выглянувшего в разошедшийся лиф, не преуспел и вернулся к пуговицам.

— ...носят брюки, а слово «женственность» считают то ли ругательством, то ли оскорблением.

— Троюродные кузины по разуму! — не моргнув исправилась я. — Ну, Кьер, ну представь, если бы меня уекли за решетку только за то, что я своим присутствием порчу настроение господину Трейту!

Кьер вздохнул, бросил на меня короткий взгляд исподлобья, и очередная пуговица вынырнула из петли под ловкими пальцами.

— Скольких задержали? — спросил он, кажется, еще надеясь отделаться малой кровью.

Я медленно и осторожно растопырила пальцы одной руки, а когда не услышала категоричного герцогского отказа, так же осторожно и неуверенно присоединила к ней вторую.

— Десять? — Кьер уставился на меня крайне подозрительно. До конца лифа осталось три пуговицы...

Я молча сжала кулаки и снова растопырила их.

Ну, не было же там больше двадцати дам, верно?

Кьер со стоном откинулся на подушку.

— Нет, Эри. Я бы рад пойти тебе навстречу, я глубоко сочувствую этим дамам, но нет! Ты не понимаешь, чего просишь!

Ах так?! Это я-то не понимаю?!

Я сердито сорвала с шеи болтающийся на ней развязанный платок. Кьер потянулся ко мне с поцелуями-извинениями, но я отклонилась, оскорбленно сползла с него и встала.

— Я так и знала, что все всегда в этой жизни приходится делать самой!

— Эри...

Кьер попытался подняться, вернуть меня обратно на постель, но я остановила его, ткнув

пальчиком в широкую грудь. Надавила, заставляя герцога откинуться на подушки. И, сделав шаг назад, так, чтобы он наверняка не мог до меня дотянуться, но прекрасно все видел, принялась медленно и со вкусом стягивать лиф платья, так любезно для меня расстегнутый.

Одно плечо, другое, гладкий атлас невесомо скользнул по коже. Демонстративно, двумя пальчиками я помахала им перед герцогским носом и отпустила, позволяя ткани растечься цветной лужицей на полу.

Взгляд Кьера, сначала полный недоумения, теперь сверкал любопытством и предвкушением. И за последующим моим раздеванием он наблюдал молча и со все возрастающим интересом. Избавившись от юбок, корсета и панталон, полупрозрачную нижнюю сорочку я оставила и, вскинув руки, принялась высвобождать шпильки из волос. Тонкий шелк натянулся на груди, Кьер подался вперед, но под моим строгим взглядом снова откинулся на подушки.

Тяжелая волна волос, освобожденная от оков прически, рассыпалась по плечам, я прикрыла глаза, помассировала голову, скользнула руками по шее и ниже, очерчивая силуэт собственного тела так, как это любил делать герцог, представляя на месте собственных узких ладоней тяжелые, сильные руки.

Наблюдая за Кьером сквозь ресницы, я подхватила кружевной край сорочки, потянула вверх и, дойдя до пикантной границы, — выпустила. Шелк скользнул по ноге обратно под разочарованный выдох, а я, переступив через юбки, подошла к кровати и заняла то же место, что и раньше — верхом на герцогских ногах. Только на этот раз чуть дальше.

Кьер протестующе вскинулся, снова попробовал привстать, потянулся ко мне.

— М-м. — Я шлепнула по подбирающейся ладони, а потом и вовсе пригвоздила запястья к кровати, надавив на них всем весом, наклонившись вперед так, что в вырез сорочки стала видна грудь. И, облизав губы, прихватив нижней зубами, глядя прямо в черные глаза, пояснила: — Ну что вы, ваша светлость, не беспокойтесь, я сама справлюсь!

Герцог попытался открыть рот, но я прижала палец к его губам. Коротко поцеловала уголок, огладив ладонями широкую грудь, и выпрямилась, испытыв мимолетное сожаление. Нет-нет, сейчас моя очередь!

— Сними, — хрипло выдохнул Кьер.

Ой, да пожалуйста!

И я потянула край сорочки вверх, чувствуя, как каждый дюйм обнажаемой кожи тут же обжигает жадный взгляд, от которого внутри, между разведенных ног, все сжимается. От него — и от мыслей о собственной смелости, и о том, что будет дальше.

Голова вынырнула из ворота, волосы упали на плечи, на грудь, щекоча напряженные, чувствительные соски. Я бросила сорочку герцогу на грудь и выпрямила спину, глядя на него сверху вниз с чувством легкого превосходства, купаясь в ненасытном внимании и открытом любовании.

Смотрите, ваша светлость, смотрите...

Любезно откинув волосы обратно за спину, чтобы не закрывали обзор, внутренне дрожа от легкой нервной робости и предвкушения, я шумно вдохнула и положила ладони себе на грудь. Сжала, помассировала...

Дышать сразу стало еще труднее. Чувствовалось, как напряжено подо мной мужское тело. Я опустила ресницы, не в силах выдерживать взгляд Кьера в такой момент, но все равно увидела, как кулаки смяли покрывало, услышала, как шумно вырвался воздух из его груди.

Я ласкала себя, с интересом прислушиваясь к тому, как отзывается тело на иные прикосновения, и сердце грохотало в грудной клетке, в ушах, щеки горели даже не от смелых ласк, а от этого неотрывного взгляда, от того напряжения, которое разливалось, звенело в воздухе. Кьер пошевелился, и я замерла, бросила на него предупреждающий взгляд. А потом, облизав пересохшие губы, скользнула ладонью вниз.

Кьер, кажется, перестал дышать. Да и у меня с трудом получалось проталкивать как будто загустевший воздух в легкие. Как будто нас накрыло то герцогское закливание, заставляющее все вокруг замереть...

Но грозой не пахло. По крайней мере — магической.

Я окончательно зажмурилась, не в силах смотреть на происходящее даже краем глаза. Было стеснительно и сладко одновременно. Ощущения наслаивались друг на друга, связанных мыслей не осталось. Осталось только томительное ожидание разрядки и ощущение прожигающего взгляда.

Но когда я качнула бедрами и негромко застонала, Кьер не выдержал.

Я оказалась на спине в мгновение ока, даже не успев толком сообразить, как это произошло, — оба запястья плотно прижаты к одеялу, как несколько минут назад руки герцога. А Кьер впился поцелуем в мои губы так напористо, так непререкаемо, так властно, что мне оставалось только послушно принять этот поцелуй без попытки вырваться.

Выпустив мои руки, но не прерывая поцелуя, герцог торопливо скользнул ладонями по моему телу, повторяя те же движения, которые только что проделывала я сама, проникая туда, где только что были мои пальцы, словно хотел доказать, что мои собственные неуверенные ласки не сравнятся с его.

Только я это и так знала. И цеплялась за широкие плечи, и податливо выгибалась навстречу сильным рукам, и жадно ловила такие необходимые, такие сладкие поцелуи...

— Черт бы тебя побрал, женщина! — выдохнул он мне прямо в губы, оторвавшись на какие-то мгновения, пока расстегивал ремень брюк. — Сумасшедшая! И меня решила свести с ума?

Вместо ответа я смогла только хрипло вскрикнуть, ощутив такое желанное, такое долгожданное проникновение.

Он двигался резко, глубоко, каждым движением срывая с моих губ невольный стон, полностью подчиняя себе, своему ритму. Наверное, это было бы даже немного грубо, если бы не было так жизненно необходимо. Так упоительно сладко. Так восхитительно не только на уровне телесного наслаждения, но и осознания собственной силы. Маленькой власти.

И момент ослепительного, солнечного наслаждения оказался так ярким, что я зажмурилась до выступивших на глазах слез, замерла, сжалась в бесплодной попытке продлить это мгновение и чувствуя особенно сильно горячую пульсацию внутри и дрожь герцога, пробежавшую под смуглой кожей, по напряженным мышцам.

Кьер мазнул губами по моему виску, сцеловывая одинокую слезинку, уткнулся лбом в шею, не торопясь отстраняться. Он тяжело дышал, и плечи блестели от пота, чуть подрагивали руки, упершиеся по обе стороны от меня, чтобы не придавить.

Я запустила пальцы во взлохмаченную копну волос, и Кьер вскинул голову, посмотрел мне в глаза и снова поцеловал — на этот раз долгим, тягучим, сладким, как патока, поцелуем. А потом упал рядом на кровать и прикрыл ладонью глаза.

— Я попробую, Эри. Но не обещаю.

Откровенно признаться, я даже не сразу сообразила, к чему он это сказал. Представление оказалось настолько увлекательным, что я совершенно забыла, с чего, собственно, оно началось.

Метнув взгляд в сторону гардеробной, поколебавшись мгновение, я все же не встала, а подкатилась к Кьеру под бок, пристроив голову на плече. Тяжелая рука с готовностью меня приобняла.

— Спасибо. И за Грея спасибо. Он просто счастлив. И родители.

— А ты?

— А я — счастливее всех! — жизнерадостно объявила я.

Кьер усмехнулся и прижал меня теснее.

— Я разговаривал со Стивенсоном...

— Он рассказал, как хорошо я себя вела? — Я потерлась носом о гладкую кожу.

— Что-то вроде того. Ты можешь в следующий раз обойтись без визитов к старикашкам, угробившим кучу народу на благо науки?

— Я попробую, — серьезно проговорила я, копируя его интонации. — Но не обещаю!

На следующий день на работу я пришла с четким осознанием того, что нужно делать. В первую очередь написать запросы во все университеты, где преподавалось целительство, чтобы выяснить, кто из студентов в прошедшем учебном году был отчислен и запечатан, кто ушел сам. Судя по тому, что скальпелем убийца владел прекрасно, определенное образование в этой сфере он успел получить, а целительство было единственным магическим направлением, которое не практиковало частное обучение без получения королевского диплома.

Когда с этим было покончено, я принялась составлять список всех городских артефакторов, дабы навестить к ним с визитом и проверить списки запечатанных. С учетом того, что маньяк практиковал в Карваноне (Тарнхил я решила пока считать исключением и временно не принимать во внимание), скорее всего, именно здесь он был и запечатан. А значит, мне предстояло обойти весь город, проверить все артефакторские книги, чтобы выяснить, какие именно целители были запечатаны в период с декабря прошлого года по июнь нынешнего. А потом встретиться со всеми этими целителями и выяснить, имеются ли у них алиби на момент совершенных убийств.

Объем скучнейшей работы, с одной стороны, удручал, а с другой, нагонял азарта — ощущения близости разгадки.

В отделе было пусто. Компанию мне составлял только Оррис. Трейт с заместителем заперся в своем кабинете. Господин Дорн, алхимик, корпел в собственной лаборатории, в которой то и дело что-то взрывалось и ругалось, и я искренне надеялась, что взрывались декокты, а ругался алхимик, а не наоборот. Как я поняла, он пытался выжать больше информации из считывающих амулетов, но пока безрезультатно. Ричи в очередной раз пропадал в морге с телами. Я не верила, что после стольких вскрытий там можно хоть что-нибудь новое найти, но то было распоряжение Трейта. Свен и Тарн отправились по психиатрическим больницам.

Моя кипучая деятельность от взгляда коллеги не укрылась. Я не знала, чем занимается он, но краем глаза видела, как Оррис с интересом косился в мою сторону и даже вытягивал шею, словно надеялся разобрать, что я там пишу. Это немного веселило. Пусть смотрит.

У меня был момент колебаний, когда мне хотелось подойти к Тарну Гейлу, который всегда относился ко мне без предубеждения, поделиться с ним всем тем, что удалось выяснить, и попросить помощи. И я даже почти решилась, но потом в комнату зашел Трейт, и я вспомнила, почему решила действовать в одиночку. Мне нужно сделать это самой, если я все же хочу дальше работать здесь и с этими людьми. Первый криминалист, конечно, упрямый козел, но он не отмахнулся от моей первой версии, хоть и отдал ее тогда другому человеку. А значит, интересы работы все же ставит выше собственных убеждений, хоть и со скрипом. А значит, заставить его признать мои — мои личные, исключительные — заслуги можно. Просто они и должны быть мои личные и исключительные.

И я перевернула очередную страницу справочника с адресами практикующих в столице магов. И кто придумал сформировать его по алфавиту, а не по специальности?!..

К обеду я закончила выписывать имена артефакторов. Всего набралась какая-то сотня человек. Я уже завязывала под подбородком ленту шляпки, собираясь пообедать, а затем, не откладывая дело в долгий ящик, отправиться на прогулку по артефактным мастерским, когда в секретариат заглянул посыльный и передал мне короткую записку, в которой значилось только: «Сегодня в три часа пополудни».

Я выпорхнула из департамента с улыбкой. Планы скорректировались, впрочем, обед в них по-прежнему фигурировал. Тень за спиной уплотнилась, обрела аромат знакомого одеколona, и я, не оборачиваясь, бросила через плечо:

— Ваши услуги сегодня, господин Стивенсон, не понадобятся.

Тень без пререканий растворилась, оставив легкое ощущение того, что насовсем она не исчезла — просто сделалась невидимой.

Впрочем, на этот счет особых возражений у меня не имелось. Если Кьеру так спокойнее, пусть так и будет. Да и в глубине души я готова была признать, что мне — тоже спокойнее.

Без четверти три я сидела в пролетке, в паре десятков футов от тяжелых кованых ворот

Фелтсворта — одной из двух городских тюрем. Здесь было тихо и безлюдно — только стража у ворот с каменными лицами. И я.

Когда большие квадратные часы на тюремной башне пробили три раза, ничего не произошло, но я сидела и ждала, нервно теребя пальцы в перчатках, и ожидание было вознаграждено. Отворилась обитая железом калитка в серой стене, из нее вышел страж, бдитительно окинул взглядом окрестности и принялся по одной выпускать на свободу растрепанных женщин. Те тут же кучковались парами и тройками и разбегались в разные стороны, торопясь убраться подальше.

А одной из последних стены Фелтсворта покинула до боли знакомая мне девица — клетчатая юбка, светлая макушка, на этот раз без традиционных фиалок, и я досадливо покачала головой — вот угораздило ее все же там оказаться!

Изобретательница зябко ежилась, озираясь, подружки тогдашней при ней не наблюдались, и я, не удержавшись, взмахнула рукой и окликнула:

— Джейн!

Девушка обернулась, и голубые глаза изумленно расширились. Она направилась в мою сторону почти бегом, и уже через несколько мгновений я протянула ей руку, чтобы помочь подняться в пролетку.

— Леди Эрилин, — прошептала Джейн осипшим голосом. — Что вы здесь делаете?

— Я? Мне кажется, куда уместнее спросить, что вы здесь делаете, юная барышня? Гений! Будущее мировой науки! — Я стянула с себя плащ и накинула на острые дрожащие плечи, бросив извозчику адрес, отпечатавшийся в памяти еще со встречи в герцогском особняке. — Позвольте поинтересоваться, чем вы думали?

— Женщины имеют право быть услышанными. — Юная пулистка вздернула нос и сверкнула глазами. — Мне казалось, вы, как никто другой, должны это понимать! Мне Томас рассказывал... и вы же были тогда на площади!

— Моя дорогая, я буду последним человеком, который будет спорить с вами о женском праве голоса, но поверьте мне, из застенков Фелтсворта его точно никто не услышит!

— Нас арестовали несправедливо!

— Это как-то отменяет тот факт, что вас арестовали?

Джейн открыла рот. Закрыла. Наохлилась, кутаясь в мой плащ, а растрепанные светлые волосы делали ее еще больше похожей на маленького пушистого птенца.

— Послушайте, Джейн, — я смягчила тон, пока не успела настроить девушку против себя, — для достижения общей цели каждый должен делать то, что у него получается лучше всего. Женщины, работающие на фабриках, занимающиеся тяжелым физическим трудом, не имеющие доступа к образованию, могут обратить на себя внимание только одним путем, это верно. Но этот путь не для вас и не для меня. Не потому, что мы — чем-то лучше их, нет. Просто у нас другие возможности, другие способы взаимодействия с этим миром. Мы можем что-то кому-то доказать другим путем, вы понимаете? Дать понять окружающим, что пулистское движение — это не только крики, митинги и битые витрины. Показать им, почему женщины действительно должны иметь те же права, что и мужчины. Не потому, что мы этого так вдруг захотели — а потому, что мы достойны, что мы не уступаем им ни в чем. У вас есть редкий талант, возможность произвести настоящий фурор, прогреметь своим именем! А вы, вместо того чтобы бросать все силы на его развитие, распылаетесь по мероприятиям, которые не только не несут для вас никакой пользы, но еще и причиняют вред!

Я помолчала несколько мгновений, наблюдая за тем, как в глазах изобретательницы проступает задумчивость, и добавила:

— На площади в тот день я оказалась случайно. Я никогда не стала бы участвовать в подобном.

Джейн прикусила губу и уставилась на носки выглядывающих из-под испачканной клетчатой юбки ботинок.

— Вы так говорите, потому что вы — леди, — буркнула она не то обвиняюще, не то с легкой завистью.

— Я так говорю, потому что вы мне нравитесь, Джейн. И мне не хотелось бы, чтобы вас поджидала незавидная судьба заключенной или каторжницы. Страдать во имя идеи — конечно, очень благородно, но это не ваш путь.

Изобретательница молчала, но в молчании теперь чувствовалось признание моей правоты, которую упрямая юность вслух озвучить была пока не готова.

— И все-таки как вы узнали, что я угодила в тюрьму и во сколько меня освободят? Вам сказал Томас? — и голос ее дрогнул. Сразу стало понятно, что перспектива того, что юный лорд узнал о ее героических похождениях, Джейн не радовала. Особенно с учетом того, что встречала ее я, а не герцогский брат.

— О, я понятия не имела, что встречу вас здесь, — беззаботно отозвалась я. — Я просто проезжала мимо по делам департамента. А тут — вы!

— Значит, Томас не знает? — с надеждой уточнило юное дарование.

— Пока — нет.

— Пока?..

— Вы полагаете, он не заметит, если однажды вы не вернетесь домой, потому что в очередной раз оказались в застенках и на этот раз не на сутки, а на пару лет?

Джейн покраснела, спрятала глаза и тему развивать не стала, чему я, в общем-то, была рада. Все же не стоило пулисткам, особенно юным и идейным, знать, каким образом некая леди добилась их освобождения, несмотря на то что, по моему скромному мнению, образ оказался весьма приятным и в обязательном порядке требовал повторения.

Оставшийся путь прошел в молчании и задумчивости, как я надеялась, плодотворной. Когда пролетка остановилась возле небольшого традиционного дома в два этажа, с низкими, ровно подстриженными кустиками возле высокого крыльца, Джейн наконец подняла на меня глаза.

— Леди Эрилин, могу я пригласить вас на чай?

— Вы уверены, что это будет удобно? Ваш отец, должно быть, места себе не находит.

Изобретательница снова покраснела, выдавая тем самым, что именно поэтому присутствие постороннего человека в доме прямо сейчас будет более чем удобно и прикроет ее от отцовского гнева.

— О, я уверена, он очень рад будет с вами познакомиться! — горячо заверила она и неожиданно жалостливо добавила: — Пожалуйста...

Кажется, я начинаю понимать, чем именно госпожа Джейн Свифт зацепила юного лорда Томаса. Перед таким взглядом сияющих голубых глаз редко какой мужчина мог устоять. Даже мое суровое женское сердце дрогнуло!

Вполне возможно, что влезать в семейные выяснения отношений сейчас было бы и не самым разумным делом, зато лучшего повода, чтобы потом попросить рассказать об изобретениях и магии в них, не придумаешь.

— Папа! — звонко закричала Джейн, едва открыв дверь. — Я вернулась!

— Джейн! Господь Бог, девочка моя, я уже... — ответное причитание раздалось еще раньше, чем перед нами предстал сам профессор Свифт — невысокий мужчина с круглой лысиной и большими круглыми очками.

Он стремительно пересек прихожую и сжал непутевую дочь в объятиях, кажется, даже не заметив моего присутствия. И я уже было подумала, что зря изобретательница переживала, как профессор отстранился, придерживая Джейн за плечи, смерил ее строгим взглядом поверх очков.

— Так, барышня, неделя домашнего ареста и...

— Но, папа!

— Никаких «папа»! Подобных выходок я больше не потерплю! Еще слово, и я найму тебе компаньонку, которая будет следить за каждым твоим шагом, юная леди!

И тут он наконец заметил меня. Недоуменно моргнув, профессор выпустил дочь, поправил очки и внимательно изучил меня уже сквозь стекла, как редкий музейный экспонат.

— Я могу дать пару рекомендаций, — проговорила я, чтобы расколоть напряженное молчание. — Прекрасные, уважаемые дамы. Сама виконтесса Рейвен отбирала их, а она, смею заметить, дама крайне дотошная, придирчивая и бережно относящаяся к женской репутации. Чего, к ее величайшему сожалению, не скажешь о ее дочери.

Джейн хихикнула, прикрыла рот ладонью и тут же состроила серьезную и торжественную мину.

— Папа, позволь представить тебе леди Эрилин Рейвен. Я рассказывала тебе, помнишь? Леди Эрилин помогла мне добраться до дома и любезно приняла приглашение на чай.

— Большая честь для нас, миледи, — отец Джейн поклонился. — Прощу.

— Я приведу себя в порядок. — Изобретательница бросила на меня робкий взгляд. — И тотчас же к вам присоединюсь.

Дождавшись разрешающего кивка родителя, девушка стрелой взлетела по лестнице, только клетчатые юбки взметнулись, а мы с профессором Свифтом проследовали в гостиную.

— У вас удивительная дочь, профессор, — с улыбкой произнесла я, когда хозяин дома распорядился насчет чая.

— О да, — отозвался тот, и в голосе звучала гордость с легкой примесью обреченности. — Джейн, должно быть, слишком отличается от сверстниц ее возраста и положения...

— Разве что в лучшую сторону, — не кривя душой, отозвалась я.

Профессор улыбнулся, удобнее устроился в кресле.

— Значит, криминалист? Признаться, когда Джейн сказала мне, что познакомилась с вами, я не сразу ей поверил. Не поймите превратно, я как никто верю, что женщины ничуть не уступают мужчинам, а вот здесь, — он многозначительно постучал пальцем по лысине, — могут и дать нам фору, но все же криминалистика... и леди! Я, должно быть, не оригинален, но что сподвигло вас выбрать именно эту дисциплину?

— Именно это и сподвигло. — Я чуть улыбнулась. — Отец прочил меня в экономисты, маменька намекала, что раз уж мне так захотелось учиться, то пусть хотя бы это будет какая-нибудь филология, философия и иже с ними, а я решила выбрать то, что мне интересно, но при этом менее всего подходит женщине и леди. Медицина меня интересовала, но потом я решила, что во мне недостаточно человеколюбия. В этом свете криминалистика показалась особенно привлекательной.

Отец Джейн усмехнулся.

— И как же эту сокрушительную новость пережили ваши родители?

— Я думаю, главное тогда было то, что они все-таки ее пережили, — философски заметила я, и профессор не сдержал тихого смеха.

— Джейн было девять, когда она спросила, не может ли она надеть штаны, как я, потому что юбки пачкаются, рвутся и мешаются в мастерской. Тогда я, наверное, и понял, что где-то упустил тот момент, когда надо было из ребенка воспитывать юную леди...

Принесли чай. Я пригубила обжигающий черный напиток, а хозяин дома продолжил негромко, с легкими нотками ностальгии:

— Я сам наделал немало ошибок, пытаюсь отыскать свое предназначение, свой путь в этой жизни. Мне нравилась наука, нравилась магия... и когда открылось «окно», я решил, что мой дар артефактора — это именно то, что мне нужно.

Я метнула в профессора короткий заинтересованный взгляд поверх чашки и прислушалась с куда большим интересом. Значит, он маг? Так-так...

— Но я ошибся. Дело не приносило удовлетворения, вы знаете, такого внутреннего довольства, понимания, что ты делаешь что-то правильное. Бесконечные занятия, медитации, упражнения выматывали. Отдушину я находил в книгах: теория привлекала меня куда больше, чем

практика. Обычно я не разрешал Джейн присутствовать в мастерской, когда я работаю, но как-то вечером она проскользнула, начала задавать вопросы, и я понял, что мне от этого легче работается — когда я показываю ей, объясняю, растолковываю. Ей все это было невероятно интересно. И как-то незаметно я стал отдаляться от магии, сосредотачиваясь в первую очередь на вещах, требующих мануального труда куда больше, чем работы дара, — чтобы Джейн могла мне помогать. И сам не заметил, как помощница превратилась в хозяйку мастерской. Свой первый артефакт, наполненный моей силой, да, но собранный, придуманный от и до ею самой, она сделала в десять лет.

Я не сдержала удивления — брови сами собой поползли вверх. Меня в десять лет волновали платья, куклы и как бы досадить Грею, а уж «мануальный» труд ограничивался вышивкой, под строгим маменькиным надзором.

— Когда нам пришлось запечатать ее «окно», это стало для нее трагедией. Я до последнего искренне надеялся, что обойдется, и эта болезнь ее минует, только, увы, девочка всегда была больше похожа на меня, чем на свою покойную матушку, упокой Господь ее душу. Джейн грезилась этим даром, твердила, что я мог бы учить ее украдкой, и никто бы ничего не узнал. Но закон есть закон. Я не решился переступить через него... простите, миледи! — Он вдруг вскинулся, отставил блюдо в сторону. — Что-то я совсем забылся! Возможно, я зря вам все это рассказываю?

— Нет, что вы, мне очень интересно! — искренне заверила я. — Едва встретив Джейн, я сразу задалась вопросом, откуда взялся такой талант.

В коридоре зазвучали легкие торопливые шаги, и «талант» влетел в комнату — умытый, причесанный, сияющий, в свежем светлом платьице, достойном дебютантки, а не гения-изобретателя. Бедный, бедный лорд Томас...

— Надеюсь, пока меня не было, вы нашли тему для беседы, — заметила она, усаживаясь на диван.

— О да, профессор любезно поведал мне, откуда берутся девочки-изобретательницы.

Джейн смущенно потупилась, но тут же вскинула голову.

— А хотите, я покажу вам мастерскую?

— Джейн!

— Папа!

— Хочу, — вмешалась я, оборвав на корню зарождающийся спор. — Профессор, позвольте, мне правда любопытно.

Мужчина только махнул рукой, пробормотав себе под нос: «В мое время юные леди друг другу альбомы со стихами показывали... где-то я недоглядел, недоглядел...»

Под мастерскую семейство Свифт обустроило часть подвала, прямо напротив кухни, и я искренне надеялась, что на вкусе пищи в этом доме такое соседство не сказывалось. Все же юной изобретательнице сильно повезло с таким понимающим родителем. Вздумай я устроить в подвале лабораторию, не то что маменька, меня бы отец первым из дома выставил!

Там оказалось неожиданно просторно. Несколько высоких шкафов, большой стол посередине, на котором громоздилось нечто явно в работе, пара чуть поменьше вдоль стены — один с бумагами, другой с установленной лупой и большой яркой лампой. Но передвигаться между всем этим можно было свободно, не рискуя что-либо уронить.

Я приблизилась к большому столу, с интересом разглядывая каркас чего-то неизвестного, и отметила про себя, что магией в мастерской не пахло совершенно. Ни фиалковой, ни какой-либо другой. Любопытно.

— Джейн, могу я задать вам вопрос? — поинтересовалась я, задумчиво обведя пальцем разложенные на тряпочке гайки и шестеренки.

— Да, конечно, леди Эрилин.

— Те изобретения, что нашли свое пристанище в герцогском особняке... откуда в них магия?

Девушка недоуменно сморгнула, изумленно раскрыла рот.

— Откуда... вы тоже маг? Запечатанный?

Я кивнула, глаза у изобретательницы загорелись нездоровым исследовательским блеском.

— И как сильно она ощущается? По шкале от одного до десяти? Вы сразу это заметили или нет? И...

— Я первая спросила, — хмыкнула я, прислонившись к заваленному бумагами столу.

— Простите, — Джейн заметно смутилась. — Я случайно. Просто... мы с отцом уже несколько лет работаем над одним проектом, и до сих пор у меня не было возможности изучить...

Она снова осеклась и, поколебавшись мгновение, заговорила жарко и увлеченно:

— Когда меня запечатали, я очень долго не могла смириться с тем, что мне не суждено создавать артефакты, как отцу. То есть я, конечно, прекрасно знала, что женщинам запрещено заниматься магией, но одно дело знать это, не имея такой возможности в принципе, а другое — когда эту возможность у тебя отбирают. Вы понимаете?

Я кивнула, хотя лично меня потеря магического дара никогда особенно не терзала. Конечно, иногда я думала о том, что было бы неплохо, умей я заткнуть некоторых особо говорливых представителей сильного пола заклинанием помощнее, но и только. Запечатывание «окна» отнюдь не стало для меня трагедией.

— А потом, я поняла, что я же уже их создаю, — продолжила Джейн. — Пусть силой их наполняет мой отец, но ведь создаю-то их я. Я нашла в этом утешение на некоторое время, пока этого не стало недостаточно. С артефактами без собственной силы я была лишена размаха, ограничена жесткими рамками, поскольку в большинстве случаев их создание все же требует непосредственного применения магии в процессе. И тогда... тогда я закопалась в книги по механике, в инженерные учебники, которых у отца было в достатке. Отец помогал мне, терпеливо объяснял, и незаметно материалы для создания артефактов были вытеснены из мастерской железом. Я почувствовала себя окрыленной, я могла теперь творить без ограничений, без оглядки на чужую силу. И тогда... тогда отец сообщил, что хочет запечататься.

Джейн помолчала, окинула рассеянным взглядом мастерскую.

— Вы знаете, у меня это вызвало бурный протест. Как так? Для меня печать стала чуть ли не концом жизни, а он хочет просто выбросить доставшийся ему дар? Я тогда не могла допустить и мысли, что это не мое дело. Отец столько раз завершал мои — мои! — заготовки, что его дар я считала уже чуть ли не своей собственностью. И я понимала — понимала про утомительность сброса излишков, особенно теперь, когда я почти не занималась созданием артефактов, а самому ему это было уже совершенно неинтересно. Он получил степень, стал преподавать в университете, и магия только отбирала драгоценное время. Я все понимала, но... я просто глупо и эгоистично не могла этого позволить. И тогда мне в голову пришла мысль, что будет, если влить отцовскую силу не в артефакт, а в механизм? В чем разница? Магия — суть сила. Энергия. Почему нет?

Я смотрела на изобретательницу с недоверием — почему нет? Серьезно? Потому что магия — это магия, а механизмы — это механизмы! Почему нет! Две совершенно разные и никак не связанные между собой области знаний! А она — почему нет?

Джейн перемен в моей мимике не заметила. Она не могла стоять, прошлась по проходу между столами зуда и обратно, заламывая пальцы.

— Конечно же, в первый раз ничего не вышло, и только благодаря тому, что я покрыла поверхность защитными рунами, сила впиталась в них, а не устроила нам маленький взрыв. Зато у нас теперь есть неразбиваемые часы! — изобретательница махнула рукой в угол, откуда раздавалось мерное тиканье. — И второй, и третий, и четвертый... отец предлагал бросить затею, но меня настолько увлекла эта мысль, что я не могла больше думать ни о чем другом. И вы знаете, — она обратила на меня сияющие глаза, — у меня получилось! Поэтому в моих изобретениях есть магия, леди Эрилин, — они на ней работают! Пока что, правда, отцу не так-то просто заряжать их, там требуется особая, довольно сложная техника стравливания энергии, но я работаю над упрощением...

Я перевела взгляд с Джейн на конструкцию в центре стола. Обратно. В голове начало складываться смутное ощущение чего-то просто гигантского. Чего-то невообразимого. Способного — ни больше ни меньше — изменить ход истории. Если, конечно, я все правильно

поняла.

— Джейн, — медленно произнесла я, и девушка уставилась на меня с готовностью ответить на любые вопросы. — Поправьте меня, если я ошибаюсь, но вы только что сказали мне, что нашли способ использовать магическую энергию как... как... — Я щелкнула пальцами, подбирая слова. — Как паровой двигатель, например? Как завод?

— Ну да. — Изобретательница широко улыбнулась, немного снисходительно, но не обидно. — Магия оказалась в этом плане очень благодатным источником. Ее надолго хватает, она не требует никаких дополнительных материалов, а отрабатывая свое, она просто рассеивается без следа в магическом фоне. Вот, смотрите.

Она схватила со стола одну из папок, увесистую, полную разномастных листов.

— Вот, смотрите. В один механизм можно влить лишь ограниченное количество магической энергии... мы пока не придумали, как именно ее измерять, все же речь идет о совершенно новой величине, но, по нашим расчетам, магия в любом случае выходит эргономичнее того же парового двигателя в несколько раз. И потом, магический заряд всегда можно пополнять. Вы спрашивали меня про те механизмы, что стоят у герцога, мы ждем, пока они отработают свой заряд, чтобы их можно было разобрать и заново использовать детали...

Я листала папку, пробегая глазами по столбикам расчетов, выводам, незнакомым, жутким на вид формулам и, несмотря на то что не понимала там практически ни слова, осознавала, что держу в руках настоящее сокровище.

— Вы говорите, на данный момент для заряда механизма магией требуется какая-то особая техника стравливания энергии... что это значит?

— Это значит, что наполнять резерв магического двигателя может только опытный маг, — пояснила Джейн с сожалением и внутренним неудовлетворением в голосе. — Но у меня есть несколько теорий, как исправить этот недочет и упростить систему наполнения. Я думаю, что одна из них обязательно должна будет себя оправдать.

— Значит, теоретически любой маг может стать источником двигательной энергии, превосходящей паровые двигатели?

— Ну да, теоретически, — кивнула изобретательница, кажется, совершенно не понимая, почему мой голос звучит так напряженно. — Мы хотели запатентовать это открытие, но не вышло.

— Почему? — Я с благоговением провела ладонью по папке, недоумевая, неужели она действительно не понимает, какое сокровище там, внутри?

Джейн улыбнулась, пряча разочарование и почти детскую обиду за иронией:

— Потому что там было мое имя. Ученые мужи и королевские чиновники увидели, что запатентовать открытие хочет женщина, вернее, как они мне заявили, девочка, и даже не стали выяснять, о чем там идет речь. Отмахнулись. А папе сказали, чтобы он занялся моим воспитанием, пока еще не слишком поздно, и не дал растратить жизнь на «бесмысленное и недостойное девицы занятие».

Она снова горько и иронично улыбнулась. Эта улыбка не шла свежему юному личику и голубым глазам. В этот момент Джейн показалась мне внезапно старше своих восемнадцати лет. Исчезли свойственная ей восторженность и жизнерадостный оптимизм, проступили горечь и обида.

— Когда мы уходили, секретарь посоветовал просто поставить на бумаги другое имя. Папино...

— Я бы согласилась, — не удержалась я. Страна, конечно, должна знать своих героев, но она и узнала бы в любом случае, не стал бы профессор присваивать все разработки дочери. Стоило запатентовать это открытие — и все равно весь мир узнал бы, кто именно его совершил. Главное — патент! — В конце концов, это же твой отец. И это в любом случае больше, чем ничего!

— Я бы тоже, — застенчиво призналась Джейн, и снова стало очевидно, что ей восемнадцать, и ни мгновением больше. — Папа отказался. Он сказал, что ни при каких условиях не будет обкрадывать собственную дочь и что раз уж я это сделала, то мое имя и должно стоять в патенте, а раз корона не нуждается в нашем открытии — то мы не смеем навязываться, — закончила она.

Я сдержала глухой стон. У-у-у-у... ученые!

— После этого я и присоединилась к пулисткам, — закончила Джейн. — Чтобы добиться права голоса. Чтобы меня не завернули с порога только потому, что я женщина.

Все ясно.

Я снова перевела глаза на папку у себя в руках. Я знала наверняка, что должно быть сделано, но пока еще стоял вопрос — как. Все это слишком важно, чтобы подойти к вопросу несерьезно.

— Томас знает?

Изобретательница недоуменно моргнула.

— Он знает, над чем именно вы работаете?

— Да, конечно. И он полностью поддерживает отца в том, что мое имя не должно скрываться. Только про пулистку ему не говорите... — добавила девушка и порозовела.

Ой дура-ак. Знает, и вместо того чтобы идти с этим к брату, молчит и невольно подстрекает даму к общественным беспорядкам!

Ладно, с юным лордом Томасом у нас потом будет разговор, а пока у меня имелась еще парочка вопросов к этому беззаботному гению.

— А механизмы, которые работают на магии, они превращаются в артефакты?

— Нет, — Джейн помотала головой. — Магия в них только топливо, заряд, чистая сила. Конечно, резервуар, в который ее заливают, сам по себе в некотором роде артефакт, который, собственно, превращает магическую энергию в физическое воздействие, но и только. Артефактами я не занимаюсь уже давно. Последний я сделала пару лет назад, он просто нужен был мне для работы. Видите ли, я хоть и запечатанный маг, но плохо чувствую магию, а для работы с ней это все-таки важно... вот мы с отцом и создали усилитель. Кстати, на основе амулетов, которыми пользуются криминалисты.

— Да? Неужели? — заинтересовалась я. — И где он? И как он работает?

— А вот, — Джейн простодушно махнула рукой в дальний угол, где между шкафами высилась огромная толстенная свая, которую я изначально приняла за одну из подвальных подпорок.

При ближайшем же рассмотрении свая оказалась вся испещрена руническими символами с вкраплениями мелких драгоценных камней. М-да, если кто-то и опирался на криминалистические амулеты, то явно не брал в расчет их размеры...

На ощупь свая была удивительно теплая, но никакой магии, исходящей от нее, я сейчас не ощущала.

— Он не активирован, — пояснила Джейн. — Мы включаем его только для работы, потому что иначе мне тяжело переносить отцовскую магию. У нее не самый приятный вкус... — И она добавила шепотом: — Терпеть не могу шпинат.

Я усмехнулась и снова коснулась заинтересовавшей меня «свай».

— Вы говорите, он усиливает восприимчивость к магии у запечатанных? Интересная вещь... а поменьше его сделать никак нельзя?

Джейн развела руками.

— Если бы было можно, разве мы бы стали тут вкапывать бревно?

Логично.

— Но, если нужно, я могу подумать! — воодушевленно продолжила она. Кажется, изобретательнице очень льстило мое внимание, и она изо всех сил хотела оказаться в чем-то полезной.

— Нет, не стоит. — Я мазнула пальцами по причудливой резьбе и отвернулась. — Я интересовалась только из тех соображений, что многие криминалисты — запечатанные маги,

и, кто знает, подобный артефакт мог стать неплохим дополнением в нашей работе. Профессиональный интерес, если позволите. Но у вас, Джейн, сейчас есть дело поважнее. Если вы придумаете способ, при котором любой маг, даже необученный, сможет заряжать своей силой механизмы, то я вам гарантирую — патент вы получите. И имя на нем будет стоять ваше.

Роль 13

ШПИОНКА

Я убила на походы по артефакторам три дня. Три дня с утра до ночи по Карванону, три дня одни и те же вопросы и списки запечатанных перед глазами. Еще день ушел на то, чтобы нанести визиты бывшим целителям, имена которых в этих списках значились, а время запечатывания попадало в нужные временные рамки.

И ничего. Трое запечатанных оказались совсем детьми, один — глубоким стариком с дрожащими руками, а двое других смогли предоставить на моменты убийств неопровержимое алиби.

Ответа из университетов пока не было, а посетить все артефакторские мастерские по всей стране я не могла — ведь гарантий, что наш маньяк был запечатан именно в Карваноне, нет...

Однако оставался еще один непроверенный и, главное, весьма доступный вариант, который следовало обязательно проверить. Вариант этот проверять мне самой не особенно хотелось, но я, и осматривая трупы, особого удовольствия не испытываю, так что...

Я как раз размышляла об этом, собираясь домой, когда в секретариат впорхнула полупрозрачная магическая птичка и уронила мне в руки сложенную вчетверо записку.

«Когда ты приедешь?»

На сердце потеплело, и в груди разлилось сладкое томление.

Со всей этой работой я так забегалась, что мыслей ни на что другое просто не осталось, и каждым поздним вечером я возвращалась прямиком домой, чтобы упасть и не вставать. На вторую мою «работу» просто не оставалось сил. Да и Кьер, судя по всему, был очень занят, он почти не появлялся в департаменте, а когда появлялся, к его кабинету очередь выстраивалась, и я здраво рассудила, что его светлости в любом случае не до меня. А эта записка сейчас звучала как «Я соскучился».

Я взяла карандаш, торопливо нацарапала: «Сегодня». И вручила посланцу. Птичка пискнула и растаяла в воздухе.

Из дома я вырвалась под донельзя благовидным предлогом — ужином у профессора Свифта и его дочери. Даже папа поверил, когда я в красках рассказала, что Джейн — изобретательница (умолчав о том, что еще и пулетка) и что она работает над чем-то гениальным, но пока не могу сказать над чем. А мама, вздохнув, признала, что профессор и его дочь — это уже куда лучше, чем дежурство и трупы, и выразила надежду, что я встаю на путь исправления.

Кьеру я решила об изобретениях Джейн Свифт пока не говорить. Не тот случай, где герцогскую помощь надо выпрашивать флиртом и поцелуями, как раз наоборот — я была уверена, что Кьер сам уцепится за такое открытие, когда оно будет доведено до ума. А пока этого не произошло, пусть он лучше не знает. В конце концов, никто не может сказать, когда Джейн добьется результата — через неделю или через десяток лет? Стэнли вон два года на доработку печати потребовалось...

Но я была рада, когда, зайдя в герцогский особняк и позволив лакею снять с себя плащ, столкнулась лицом к лицу с юным лордом Томасом, как раз отчий дом покидавшим.

— Вы-то мне и нужны, — сообщила я, потеряв подмерзшие ладони, и юный лорд от этого зловещего жеста даже почти попятился.

— Леди Эрилин?.. — опасно произнес он.

— Будьте любезны, лорд Томас, побеседуйте с вашим другом на тему более вдумчивого отношения к тому, что и кому он рассказывает. И на что соглашается.

— А! — Юный лорд просветлел лицом. — Вы о своем визите. Так то ведь вы! С вами и Кьер на все соглашается...

Я шлепнула умудрившегося-таки впихнуть мне шпильку нахала по плечу перчаткой.

— Я для вашего приятеля чужой человек, мы виделись два раза мельком. Он обо мне не знает совершенно ни-че-го — и тут же сунул в руки папку с разработками, ценность которых я не

могу даже навскидку оценить, а я, между прочим, дочь финансиста!

— Но ведь ничего страшного не случилось, — простодушно произнес юноша. — Вы же не собираетесь использовать это во вред...

— Томас!

— Хорошо-хорошо, — он тут же сдал назад. — Я с ней... с ним! Поговорю.

Я удовлетворенно кивнула.

— А теперь такой вопрос. Почему Кьер ничего не знает об этом изобретении?

Я спросила так, из любопытства, поскольку для себя знала причину, по которой пока стоит молчать, но мне было интересно, какие мысли на этот счет витают в голове юного лорда.

— Ну... э... я просто не хотел, чтобы он узнал о моем приятеле. Пока мы не добьемся успеха и не получим патент. Я хотел, чтобы мы сделали это сами...

Мне оставалось только обреченно закатыть глаза.

— Лорд Томас, неужели за те два года, что из вас пытались вылепить политика, в вашей голове не осело совершенно ничего?! Вы вообще в курсе политической и социальной обстановки в стране? Ладно ваш приятель, но вы! Неужели вы не понимаете, насколько это открытие, если оно будет доведено до ума, важно для вашего брата? Хорошо, что Джейн хватает для работы средств, выделенных отцом и вами из своего содержания, а если бы не хватало? — Я сама не заметила, как в пылу разговора перестала блюсти конспирацию. — Все встало бы? Только потому, что вы решили быть героем на белом коне для своей принцессы и просить денег у брата на открытие, которое может изменить мир, ниже вашего достоинства.

Томас стоял передо мной красный, как свекла.

— Вы правы... я завтра же все ему расскажу!

— Не надо.

Взгляд у Томаса сделался настолько недоуменным, что мне даже стало на мгновение жалко бедного мальчика, угодившего под жернова моего воспитательного инстинкта.

— Но вы же сказали...

— Рассказывать надо было на начальных стадиях, а теперь Джейн уже не нуждается в деньгах, ей нужно только найти способ упростить сброс магии, а это работа чисто умственная, я уточняла. Так что теперь уже нет нужды беспокоить его светлость до тех пор, пока она не закончит.

Томас, проявив недюжинную выдержку и великолепное воспитание, благополучно проглотил и рвущиеся наружу эмоции, и все, что хотел сказать в первую очередь, и при этом даже почти не скривился. А потом, чуть наклонившись ко мне, будто собрался поведать страшную тайну, доверительно сообщил шепотом:

— У вас ужасный характер, леди Эрилин.

— Я знаю, — тем же доверительным шепотом отозвалась я.

Мы оба чинно сдержали смешки за поджатыми губами и разошлись. Томас — прочь из дома, а я — навстречу показавшемуся в дверном проеме Кьеру.

— О чем это вы так мило шептались? — поинтересовался он, заключая меня в объятия.

— Томас высказывал восхищение моими многочисленными талантами и неоспоримыми достоинствами, — поведала я, поднимаясь на цыпочки, чтобы нежно коснуться губами гладкой щеки и потереться носом о подбородок.

— Вот как? У тебя есть достоинства? Почему я о них не знаю?

Я фыркнула и куснула герцога за шею, а потом еще раз, когда мерзавец и не подумал перестать смеяться.

— Ладно, ладно, я понял, что ты голодная. Идем ужинать.

Я хотела все же куснуть манящую смуглую кожу еще раз, для профилактики, ну и чтобы ощутить на губах знакомый солоноватый вкус, но Кьер увернулся и поймал мои губы поцелуем, от которого разом подкосились колени и закружилась голова. Казалось бы, мы уже столько времени вместе, но отчего-то захватывающая новизна ощущений никуда не исчезала, и я теряла голову от его поцелуев каждый раз, как в первый.

Думать об этом было приятно.

Я позволила увлечь себя в столовую и усадить за длинный, щедро накрытый стол.

— Ну, рассказывайте, леди Рейвен, — усмехнулся Кьер, пока лакеи нарезали и накладывали в тарелки запеченного в яблоках гуся. — Чем же таким вы были заняты все эти дни?

В голосе слышались легкие нотки ревности, и потому на мое лицо лезла непрощенная улыбка.

— Маньяка искали, ваша светлость! — отрапортовала я, по-солдатски расправив плечи.

— Нашли?

— Увы...

— Плохо, плохо искали, — пожурил Кьер голосом важного генерала, и мы оба рассмеялись, а герцог тут же сменил тон и участливо уточнил: — Устала?

— Немного.

Мне не хотелось с места в карьер заводить разговор, который обещал стать не самым приятным, но момент был подходящий, да и потом, может, лучше сразу разделаться с гадким и дальше просто наслаждаться вечером?

— Мне нужно с тобой кое-что обсудить на этот счет.

Кьер сделал знак лакеям удалиться, подлил себе и мне вина.

— Только не говори, что теперь тебе нужно выдернуть с каторги осужденного за три убийства, разбой и кражу рождественского венка с двери многоуважаемого судьи.

— Ты что, как я могу вступить за свершившего столь тяжкое преступление, — показательно ужаснулась я, пригубив вино. — Нет, на этот раз спасти никого не надо.

Герцог многозначительно вытер со лба несуществующий пот, и я почувствовала на мгновение укол совести.

— Я так и не поблагодарила тебя за пулисток... спасибо, для этих девушек твое вмешательство правда очень много значило.

По крайней мере, как минимум для одной, что уже неплохо!

Кьер отмахнулся — мол, пустое.

— Так что ты хотела обсудить?

— Я пытаюсь отыскать вероятного убийцу среди запечатанных и обошла всех артефакторов столицы, но, к сожалению, среди их клиентов нет ни одного, кого можно подозревать. Я очень тщательно проверила все списки. Целители, особенно опытные, те, кто умеют держать скальпель в руках, к сожалению, вернее, к счастью, запечатываются редко.

— Печально. Возможно, он был запечатан не в Карваноне?

— Возможно, — согласилась я. — А возможно, его запечатали неофициально.

Я буквально ощутила, как атмосфера в столовой из игриво-непринужденной в мгновение ока сделалась предгрозовой. Ума герцогу было не занимать, и к чему клонится разговор, он понял моментально. У меня перед глазами всплыли брызги лопающегося стекла и летающие книги, и я на всякий случай отставила бокал с вином подальше.

— Что ты хочешь этим сказать? — спокойно уточнил Кьер, откинувшись на спинку стула. Однако в прищуре глаз, в наклоне головы сразу почувствовалось напряжение.

— Возможно, его запечатал кто-то из самоучек черного рынка магии.

— И?

— И я должна туда наведаться.

Черные глаза опасно сверкнули, но тут же их блеск скрылся за опущенными ресницами.

— Нет, — сказал Кьер и, выпрямившись, вернулся к еде.

В душе всколыхнулось глухое раздражение, но я задавила его усилием воли и ровно поинтересовалась:

— Что значит «нет»?

— «Нет» значит, что ты не пойдешь ни на какой черный рынок. Это слишком опасно. Предлагаю считать обсуждение вопроса оконченным.

Я шумно вдохнула и выдохнула сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как корсет начинает сдавливать раздувающуюся грудную клетку. О, такой тон я прекрасно знала. Он сидел у меня в печенках и действовал как красная тряпка на быка. Тон «молчи, женщина, мужчина решил».

— Я завела этот разговор не твоего разрешения ради, — отчеканила я. — Поскольку ты единственный, кто в курсе моего расследования, я надеялась получить совет, как лучше это устроить.

— Совет? — зловеще переспросил Кьер. — Вот мой совет — забудь об этом.

Я все еще держалась. Пыталась. Изо всех сил.

— Но расследование...

— К черту расследование, Эрилин! Ты не пойдешь шататься по кишасим преступниками кварталам и задавать опасные вопросы людям, которые только за вопросы могут перерезать тебе горло!

— Со мной будет господин Стивенсон.

— Да хоть рота солдат! Нет.

Я сжала в кулаках ткань юбки, безжалостно, уродливо сминая гладкий атлас.

— Будь это не я, а любой другой криминалист, ты бы возражал?

— Эри, — Кьер устало потер лоб. — Не начинай...

Я стиснула челюсти и повторила, глядя ему в глаза:

— Если бы это был любой другой криминалист, ты бы возражал? Отвечай.

Ответный взгляд оказался таким же прямым, как и ответ.

— Нет, я бы не возражал.

— Тогда почему? Потому что я женщина?

— Да, Эри, потому что ты женщина, дьявол тебя раздери! — Кьер подскочил, зло швырнув на стол салфетку. — И пора бы тебе уже и самой это уяснить! Прекращайте страдать ерундой с Трейтом, расскажи ему все, и пусть хоть весь отдел криминалистики марширует туда с фанфарами и барабанами, но ты остаешься в департаменте, ясно?!

Я почувствовала, как к горлу подступает ком бесконтрольной ярости.

— Страдать ерундой? — прошипела я. — Страдать ерундой, говоришь? Да ты имеешь хоть малейшее представление о том, какие усилия мне приходится прилагать каждый день на протяжении уже восьми лет, чтобы с моим мнением считались? Да что я спрашиваю, откуда об этом знать его светлости?

Яд сочился из моих слов, я шипела, как кошка, которой наступили на хвост, но ничего не могла с собой поделать.

— Я была лучшей на факультете, но мне приходилось доказывать это снова, и снова, и снова

каждый год одним и тем же преподавателям, и меня не вышвырнули только потому, что я была лучшей. Оступись я, ошибись я хоть немного, от меня бы с радостью избавились. Я могла сдать экзамен, только если я знала материал не до малейшей точки — а до малейшей кляксы на полях учебника. Я выиграла ваш идиотский конкурс среди всех кандидатов, я получила место. Что в связи с этим предпринял твой прекрасный Трейт? Он сделал все, абсолютно все, что было в его силах, чтобы заставить меня уйти. Я уже давно не считаю оскорбления, я закрываю глаза на то, что все мной сказанное по умолчанию воспринимается как глупость. Я просто работаю, работаю изо всех сил, чтобы доказать, что я — не хуже.

У меня перехватило горло, я замерла на мгновение, Кьер открыл рот, чтобы что-то сказать, но я жестом его остановила.

— Нет, я еще не закончила. Знаешь, что будет, если я, как ты изящно выразился, прекращу «страдать ерундой»? Помнишь, что было в первый раз, когда я принесла Трейту свою идею, или уже забыл? Меня просто отодвинул в сторону, Живодера найдет кто-то другой, Трейт лишний раз убедится в собственной правоте и женской профнепригодности, и все закончится тем, что однажды я не выдержу и уйду, хлопнув дверью. Но тебе ведь до этого нет никакого дела, верно? Ты, как и все, убежден, что я занимаю не то место, которое мне предназначено. В самом деле! Зачем мне снова и снова пытаться что-то кому-то доказать, когда у меня на выбор есть куда более привлекательный путь? А какие карьерные перспективы — герцогская содержанка, звучит! Главное, требовать драгоценностей побольше, пока не надоела, чтобы хватило потом на безбедное существование, а то придется другого нанимателя искать. А это дело хлопотное, конкуренция на рынке труда, знаешь ли, дамам моего преклонного возраста тяжело пробиться.

— Хватит! — Кьер ударил ладонями по столу так, что серебро подпрыгнуло, а хрусталь скорбно звякнул. Один из бокалов опрокинулся, и темно-бордовая лужа украсила скатерть кровавым пятном. — Прекрати.

Он нависал надо мной, по-прежнему сидящей, темной глыбой, и ноздри красивого, аристократического, породистого носа раздувались, и бездонные глаза полыхали яростью, но сейчас она не трогала и не пугала, как тогда в библиотеке, потому что я чувствовала за собой правоту, и эту правоту я готова была отстаивать до последнего.

— Я не идиотка, Кьер, — проговорила я, глядя ему в глаза. — Хотя, видит бог, многим бы жилось проще, если бы я ею была. И я прекрасно понимаю все риски, которые сопровождают поход в подобное место. Но я должна туда пойти, и я пойду.

— Эрилин! Черт побери, я запрещаю тебе даже думать об этом! — снова взвился герцог. — Давай...

— Запрещаешь? — повторила я. Слово эхом отозвалось в разом опустевшей голове и с грохотом скатилось куда-то вниз, сорвав по дороге все предохранители. Я встала, рывком, так, что стул едва не упал. — И по какому праву ты мне что-либо запрещаешь? Ты мне отец? Муж?..

Голос, дрогнув, сорвался. Я на мгновение забыла, как дышать. И если бы Кьер сейчас сказал что-то в духе «я герцог и твой начальник», то я бы, ей-богу, его ударила. По крайней мере, попыталась бы. Но он молчал.

Секунда. Другая. Третья...

Я повернулась к нему спиной и зашагала прочь, и стук моих каблучков в полной тишине столовой звучал до дрожи зловеще.

Спустившись вниз, я нервно натянула перчатки, рвано завязала бант шляпки под подбородком и накинула поданный лакеем плащ, путаясь в пуговицах. Злость кипела, бурлила, требовала выхода, а потому я торопилась убраться из герцогского особняка, пока не наговорила его хозяину еще чего-нибудь столь же, а то и более неприятного. А он — мне.

Меня никто не останавливал. То ли Кьер рассудил, как и я, что нужно разбежаться по разным углам, остудить голову и успокоиться, то ли...

При мысли об ином варианте жгло глаза. Я закусила губу и вышла из дома, ускорив шаг, чтобы отойти подальше и поймать пролетку. И только откинувшись на жесткую кожаную спинку сиденья повозки, я почувствовала, как сковавшее тело напряжение потихоньку меня отпускает.

Впрочем, злость так быстро испаряться не торопилась.

Нашел из-за чего скандалить! Я на черный рынок собралась, а не в эпицентр военных действий! Более того, собралась с охранником, а если бы кое-кто соблаговолил пойти навстречу, а не изображал из себя буйствующего зверя, то еще и с любимыми другими средствами самозащиты. И это притом, что в студенческую бытность мне и не в таких местах приходилось бывать, к тому же в одиночку.

И вообще, если подумать, мне там находиться еще безопаснее, чем любому из криминалистов. Кто заподозрит в леди работника департамента по контролю магии? Да никто! Абсолютно! Наоборот, будут прыгать вокруг и услуги наперебой предлагать — зачем еще в подобное место может явиться хорошо одетая женщина при охраннике? Я им подыграю и выясню, что мне нужно, и никто не пострадает. Нет же, этому упряму надо было раздуть из мухи слона!

Не стоило вообще заводить этот разговор. Просто сходила бы, узнала и доложила по факту, если было бы что докладывать...

Честные доверительные отношения... кому они нужны, эти честные доверительные отношения? Я же в его дела не лезу!

Я думала это и понимала — зря. Настоящая причина моей затянувшейся злости кроется отнюдь не в запрете на посещение черного рынка. Настоящая причина в сорвавшемся с губ ненужном вопросе и ответе, которого не прозвучало.

«Кто ты мне?»

Глупо, Эрилин, глупо. Он ничего тебе не должен, потому что изначально ничего не обещал. Границы были сразу очерчены, и они тебя полностью устраивали. Тогда. А сейчас?

А сейчас ты влюбилась, дурочка, как от себя это ни скрывай, как ни отрицай, как ни закрывай глаза на очевидное. И это твоя и только твоя проблема. Вот и думай, что с ней делать, а не расплясь на бестолковое кипение по пустякам. А то и вовсе просто займись делом и не думай вообще ни о чем пока.

Да, так я и поступлю.

Решив для себя это, я покинула пролетку в чуточку более приподнятом расположении духа, чем садилась в нее. Отчий дом встретил меня тишиной и слабым светом в гостиной, где маменька, сидя возле торшера с голубым абажуром, трудилась над пальцами.

— Эрилин? — удивилась она, когда я возникла в дверном проеме. — Ты так рано...

— Профессору нездоровилось, и я не сочла возможным навязывать свое присутствие. А где папа?

— Они с господином Антре сегодня заседают в клубе. — Виконтесса поджала губы, будто такими посиделками мужчины наносили ей личное оскорбление. На самом деле она просто отчаянно тосковала, оставаясь одна, — пустующий зрительный зал великую актрису одной роли несказанно печалил.

— А Грей?

— Встречается с сослуживцами. — Неодобрительный вздох.

Я уже собиралась сделать шаг назад и подняться к себе под сожалеющим и полным скорби взглядом, но неожиданно для самой себя пересекла комнату, села в соседнее кресло и потянулась к разложенному на столике рукоделию, выбирая нитки по душе.

Матушка улыбнулась и на удивление ничего не сказала.

Следующим утром сборы заняли у меня куда больше времени. К выбору одежды я сегодня подошла очень тщательно. Так, будто от этого зависела моя жизнь.

Идеальным вариантом стал дорожный костюм, купленный в Тренвисте. Он хоть и навевал ненужные сейчас размышления и воспоминания, но тем не менее из всего моего гардероба был единственным, который не бросался в глаза, но при внимательном рассмотрении выглядел очевидно дорогим. Никаких украшений, только шляпка с вуалью на все лицо — леди не желает, чтобы о ее деликатной проблеме было известно всему Карванону!

Я направлялась к ближайшей площади, где можно было поймать извозчика, когда со мной привычно и одновременно с этим неожиданно поравнялась моя тень.

— Доброе утро, леди Рейвен.

— Доброе, господин Стивенсон.

— Куда путь держите, миледи? Департамент в другой стороне.

— Полагаю, вы знаете, господин Стивенсон.

Откровенно говоря, его появление меня несколько обескуражило. Не то чтобы я думала, что Кьер со злости отзовет охрану, но все равно — готовилась к тому, что вопросом собственной безопасности мне сегодня придется заниматься самостоятельно. Так что вслед за удивлением пришло немалое облегчение.

— Вам доводилось бывать на черном рынке, господин Стивенсон?

— У меня такой род деятельности, миледи, что мне где только бывать и не доводилось...

— В таком случае, может, вы сориентируете меня, к кому обратиться за информацией насчет услуги магического толка?

— Как вам будет угодно, миледи.

Черный округ встретил нас недружелюбными косыми взглядами, едва ли не бросающимися под копыта и колеса мальчишками, выкрикивающими: «Минку, хоть одну минку, добрый господин! Щедрая госпожа!» — и общим обликом нищеты и разрухи. Квартал, в который мы направлялись, и правда был местной торговой точкой, где за четверть бронзовой монеты можно купить отбросов, считающихся едой, и старья, что сойдет за одежду. Вот только за каждым прилавком скрывались сокровища, взглянуть на которые удавалось не каждому.

Департамент на это место имел зуб давно. Регулярно проводились зачистки, кого-то ловили, судили, казнили и отправляли на каторгу, но на месте выполотых сорняков с легкостью росли новые.

По указанию Стивенсона, пролетка остановилась у лавки часовщика, судя по вывеске и пыльной битой и кое-как заколоченной витрине, доживающего свои последние рабочие дни.

Отчасти я с вандалами была согласна — кому нужен часовщик в нищенском районе? Какие часы, когда людям нечего есть? Но охранник заверил меня, что если кто-то и в курсе, где после последней зачистки можно отыскать нелегальных артефакторов, то это господин Ли. Ибо он пережил уже десять лет облав и, судя по тому, как дела его шли до сих пор, — переживет еще столько же.

Стивенсон вошел в лавку первым — разохшаяся дверь громко скрипнула — и подал руку мне. Изобразив на лице подобающее выражение брезгливости пополам с надменностью, я огляделась вокруг, прижимая к носу надушенный платочек. Помещение было завалено всевозможным пыльным барахлом, отнюдь не только часами, впрочем, и они имелись — большие, до потолка, с тяжелым маятником и громоподобным стуком. Раздались шаги, и под шорох бамбуковой ширмы за прилавком напротив нас появился маленький, сухонький, сморщенный, как чернослив, шинозец с блестящими жучьими глазками и жидкой бородачкой.

Он мазнул по нам со Стивенсоном, казалось бы, совершенно мимолетным взглядом, но у меня сразу же появилось ощущение, что оценено было абсолютно все — мой костюм вплоть до перчаток и перьев на шляпке, осанка, платочек, охранник со всеми его револьверами, амулетами и прочим инвентарем, о котором я сама не подозревала. Оценено, подсчитано и суммировано в количество монет в моем кошельке.

— Добро пожаловать, мэм, — произнес он с ошутимым акцентом. — Чем могу быть вам полезен? Покупка, продажа, залог, починка?

— Информация. — На блестящий вытертый прилавок лег золотой толл, демонстрирующий всю серьезность моих намерений.

Как лег, так и исчез, будто его и не было, и улыбка расцветила лицо господина Ли, сморщив его еще больше.

— Что угодно знать щедрой госпоже?

— Я ищу того, кто может оказать мне услугу весьма деликатного свойства... — Я покосилась на охранника и, наклонившись через прилавок, не отнимая от лица платочка, добавила шепотом: — Необходимо поставить печать магу. — Мой голос сделался еще тише, и шинозец сам наклонился ко мне подобострастно и внимающе. — Практикующему магу.

В раскосых глазах не отразилось ничего, только улыбка продолжала все так же растягивать желтоватую кожу.

— Если вам нужно избавиться от чего-либо ненужного, мэм, вы всегда можете обратиться к старьевщику Джимми. Он живет в квартале отсюда, как выйдете, направо по улице до конца и снова направо, а там вам любой подскажет.

— Благодарю, — я кивнула и направилась к выходу.

На выходе из лавки я была с прискорбием вынуждена признать, что по улице направо пролетка не проедет — дома там сходились настолько узко, что места хватало только на то, чтобы двое встречных разошлись, не задев друг друга локтями. Отпускать пролетку было жаль — где я другую потом найду? — поэтому снова пришлось раскошелиться с обещанием дать еще столько же, если нас дождутся. Оставалось лелеять надежду, что жажда наживы у извозчика пересилит нежелание долго торчать в не самом гостеприимном районе Карванона.

А когда мы шагнули в сумрак улицы, полутемной из-за того, что крыши почти сходились над головами, я почувствовала дикий для этих мест, но отчетливый аромат кофе — кажется, господин Стивенсон активировал какие-то амулеты. Впрочем, слишком настороженным и недовольным охранник тоже не выглядел. Обыкновенно собранным — да, но не более. И это лишний раз давало мне повод увериться в правильности собственных действий.

Лавку «старьевщика Джимми» мы нашли достаточно быстро, даже никого не пришлось донимать расспросами. Вывеска у него была на удивление опрятная, хоть и простенькая — аккуратные белые буквы на деревянном прямоугольнике и пририсованный дырявый башмак. Я вошла снова вслед за Стивенсоном в темное помещение и почти тут же была огорошена грубым окриком:

— Краденым не торгую! Все, что имеется, — честно куплено, а если вам сказали обратное — нагло врут.

— Не нужно мне ваше честно краденое! — возмутилась я, сторонясь полок, заваленных хламом, и коробов с одеждой сомнительной чистоты.

— А покупать у благородных господ я тем более не покупаю, — был ответ, и я наконец смогла разглядеть в темноте комнаты мужчину, одетого в потертый сюртук, с грязным платком на шее, длинными залысинами и острым, загнутым, похожим на клюв носом. — У меня тут не ломбард, мэм, чтобы золотишко вам отсчитывать. Это вам к ушлепку Карлу, жуку алемарскому, а я продаю и скупаю для бедных! Так что шли бы вы, мэм, по своим делам...

— Я по ним и иду! — Я яростно сверкнула глазами и стиснула ручки ридикюля так, что костяшки побелели. — Меня... мне... господин Ли указал мне на вашу лавку и сказал, что здесь мне могут помочь.

— Ну если мадам желает принарядиться для маскарада... — задумчиво протянул старьевщик. — Но учтите, простирнуть вещички лучше будет трижды.

Со стороны могло показаться, что он искренне пытается от нас избавиться, но за грубыми отповедями что-то наверняка было. Своего рода проверка?

Я посмотрела на вероятного артефактора растерянно и вопрошающе и увидела, что смотрит он вовсе не на меня, а на моего увешанного амулетами и излучающего угрозу спутника.

— Стивенсон, подождите снаружи, — отпечатала я. — У меня к господину дело деликатного характера...

— Но, мэм!.. — мой вечно хладнокровный защитник впервые возмутился. — Я не могу позволить...

— Я сказала — ждите снаружи, — повторила я, повышая как тон, так и градус высокомерия.

— В этом нет необходимости, мэм, — неожиданно произнес старьевщик. — Кто я такой, чтобы в деликатном вопросе оставить уважаемую даму без охраны?

Проверка пройдена? Вряд ли артефактор и в самом деле видел угрозу в даме высшего света, но все же решил подстраховаться и проверить: охранник — это охранник, а не работник департамента под прикрытием? Почему тогда позволил в итоге его оставить? Чтобы сделать приятно вероятной денежной клиентке?

Мысли-предположения мелькнули вереницей и растворились в других, более насущных, пока я по знаку старьевщика проследовала за ним за прилавок по темному коридору, придерживаясь за стену рукой. Тот вывел нас в комнатку без окон, пустую за исключением стола, двух стульев и керосиновой лампы. «Джимми» сел, сделав знак и мне присаживаться, а Стивенсон остался стоять у двери, настороженно сверкая глазами. На мастерскую артефактора это место походило менее всего...

— Чем же я могу вам помочь, мэм?

— Я ищу артефактора, который может запечатать взрослого практиковавшего мага.

— Зачем вам это? — искренне изумился старьевщик. — Неужели мадам?..

— Мадам разыскивает супруга, — отрезала я так, будто одно только предположение о том, что столь уважаемая женщина, как я, могла опуститься до незаконного занятия магией, меня возмущало до глубины души. — Он был известным, уважаемым целителем, но неожиданно магия начала выходить из-под контроля, близился срыв, и стало ясно, что «окно» необходимо запечатывать. Мы не могли обратиться к официальным специалистам...

Я поджала губы, словно бы не желала распространяться на и без того неприятную для меня тему, но старьевщик продолжал смотреть пытливо и будто даже непонимающе, будто и не был тем, кого я разыскивала.

Легенду я продумывала тщательно. Вздумай я просто задавать вопросы, пусть даже и предлагая за них деньги, мага могло бы это обеспокоить. Продавцы черного рынка очень осторожны, без этого они быстро бы оказались все за магическими решетками. Одно дело — оказать незаконную услугу, другое — выдавать клиентские тайны непонятно кому и непонятно с какой целью. Мне нужен был личный мотив для подобных вопросов, и он был найден. Так что теперь я сидела перед вероятным артефактором в роли безутешной супруги, а безымянный палец левой руки непривычно давило кольцо.

— Официальное запечатывание по подобной причине — это такой крест на репутации, — я пустилась в объяснения, закатив глаза. — И сразу бы набежали недовольные, требующие компенсацию за то, что их врачевал близкий к срыву целитель! Вы же знаете этих людей! А среди них есть такие, кто не постесняется выставить нам разоряющий иск! И кого будет волновать, что спасти ту девушку было под силу одному Господу Богу!.. Мы решили, что Эшли запечатается тайно, а официально получит заманчивое предложение о работе в другом конце страны, и мы уедем туда, благополучно сохранив имя и накопления.

Я выдержала театральную паузу, ожидая, что старьевщик скажет хоть что-нибудь, но он лишь продолжал пытливо на меня смотреть. Пришлось рассказывать дальше с тяжелым вздохом, и платочек в моих руках продолжил превращаться в измочаленную тряпку.

— Несколько месяцев назад он ушел из дома, чтобы сделать это, и... пропал! — Я тихонько шмыгнула носом, стараясь не переборщить. — Сначала я думала, что срыв все же произошел и моего Эшли больше уже просто нет в живых, но тело так и не было найдено. Я ждала и верила, что, возможно, он все же вернется, до последнего... и мне так страшно было сюда идти! Маменька всегда говорила, что Черный округ не место для уважающей себя женщины... но я... я просто больше не могу жить в неведении. Я должна узнать, что случилось с ним... поэтому, молю, если он был здесь — скажите! Расскажите все, что знаете. Я заплачу, заплачу как за печать, только расскажите...

Я замолчала, и пальцы застыли. Мужчина напротив выглядел озадаченным и задумчивым, что аут же заставило насторожиться — что-то знает. Если бы не знал, просто дал бы от ворот поворот. Хотя... возможен и другой вариант — он просто не хочет выпускать из рук плывущее в них золото и теперь судорожно соображает, что бы такого насочинить мадам, сунувшейся по глупости в эту клоаку.

— Тридцать толлов, — озвучил он. — Золотом.

Я сглотнула более чем натурально. Ну и расценки у этих магов! С учетом того, что печать ставилась совершенно бесплатно — просто грабеж. Я предполагала, что за сведения придется раскошелиться, и нужная сумма, к счастью, при мне была, но я взяла эти деньги на всякий

случай, не рассчитывая всерьез, что придется расстаться с большей частью.

Ладно, если дело выгорит, то с департамента я потом возмещение ущерба стребую, а если нет, то будем считать это платой за самонадеянность.

— Хорошо, — голос мой не дрогнул.

— Покажите деньги.

Я неосознанно вцепилась в ридикюль, будто старьевщик попытался его отнять.

— Я просто хочу убедиться, что они при вас есть. — Он показательно откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди, отдаляясь от меня. И от Стивенсона.

Помедлив мгновение, я расстегнула сумочку и одну за другой выложила на стол тридцать тяжелых золотых монет — в три стопки по десять.

— Прекрасно, — невозмутимо отметил «Джимми». — Мы сделаем так, мэм. Вы задаете свои вопросы. Я на них отвечаю. За каждый ответ вы передаете мне по толлу. Если монеты закончатся раньше, чем вопросы, то вы доплачиваете за каждый новый. Если вопросы раньше, чем монеты, то передаете мне все оставшееся и уходите. Мы все здесь люди искренние и верим другим на слово. Если вы попытаетесь уйти, не заплатив, или если ваш охранник попытается причинить мне вред, то за сохранность вашей жизни в этой лавке я не отвечаю.

Он смотрел на меня спокойным, тяжелым взглядом, и я внезапно с некоторым смущением осознала, что черта с два он купился на мою сказку. Это черный рынок магических услуг. Сюда все приходят со своими легендами, по тем или иным причинам избегая дипломированных магов. А торговцам все равно, какие байки слушать, пока за их услуги платят звонкой монетой. И пока то, что требуется заказчику, не затрагивает ничьих интересов.

— Значит, мой муж был у вас? — спросила я, проигнорировав угрозу, и первый блестящий кругляшок переключался на противоположно сторону стола.

— У меня был человек, который может быть вашим мужем. За последний год у меня был всего один целитель, приходивший по поводу печати.

— Как он выглядел?

Как примерная супруга я все же первым задала этот вопрос. Пусть моя легенда и не воспринимается всерьез, мне лично будет спокойнее ее придерживаться.

— Лицо было скрыто.

Я досадливо поморщилась и тут же уставилась на артефактора с подозрением. Врет? Прикрывает?

— Совсем никакого описания? — Очередная монета покинула первую стопку.

— Он был одет, как вы, мэм, — просто, но дорого, скрывал волосы под шляпой, а лицо под платком. Высокий, худощавый, цвет глаз я не запомнил, мне, знаете ли, ни к чему. По голосу — не стар. Говорил с легким форсийским акцентом.

Форсийский акцент?.. Иностранец?

— Это мог быть он, — невозмутимо признала я. — Значит, вы поставили ему печать?

— Нет, мэм. Я сказал, что он приходил по поводу печати, но не что я ставил ее.

— То есть он ушел от вас незапечатанным?

Хитрый торгаш нарочно отвечал так, что приходилось задавать все новые вопросы, но тут мне оставалось только скрипеть зубами — он хотел заработать, а я приняла условия сделки.

— Вовсе нет. Он уже был запечатан, когда пришел.

— Тогда зачем же он приходил? — изумилась я. — И где он поставил печать?

— Два вопроса — две монеты. — Старьевщик-артефактор поманил золото пальцем и, получив недостающее, ответил: — Где он ставил печать, мне неизвестно, а ко мне он пришел за помощью.

— Печать была поставлена неправильно... — Увлечшись и забывшись, я произнесла эту фразу с отчетливой утвердительной интонацией, и мой собеседник едва заметно ухмыльнулся. — И как вы ему помогли?

— Никак. Печать ставится раз и навсегда, ее невозможно снять, изменить или переставить. Это я и сообщил вашему предполагаемому мужу.

Поколебавшись немного, я задала все же вопрос, не имеющий ни малейшего отношения к делу пропажи моего драгоценного супруга.

— В чем заключался дефект печати?

Однако ответил старьевщик совершенно невозмутимо, лишний раз подтвердив догадку — мои запутанные семейные отношения его не интересовали ни в малейшей степени.

— Скорее всего, артефактор торопился и не проверил размер «окна». Поставил двойку там, где нужна была тройка. В итоге печать встала практически вровень с краями окна. Впервые видел подобное.

— Когда это было?

— В мае.

По срокам сходилась идеально. В июне была совершена первая попытка убийства. Если Живодера запечатали в феврале — апреле, то к маю он почувствовал, что что-то идет не так, и попытался обратиться к специалисту. Почему не к официальному? Понятное дело почему, если он ощущал желание убивать и с трудом контролировал свои действия, то просто побоялся...

Все сказанное артефактором прекрасно подтверждало мою версию, но, к сожалению, не давало практически ни малейшей зацепки для дальнейшего расследования. У меня оставалось еще ровно два столбика, но идей, как выжать на них максимум информации, особенно не было.

— Куда он направился после вас?

— Я не слежу за покупателями.

— Есть ли в Карваноне другие артефакторы, вроде вас, кто ставит печати?

— С последней зачистки — нет. Работали еще трое, но все они были вынуждены закрыть свои лавки и отправиться на курорт. — Мужчина недобро сверкнул глазами.

— Когда была последняя зачистка?

— В прошлом ноябре.

Не сходится. Значит, маньяка запечатывали не в Карваноне. Плюсуем акцент, и область поиска уже выходит за пределы королевства. Искать еще и за границей? Ну почему, чем дальше, тем это дело становится сложнее, а не проще?

Одно радовало — Живодер все же потихоньку обретал плоть и кровь. Он был здесь, он разговаривал с этим артефактором-самоучкой, он пришел сюда со своей бедой и вышел отсюда обратно на улицы столицы. Высокий, худощавый, хорошо одетый, с форсийским акцентом. Вдова держателя паба в Тарнхиле упоминала, что на нападавшем был сюртук из хорошей ткани. Показания совпадают.

Я размышляла, старьевщик терпеливо ждал, не поторапливая.

Вопросов больше не нашлось. Оставшихся денег было откровенно жаль, но я, вздохнув, передвинула монеты на другую половину стола.

— Благодарю, вы мне очень помогли.

— Всегда рад, мэ. — Физиономия артефактора лоснилась довольством, как морда объевшегося сливок кота, усиливая ощущение того, что меня только что обобрали до нитки за пустяк. — Всегда рад. Позвольте вас проводить...

Снова глухие шаги по темному коридору, и помещение лавки, в котором пахло затхлостью.

— Всего доброго, — я скупно кивнула и направилась к выходу.

Стивенсон беззвучной тенью скользнул следом.

Лавку старьевщика мы покинули совершенно беспрепятственно, как и предполагалось. И, шагая обратно по узкой улочке туда, где нас дожидалась пролетка, я чувствовала, как мысли о расследовании отодвигаются на задний план, уступая место глухому раздражению с лейтмотивом «Я же говорила!». Вот нужно же было раздуть скандал из-за такой ерунды! Пришла, расспросила, ушла, и ничегошеньки ровным счетом со мной не...

Передо мной ярким сиреневым цветом вспыхнул щит, в который я врезалась носом. В следующее мгновение вцепившиеся в локоть пальцы дернули меня в сторону, отшвыривая к стене, а все дальнейшее загородила спина Стивенсона, и сонную тишину квартала вдребезги разбили оглушительные выстрелы.

Я испуганно взвизгнула, зажмурилась и закрыла уши руками, сжимаясь за спиной охранника в комок.

Гроыхнуло что-то посильнее револьверов, режущее глаза даже сквозь закрытые веки сиреневое сияние щита опасно мигнуло. Господи, помилуй... а следом по ноздрям ударил резкий, как никогда сильный, грозовой запах. Настолько сильный, что от него закружилась голова, и тошнота подкатила к горлу, и я едва не сползла по стене в полуобморочном состоянии.

Привычная техника контроля восприятия помогла, дурнота отступила, будто ее смыло ледяной водой, и я с усилием заставила себя открыть глаза, желая убедиться, что мне не померещилось. Впрочем, вряд ли я могла перепутать аромат этой магии с чьим-то другим.

Кьер стоял в нескольких шагах от нас, и клубящаяся грозowymi тучами аура силы вокруг него заполонила все узкое пространство улицы. Лицо — собранное, сосредоточенное. На меня он не смотрел, устремив взгляд куда-то вверх, откуда, видимо, нападали.

Еще несколько громких хлопков, пули ударили в невидимый купол, окружающий фшуру герцога, и по нему пошли круги, как по воде от дождевых капель.

Зачарованно, совершенно забыв об угрозе, нависшей над собственной жизнью, я смотрела, как в ладонях Кьера стремительно разросся ослепительный солнечный шар. Взмах — и он сорвался с пальцев, устремляясь куда-то к третьему этажу.

Снова раздался грохот, и на грязную мостовую посыпались камни. Я машинально прикрыла голову руками, и почти сразу сиреневый щит полыхнул последний раз — и схлопнулся. В шуме все смешалось. Я не успела испугаться, как Стивенсон вдруг качнулся назад, впечатывая меня в стену, а затем я едва успела подхватить тяжелое тело под мышки, чтобы сползти на землю вместе с ним.

Я снова зажмурилась, губы сами собой шептали что-то, кажется, молитву, а пальцы стискивали шюртук охранника, вцепившись в него, будто в спасательный круг посреди бушующего шторма.

Шум стих как-то внезапно.

Только что мне казалось, что окружающие дома сейчас просто рухнут, погребя под собой и меня, и Стивенсона, и Кьера, и еще несколько десятков живущих в них людей. А мгновением позже в ушах остался только звон пустоты — и скрипучий шорох шагов по мелкому крошеву осколков. Тут же тело в моих как будто закороченных намертво пальцах зашевелилось, сдавленно охнуло. Я заставила себя выпустить плотную ткань, позволяя охраннику подняться, а вот открыть глаза было сложнее, поскольку я знала — ничего хорошего мне в открывающемся виде не светит.

Я почувствовала, как на плечи легли тяжелые ладони, сжали и потянули вверх, заставляя вспять. Усилие воли — и ресницы все же, дрогнув, поднялись, чтобы явить мне герцога во всей его взбешенной персоне.

— Цела? — коротко поинтересовался он. Ярость в голосе клокотала и бурлила, и если бы фраза не была такой короткой, то наверняка обрушилась бы на меня волной цунами.

Я коротко кивнула и невольно дернула плечом, словно хотела сбросить лежащую поверх него ладонь. Только что пережитый страх быстро сменился злостью, досадой и обидой на мир, от которой ужасно щипало глаза.

Кьер руки не убрал, но и заключать меня в утешительные объятия отнюдь не торопился.

— Ваша светлость, — со стороны вдруг раздался голос Стивенсона.

Я повернула голову и увидела его сидящим на корточках возле одного из валяющихся на мостовой тел. Судя по позе, мужчина вывалился из окна и свернул себе шею.

— Я должен принести вам свои извинения, ваша светлость, — произнес Стивенсон, выпрямившись и виновато склонив голову. — И я пойму, если после случившегося вы выставите меня вон.

— Брось, ты сделал все что мог, — отмахнулся Кьер. — У них были маги, и неплохие...

— Нет, ваша светлость. Не в этом дело. — Охранник указал на тело у его ног. — Я знаю этих людей. Они нападали на меня. Они меня хотели убить. Я имел несколько неприятных столкновений с жителями этого округа и должен был подумать о том, что слишком многие мне здесь будут не рады. И предложить вам подыскать замену для охраны леди Рейвен здесь. Я был глуп и самонадеян. И из-за меня леди Рейвен могла пострадать.

На удивительно пустынной улице — ни вам любопытствующих зевак, ни спешащих к месту происшествия констеблей, оглашающих округу свистом, — будто и не произошло здесь только что магической битвы, теперь возникла немая сцена.

Я не могла понять, говорит Стивенсон правду или по каким-то одному Богу ведомым причинам пытается выгородить меня в герцогских глазах. Хотя с чего бы ему это делать? Не мог же он знать о нашей ссоре? Или получил особенные указания перед моим визитом на черный рынок? Если да, то выходит, я и моя собственная самонадеянность тут и ни при чем? Более того, если так подумать, то не будь здесь навязанного его светлостью охранника...

Я окончательно запуталась в размышлениях о том, кто прав, а кто виноват, и, судя по несколько озадаченному лицу Кьера, его сейчас терзали похожие размышления. Вот только вместо того чтобы углубиться в разбирательства, герцог выпустил мои плечи и негромко произнес:

— Так. Потом разберемся. Отсюда надо уходить.

После чего взял меня за руку, как ребенка, и повел прочь. Что удивительно, шаг он при этом сдерживал, и лететь за ним, мелко перебирая ногами и чувствуя себя собачкой на поводке, мне не приходилось.

Кьер свернул в какой-то проулок, не доходя до площади, где осталась моя пролетка, и я невольно дернулась туда. Черный взгляд ожег недовольством, и я ответила ему раздраженно:

— Я должна отпустить извозчика.

— Стивенсон этим займется, — бросил Кьер, непреклонно увлекая меня за собой, и через минуту мы вышли к карете без опознавательных знаков, которую я увидела, лишь когда почти уткнулась носом в распахнутую для меня дверцу.

Стоило карете двинуться с места, как заклинание отвода глаз, наложенное артефактом, с легким звоном осыпалось.

Я сидела, забившись в угол обитого красным бархатом сиденья, и смотрела в окно, на проплывающие мимо безрадостные пейзажи. Кьер молчал, я тоже. Мне даже не требовалось спрашивать, куда мы направляемся, это было очевидно. Я могла взбрыкнуть и потребовать отвезти меня домой, но тогда напрашивающееся объяснение произошло бы здесь и сейчас, когда мы оба на взводе, а в крови мужчины еще не отгуляла разбуженная схваткой жажда крови.

Нет, спасибо. Я себе не враг.

Да и маменька явно не обрадуется, если дочь явится домой в таком виде — грязная и припорошенная пылью и мелкой крошкой...

И я продолжала бездумно пялиться в окно, раздираемая противоречивыми чувствами, нет-нет да и думая, а не в последний ли раз я еду в герцогский особняк?

Спустя час я сидела на кровати в одной из гостевых комнат, облаченная в сорочку и пеньюар,

и вытирала полотенцем вымытые до скрипа волосы. Пока что наш с Кьером разговор ограничился моей просьбой привести себя в порядок и его великодушным разрешением. По его же приказу горничная забрала для починки и чистки платье, принеся взамен кое-что из моего местного гардероба. И теперь я чувствовала себя странно. Не знаю, что надумал герцог за все время напряженного молчания и что он надумал вчера, когда я ушла от него, чуть ли не хлопнув дверью, но сейчас мне до отвращения не хотелось ругаться. Нервное напряжение после горячей ванны вылилось в тупую усталость. Поэтому, когда Кьер вдруг возник без стука на пороге комнаты и замер в дверях, будто не решался приблизиться, я отложила полотенце и сказала:

— Иди сюда, — а для наглядности еще и похлопала по покрывалу рядом с собой.

На удивление ничего о вопиющей наглости отдельно взятых леди мне высказано не было. Герцог подошел, опустился рядом, а потом и вовсе откинулся назад, падая на кровать. Вольготно заложив руки за голову, он вполне мирно сообщил:

— Я поговорил со Стивенсоном, а тот внимательно осмотрел место нападения. Это действительно его вина.

Я взялась за лежавшую рядом щетку и принялась разбирать спутанные, еще влажные пряди.

— То есть с меня обвинения в самодурстве сняты?

— Кто тебе такое сказал? — Кьер надломил бровь, глядя на меня пусть и снизу вверх, но каким-то чудесным образом с истинно герцогским высокомерием. — То, что на вас напали из-за Стивенсона, вовсе не означает, что тебе стоило туда идти. И в следующий раз, когда ты попытаешься выкинуть что-нибудь подобное, ей-богу, я посажу тебя под замок!

Я вспыхнула гневом, открыла рот для очередной отповеди, но не успела ничего сказать. Кьер рывком сел и, обхватив мое лицо ладонями, произнес мне в губы:

— Ты — моя женщина, Эрилин Рейвен. Моя, ясно тебе? И это был последний раз, когда я позволил тебе намеренно рисковать своей жизнью. Другого не будет. Занимайся сколько угодно своей криминалистикой, но не смей, слышишь, не смей настолько безрассудно собой рисковать!

Если подумать, все заявление от и до с точки зрения моей закоренелой жизненной позиции было глубоко оскорбительным. Но это если подумать. Главная проблема заключалась в том, что прямо сейчас, в данный конкретный момент, я думать не была способна совершенно. Губы обжигало дыханием, от ладоней, касающихся моей кожи, распространялся жар, а в висках пульсировало с ускоряющимся пульсом «моя-моя-моя».

Тело против воли обмякло. Я смотрела Кьеру в глаза, и мне хотелось послать к черту все на свете, начиная от маньяка и заканчивая светским обществом. Прерывисто вдохнув, я опустила ресницы и подалась вперед, ловя поцелуй. Не соглашаясь. Не обещая. К чему разговоры, если прийти к согласию в этом вопросе мы все равно не сможем? Остается лишь надеяться, что этот вопрос — единственный, в котором мы не сможем прийти к согласию.

Не разрывая поцелуя, Кьер снова откинулся назад, увлекая меня за собой. И я позволила. Позволила жадным поцелуям ласкать шею и нежно прихватывать, посасывать кожу. Позволила рукам забраться под шелк сорочки, а потом и вовсе стянуть и отбросить ее, как бесполезную тряпку.

И сама целовала, ласкала, вдыхала ставший почти родным запах, ощущала почти родной вкус на губах.

Мир вокруг плыл в томной неге, и наслаждение было не острым и ослепительным, а каким-то... умиротворяющим. Сладким и тягучим, как мед.

Прижавшись к теплому боку, я наблюдала, как мерно вздымается моя ладонь, лежащая на широкой груди, и слегка ежилась, когда от пальцев Кьера, рассеянно скользящих по моему позвоночнику, разбегались колкие мурашки. Каким-то образом он переместил нас под покрывало, и даже не было нужды разыскивать сорочку.

— Как ты там оказался?

Не то чтобы я не догадывалась, но хотелось знать наверняка. Ну а заодно и нарушить молчание.

— Я приказал Стивенсону сообщить мне, когда тебя понесет на черный рынок, и нашел вас по его маяку. Хотел лично убедиться, что с тобой ничего не случится.

— Спасибо. — Я легонько поцеловала гладкую кожу.

— Раз уж на то пошло, то я должен был предусмотреть этот момент. Стивенсон бывал в тех местах и по моим поручениям в том числе, ясное дело, его там могли запомнить. Стоило поручить твою охрану другому. Просто Стивенсон лучший из не магов, и...

— Ты ведь его не уволишь? — Я приподнялась на локте, чтобы посмотреть Кьеру в глаза. — Он действительно хороший профессионал, и все мы ошибаемся.

— Его ошибка могла стоить тебе жизни, что это ты его защищаешь?

Герцог подозрительно прищурился, впрочем, строить из себя оскорбленного ревнивца у него сейчас не получалось — слишком довольная была физиономия. Поэтому я только посмотрела на него с укором и лениво ткнула пальцем в бок, чтобы не гримасничал.

— Не уволю, — со вздохом признал Кьер. — Он единственный, кто согласен с тобой нянчиться. Остальные воют — лучше увольте!

Я зарычала и вознамерилась куснуть нахала в плечо, но герцог сработал на опережение и, крутнувшись, вдавил меня в матрас, зафиксировав руки над головой.

— Что ты делаешь послезавтра вечером?

— Планирую страшную месть! — прошипела я, пытаюсь извернуться и брыкнуться.

Откровенно издеваясь, Кьер сам куснул меня там, где шея переходит в плечо, и получил-таки коленкой в живот. От неожиданности руки он выпустил, чем я и воспользовалась, чтобы атаковать противника подушкой со всей накопившейся со вчерашнего вечера яростью.

Герцог с хохотом повалился на спину, и я вскарабкалась на поверженного врага с видом воинственным и непобедимым. И Кьер покорно принял свою участь поверженного, правда, подозреваю, оценив совершенно другой вид — до одежды мы ведь так и не добрались.

— Кажется, мой послезавтрашний вечер только что освободился, — была вынуждена признать я, посчитав месть свершенной. — А что?

— Ничего. Просто хочу тебя увидеть.

Я уставилась на герцога с легким подозрением — заявление звучало слишком невинно. Когда он хотел меня увидеть, он просто спрашивал, когда я приеду, а не интересовался насчет конкретного вечера.

— И почему ты хочешь меня увидеть именно послезавтра, а не завтра или через два дня? — уточнила я, прищурившись.

Кьер пожал плечами и с нажимом провел руками по моим бедрам с таким видом, будто полностью был поглощен собственными действиями, а не разговором.

— И завтра хочу, и через два дня. Но бедному герцогу так тяжело вписаться в плотный график леди Рейвен, что я стараюсь теперь уточнять заранее.

Издевается!

Недолго думая, я накрыла ухмыляющееся лицо подушкой с вполне очевидным намерением придушить.

Однозначно что-то задумал. И не признается ведь! А потом кое-кто обвиняет меня в том, что у девушки есть секреты!

Роль 14

ДОЧЬ СВОЕЙ МАТЕРИ

Где вы были вчера, позвольте узнать, леди Рейвен? — голос Трейта раздался над головой, стоило мне усесться в свой уголок.

— Работала, — честно ответила я.

«Первую половину дня — по части криминалистической, вторую — по герцогской!»

Эту мысль я, конечно же, оставила при себе, но едва заметная улыбка, наверное, все же коснулась губ, потому что взгляд первого криминалиста едва ли не кровью налился.

— Отчет о проделанной за последнюю неделю работе мне на стол, — отчеканил он. Я застыла, разом растеряв все веселье, а Трейт с наслаждением добавил: — Немедленно. Ваша свобода действий не отменяет того, что вы, леди, моя подчиненная, и отчеты входят в ваши непосредственные и прямейшие обязанности как криминалиста.

Вдоволь полюбовавшись моим, как мне очень хотелось верить, невозмутимым, а на деле наверняка растерянным выражением лица, первый криминалист покинул секретариат.

Гад! Форменный, склизкий, мерзкий ползучий гад!

Очевидно, чего он добивается. Или выяснить, над какими именно версиями я работаю, или обнародовать то, что я не работаю в принципе. В первом случае можно опять бессовестно присвоить мои идеи, во втором — просто уволить за невыполнение обязанностей. С доказательствами это вполне в силах Трейта, и Кьер ничего не сделает.

И ведь наверняка не поленится как-то проверить все, что будет указано в моем отчете. Была ли там, где была, делала ли то, что делала... С него станется.

Зло стиснув зубы, я взяла чистый лист бумаги и принялась писать.

А спустя полчаса этот самый лист, но уже мелко исписанный, лег на стол первого криминалиста.

— Я могу идти? — сдержанно поинтересовалась я, когда Трейт, взяв его в руки, пробежал глазами раз, второй и не произнес ни слова.

— Нет. Присядьте, леди Рейвен. У меня шея болит на вас смотреть, — добавил он, чтобы, не дай бог, я не заподозрила в нем вежливости в свой адрес.

«Не смотрите», — мысленно огрызнулась я, но подчинилась.

— Признаться, леди Рейвен, — Трейт положил мой отчет, пристроил на него сцепленные в замок руки и поднял на меня тяжелый взгляд, — вы уже порядком утомили меня своей настойчивостью, достойной лучшего применения.

Я открыла рот и тут же его закрыла. Начальство жаждало выговориться, и негоже начальству в такой надобности мешать.

— Неужели вам еще не ясно, что я сделаю все — вы понимаете? — все, от меня зависящее, чтобы вы покинули наш отдел. Мне даже не нужно проверять, я прекрасно знаю, что все то, что вы написали в так называемом отчете, — это абсолютная чушь, и не бегали вы по улицам Карванона в поисках случайных свидетелей. Но я удивлен, что у вас вообще хватило наглости это написать. Я не могу понять вашего упорного цепляния за эту должность. Леди не место в отделе криминалистики.

— Почему? — наболевший вопрос сорвался с губ прежде, чем я успела себя одернуть.

— Почему? — недоуменно переспросил первый криминалист.

Я уже жалела о том, что не промолчала, но отступить теперь было некуда.

— Почему вы не хотите, чтобы я здесь работала?

— Вы — женщина! — Почему-то у меня в голове это заявление из уст Трейта прозвучало примерно, как «Вы — таракан!» из уст благородной леди.

— И почему женщина не может работать криминалистом?

— Потому что Господь Бог создал вас для иного, — отрезало начальство.

— При всем почтении, господин Трейт, мужчину Господь Бог создал тоже не для криминалистики... Науки тогда такой еще не было.

— Вы издеваетесь?! — Костяшки сжатых пальцев, лежащих на столе, побелели.

— Нет, издеваетесь — вы, — спокойно отозвалась я, окончательно теряя остатки терпимости в адрес отдельных представителей мужского рода. — А я терпеливо сношу ваши издевательства из уважения к вашему статусу, прожитым годам и накопленному опыту. И буду дальше терпеливо сносить, пока герцог не уволит меня через два месяца, если я не раскрою это дело. Так что ради всего святого, господин Трейт, потерпите и вы еще немного!

— Вы мне указываете?! —

— Я вас прошу! — раздражение в моем голосе плескалось и булькало, точно так же, как ярость в словах первого криминалиста. — Если вы все равно не верите, что женщина способна выполнять эту работу, то почему вы не можете просто оставить меня в покое до тех пор, пока не истечет выданный герцогом срок? Вы что, считаете, что его светлость не сдержит слово? Или боитесь, что у меня получится? И если второе, господин Трейт, то объясните мне еще раз — почему женщина не может быть криминалистом, только я вас умоляю, без ссылок на Библию!

Я сказала это и подумала, что Трейт сейчас вышвырнет меня вон. И из кабинета, и из отдела. И будет не так уж не прав. Даже мужчина, разговаривая подобным тоном с начальством, мог заплатить за это работой, что уж говорить о таракана... тьфу ты, женщине!

Пришлось с отчаянием признать, что напряжение последних недель здорово подкосило мою выдержку. Арчи, Кьер, Трейт, маньяк — по отдельности я бы со всем справилась. Но вместе... я чувствовала, как разрываюсь между необходимостью быть сильной, независимой и уверенной в себе, такой, какой меня видит та же Джейн Свифт, и стыдным, неприятным желанием все бросить, лечь в кровать, закатить глаза и потребовать свои семьдесят пять капель. Особенно подтачивало мою выдержку то, что я могу это сделать и никто, абсолютно никто, меня не упрекнет.

Даже наоборот. Все вокруг с облегчением вздохнут. Господин Трейт — в первую очередь...

Все это промелькнуло в голове за считанные секунды, пока первый криминалист, обалдевший от подобной наглости, смотрел на меня, выпучив глаза. А потом он вдруг прищурился, потер пальцами подбородок и медленно, раздельно произнес:

— Вы что-то знаете.

— Простите?

Я уже готовилась взорваться окончательно, когда мне прикажут скрыться с глаз и больше на них не показываться, но это вдумчивое заявление сбило меня с толку.

— Вы что-то нашли. Что?

— Я не понимаю, о чем вы говорите. — Недоумение сменилось настороженностью.

А Трейт не торопился отвечать. Он смотрел на меня со странным выражением лица, которое прежде в свой адрес мне видеть не доводилось, и расшифровать я его не могла. Оно застыло на какое-то время... и пропало, а его место заняла привычная недовольно-раздраженная физиономия.

— Идите, леди Рейвен, работайте, — неожиданно спокойно заявил он. Я медлила, окончательно потерявшись в непредсказуемой реакции на мою речь, и тогда криминалист добавил грубовато: — Ну? Мне для вас дверь открыть? Чай, не на приеме, а я вам не лакей.

Я поднялась и, помедлив мгновение, вышла из начальственного кабинета с ощущением полного непонимания происходящего. Трейт понял, что в моем расследовании есть подвиги? Очевидно. Почему тогда не стал допытываться, а вместо этого меня выставил? У меня внезапно получилось достучаться до его разума и он решил дать мне шанс? Даже подумать такое смешно. Тогда почему?

Я пересекла комнату под пытливыми мужскими взглядами, точно такими же, какие провожали меня в начальственный кабинет десять минут назад, вернулась в свой маленький уютный секретариат, села за стол...

И, тряхнув головой, принялась писать письма-запросы в магические университеты Форсии. Начальство приказало работать — а я прилежный служащий!

А незадолго до окончания рабочего дня в мой «кабинет» заглянул Ричи.

Вообще секретариат по определению был тем еще проходным двором, и я совершенно не удивлялась, когда мимо маршировал тот или иной коллега. Поэтому, когда хлопнула дверь, ведущая в лабораторию, я даже не обернулась, продолжая расставлять очередные рассортированные папки. Заняться все равно сейчас было больше нечем, я ждала ответы от университетов, идей, в каком еще направлении копнуть, не было, а под монотонное перебирание бумаг лучше думалось.

Вот только второго хлопка двери я не дождалась и обернулась, чтобы посмотреть, кого и что задержало в секретариате. И увидела Ричи.

Патологоанатом смотрел на меня, стоящую на стремянке, снизу вверх и вполне доброжелательно улыбался.

— Вам помочь, леди Эрилин?

— Нет нужды, спасибо.

Я сгрудила папки одной кучей на полку — потом займусь! — и спустилась вниз.

С того самого дня, когда криминалистический отдел отчитывало высочайшее начальство, а Ричард недвусмысленно выразил заинтересованность в романтических отношениях, мы с ним больше не обмолвились ни словом, помимо вежливых приветствий и прощаний. Я не могла сказать, что от коллеги веяло обидой и враждебностью, но мне казалось, что и некое дружеское взаимопонимание, которое царило между нами, было безвозвратно разрушено. Однако сейчас эта располагающая улыбка отозвалась в душе знакомым теплым чувством.

— Вам что-то нужно? — Честно говоря, иного мотива, зачем Ричи пожаловал сейчас в секретариат, я не видела. Может, бумагу какую-то найти...

Выставленные герцогом сроки и условия, помимо очевидного преимущества свободы действий, имели и небольшой недостаток — фактически противопоставили меня остальному коллективу. Прямо сейчас меня это не волновало и не напрягало совершенно — мне действительно хотелось доказать, что я чего-то стою сама по себе. Но вот поводов для общения с коллегами теперь практически не было.

— Да как вам сказать. — Ричи засунул руки в карманы и качнулся с пятки на носок и обратно. — Господин Трейт подослал меня, чтобы выведать, в каком направлении вы копаете и что именно нарыли.

— Неужели? — в моем голосе против воли скользнул холодок.

— Да-да, — патологоанатом активно покивал. — Поэтому давайте, леди, помогайте мне! Будем вместе разрабатывать стратегию дезинформации противника!

— Вы хотите сказать — начальника? — Я почувствовала, как губы растягивает улыбка.

Ричи ухмыльнулся.

— А я так и сказал!

И пока мы шли к столу, чтобы устроиться за ним со всем удобством — стратегия это вам не шуточки! — я не выдержала и поинтересовалась:

— Ричи, а почему именно вас?

— Ну, леди Эрилин! Наши с вами трепетные отношения ни для кого не были секретом, — в голосе его звучала беззлая насмешка: и над коллегами, и над собой, и над ситуацией в целом. — Вы же сидели на моем стуле!

— Да, как я могла позабыть, — пробормотала я себе под нос. — Стул — это очень серьезно и,

без сомнения, трепетно.

— И-мен-но. Наверняка он решил, что уж от кого, а от меня вы подлости не ждете! Не ждете ведь?

— Ни в коем случае, — искренне заверила я.

— Вот и славно. А то, знаете, обидно было бы! Вы ждете, а я без подлости. Некрасиво...

Стратегию мы обсудили быстро. В конце концов, не может же Трейт ожидать, что Ричи с ходу придет и принесет ему все на блюдечке с голубой каемочкой. Так что в ближайшее время патологоанатом будет условно искать ключики к моей разговорчивости, а я условно испытывать к нему глубочайшие подозрения, чтобы оттянуть тот момент, когда начальство потребует результатов шпионской миссии как можно сильнее.

— А с чего вообще Трейт взял, что вам известно что-то такое, до чего не додумался остальной коллектив? — поинтересовался Ричи, когда обсуждение было закончено, и тут же торопливо добавил: — Нет-нет, вы не подумайте, что я все хочу выведать, просто он выглядел крайне уверенным в себе и своих подозрениях.

Я пожала плечами и ослепительно улыбнулась.

— Наверное, я выгляжу слишком уверенной в себе с учетом грядущего увольнения через полтора месяца. А как продвигаются ваши дела?

— Так себе. — Ричи недовольно поморщился. — Сплошные тупики. Трейт заставил нас даже зарыться в дело тридцатилетней давности, представляете? Убийства со схожими показателями. Убивал маг, близкий к срыву, который самоуничтожился, прежде чем его успели взять. Не знаю, что он хотел, чтобы мы там нашли...

Ричи, кажется, не заметил, как я напряглась при этих словах, более того, будучи подосланным ко мне в качестве шпиона, совершенно не стеснялся выдавать информацию о следствии отдела.

— Гарн съездил по его месту жительства, но толку-то. Самого мага там уже и не помнит никто. Вроде как бабка там жила с той же фамилией, кто знает, кем она ему приходилась, но бабка пару недель назад померла...

Остро кольнуло жалостью — профессиональную ведьму, слепую старуху, было действительно жаль. Если бы не она...

Значит, Трейт все же вспомнил про свой запрос. Неудивительно, конечно, он же не идиот и склерозом не страдает. Только поздно вспомнил. Казалось бы, что значат несколько недель против тридцати лет, а поди ж ты — тридцать лет, если покопаться, еще можно было дойти до правды, а спустя несколько недель — уже все, последняя ниточка оборвалась. И я оказалась не лучшей из криминалистов, а просто самой удачливой.

— У Дорна есть идея, как вычислить магический след убийцы в следующий раз, он работает над каким-то зельем. Но получится у него или нет...

— Магический след? — переспросила я. — Но ведь убийца не оставляет магических следов, в этом-то и проблема.

— Гарн выдвинул теорию, что все-таки оставляет, просто слишком незаметные для того, чтобы амулеты или запечатанные могли их отследить. Отсюда и минимальные колебания фона. Слишком мелкое вмешательство. И если алхимик действительно придумает что-то, способное вычленивать этот след, то, возможно, у нас появятся новые зацепки. — Ричи помолчал и добавил куда более мрачно: — Правда, для этого нужен свежий труп.

«Амулеты или запечатанные». «Вычленивать след». Кажется, Джейн Свифт может стать находкой не только для герцога — девочка просто месторождение ценных материалов! Если магический след действительно есть, то ох как бы нам пригодилось ее бревно... да под это бревно департамент бы телегу и грузчиков отрядил, только чтобы доставить на место преступления и выяснить наконец хоть что-то! Определенно нужно будет нанести еще один визит юной изобретательнице.

— Ричи, а это не страшно, что вы мне все рассказываете?

— Вдруг вы воспользуетесь этими ценными знаниями? — Парень усмехнулся. — Пользуйтесь,

леди, пользуйтесь. Что бы там ни думал наш дорогой господин Трейт, лично я считаю, что мы с вами в одной лодке, а не на разных берегах. И если это хоть как-то поможет вам найти маньяка, я буду только рад. Вы не представляете, какая смертная скука царила в отделе до вашего появления! А теперь? Скандалы, интриги, козни, ух! Одна женщина, а сколько адреналина.

Я пихнула коллегу локтем в бок, не удержав в себе сию маленькую вольность, и сделала строгое лицо.

— Идите уже! Противник заждался.

— Начальник!

— Я так и сказала.

Остаток рабочего дня прошел в приподнятом настроении, а дома меня встретила маменька с горящими глазами.

— Эрилин, мы завтра приглашены к лорду и леди Стайлз!

— Я очень за вас с папой рада, — вполне искренне отозвалась я.

Речь шла о графской чете Стайлз, давних знакомых родителей, которые после нашего возвращения из ссылки пусть и не шарахались от семейства виконта Рейвена при встрече, но и на официальные мероприятия звать его не торопились. А тут на тебе, приглашение, да еще и в субботний вечер, наверняка там планируется что-то достаточно масштабное. Кажется, маменькина настойчивость давала плоды, и светское общество Карванона начало смиряться с нашим в нем присутствием.

— Что значит «за вас с папой»? Разумеется, ты идешь с нами! У графа есть сын, он год назад овдовел, к тому же брак был бездетным, так что родители подыскивают ему новую супругу, и...

— Я не могу, мама, — отозвалась я, содрогнувшись. — У меня завтра дежурство.

— Как дежурство? — всплеснула руками виконтесса. — У тебя оно было на прошлой неделе!

На прошлой было настоящее, на этой — фальшивое. И даже не обозначь Кьер конкретного дня, когда хотел бы меня увидеть, то есть по счастливой случайности именно завтра, я бы все равно придумала что-нибудь, лишь бы не присутствовать на приеме, где меня опять будут пытаться выставить в качестве племенной кобылки для очередного жеребца. Да еще и сомнительной свежести. Знаю я наследника графского титула Стайлзов! Ему же за сорок! Я, конечно, тоже сомнительной свежести, но пока не настолько!

— Я, право, не знаю, доченька, может быть, тебе все же поговорить с герцогом? Он же, как человек благородный, должен понимать, что подобная эксплуатация леди недопустима и противоречит всем правилам хорошего тона!

Господи, молю, убереги рабу твою от смеха громкого и неуместного.

— Мама, вы серьезно? Вы бы еще папеньку послали с герцогом поговорить...

Виконтесса просветлела лицом, и мне стало страшно.

— Это шутка, маменька! Шут-ка!

Выражение суровой решимости с лица обожаемой матушки сходить не желало, поэтому я торопливо продолжила, стараясь увести разговор в сторону:

— И право слово, я понимаю, что вы отчаялись, но лорд Стайлз?.. Вы настолько скромно оцениваете мои шансы? Я готова рассматривать варианты, но давайте, маменька, мы все же будем выбирать из тех, из кого еще пока не сыплется песок.

— Тех, из кого не сыплется песок, надо было выбирать десять лет назад, — отрезала матушка, поджав губы. — Впрочем, ладно. Послезавтра мы ждем графа Грайнема, он любезно принял мое приглашение на чай, так что будь добра после дежурства вернуться свежей и благоухающей. Розами, моя дорогая, розами! А не, прости господи...

— Трусами? — невозмутимо озвучила я то, что виконтесса предпочла умолчать, и маменька, охая и ахая, исчезла в гостиной, громко вопрошая, за какие грехи ей Господь послал такое

наказание.

Я победно улыбнулась — избавилась! — и только тогда вздохнула. Граф Грайнем. А на этого что нашло, что он принимает подобные приглашения? Вот уж кто не создавал у меня впечатление светского человека, наслаждающегося обществом малознакомых людей и принимающего приглашения на чай от опальных виконтесс преклонного возраста...

Да уж, выходные обещали быть насыщенными.

Порог герцогского особняка в этот раз я переступила, сгорая от любопытства. Ощущение, что Кьер не просто так уточнял именно про субботний вечер, не отпускало, как бы невинно ни звучал тот вопрос. Однако герцог не спешил оное любопытство удовлетворять. Мы спокойно поужинали, наслаждаясь вкусной едой и друг другом, потом плавно переместились в гостиную, где открыли дорогущее форсийское вино, которое едва не оказалось на моей юбке, пока мы самозабвенно целовались на диване, и я уже предвкушала сладкое продолжение, но тут часы пробили девять, и Кьер отстранился.

— Я забыл сказать, у меня сегодня аудиенция с его величеством. Я полагаю, это ненадолго — дожدهшься?

— Даже не знаю. — Я сделала глоток вина и слизнула терпкие капли с губ. — В качестве альтернативы у меня визит к графу Стайлзу и маменькины матримониальные махинации. Это так заманчиво...

— Я однажды точно тебя отшлепаю. — Кьер с силой сжал мое бедро, ощутимо даже сквозь слои ткани, и я выгнулась, подставляя шею поцелую, больше похожему на укус, а потом, коварно улыбнувшись, выскользнула из объятий.

— Иди. Короли ждать не любят. Но помни, что леди тоже!

Он вернулся через два часа.

Я уже придремывала в кресле смежного со спальней кабинета, когда входная дверь особняка хлопнула так, что содрогнулось все здание. Я удивленно вскинулась, зябко спросонья кутаясь в шаль. Шаги по коридору — резкие, торопливые. Я встала из кресла, и в то же мгновение вошел Кьер, рывком распахнув дверь. Увидев меня, он уже тише ее притворил, но все равно в движениях, во всей напряженной фигуре сквозило раздражение. Если не злость.

— Что-то случилось? — обеспокоилась я, шагнув к нему; но ответа не получила.

Не произнеся ни слова, Кьер в два шага преодолел разделяющее нас расстояние и, обхватив ладонью мой затылок, впился в губы поцелуем. Таким жадным, требовательным и напористым, что я мгновенно в нем потерялась, растворилась без остатка, подчинилась, выгибаясь послушно, как глина в руках горшечника.

— Кьер, что... — попыталась произнести я в то краткое мгновение, на которое он оставил мои губы, расстегивая, почти отдирая пуговицы блузки.

Договорить он мне не позволил. И вообще больше ничего сказать не позволил, снова заткнув рот, пока руки стаскивали с меня одежду и тонкая ткань едва не трещала по швам. Крючки корсета, завязки юбок. Голова кружилась, горячие губы обжигали теперь прикосновениями шею, плечи, грудь. И я хватала ртом ставший вдруг каким-то вязким воздух, вцепившись в твердые плечи, зарывшись пальцами в волосы, не понимая, что на него нашло, но утопая в этой яростной, злой страсти.

На пути Кьера оставалась лишь самая хлипкая из преград — тонкая шелковая сорочка, когда он подхватил меня на руки, не прекращая исступленно целовать, и унес в спальню.

Я лежала на кровати, тяжело дыша, чувствуя, как горят губы и все тело, как ноющая пульсация внизу живота становится почти невыносимой, и смотрела, как герцог торопливо обнажается. Галстук — жалобно звякнула об пол бриллиантовая булавка. Сюртук. Жилет. Рубашка...

Я почти захныкала от желания немедленно прикоснуться к этому телу, впиться ногтями в смуглую кожу, ощутить на губах ее солоноватый вкус.

Ботинки. Щелкнула пряжка ремня — внизу заняло еще сильнее. Брюки. Белье...

На мгновение он навис надо мной огромной темной тенью, и я не выдержала, застонала, выгибаясь, сама нетерпеливо раздвигая ноги, чтобы тут же ощутить его в себе. Глубоко. До упора.

Кьер почти лежал на мне, придерживал руками, полностью лишив возможности двигаться самой, вынуждая подчиниться, полностью раствориться в нем. Хриплые, рваные стоны перемежались с обрывочным шепотом на грани сознания.

Э-ри-лин.

Э-ри.

Нет, он не пил меня, словно дорогое вино, как пьют в дамских романах. Скорее жадно глотал, захлебываясь, как человек, набредший на оазис в пустыне.

Каждый поцелуй горел будто рабское клеймо.

Он трижды доводил меня до исступления, почти до потери сознания, и словно никак не мог насытиться. Только упивался моими стонами, моими криками, моими мольбами, даря невыносимую пытку пополам с опустошающим наслаждением.

А потом, пока я лежала и пыталась прийти в себя, отдышаться, вернуться в реальность, которая рассыпалась, как картинка калейдоскопа, он уснул, так ничего и не объяснив. Только плотно обхватил меня рукой — не высвободиться.

Впрочем, мне и не хотелось.

Несмотря на усталость и сладкое измождение во всем теле, я лежала без сна, терзаемая опасениями, осторожно перебирала темные пряди волос и думала о том, что все зашло слишком далеко. Так далеко, что я теперь не имела ни малейшего представления, как буду из этой ситуации выбираться.

Я проснулась от щекочущих поцелуев. Под ушком, в шею, в плечо, прямо в ухо, заставив недовольно заворчать и потянуть одеяло на голову. Маневр удался, поцелуи прекратились, и я с облегчением почти уснула обратно, когда выглянувшую из-под одеяла пятку пощекотали!

Брыкнувшись, я окончательно растеряла весь сон, но все равно поджала под себя ноги и закулилась плотнее, не торопясь выбираться на свет божий.

— Подъем, спящая красавица, — глухо прозвучало над ухом сквозь пуховую преграду. — Дежурство подходит к концу!

Я обреченно застонала и нехотя выглянула из своего такого теплого и уютного «домика».

Кьер полулежал рядом — такой же лохматый, сонный и обнаженный, как и я.

А вот это странно. Как правило, когда я просыпалась, герцог был уже на ногах, и если не при полном параде, то умыт, причесан и одет хотя бы на нижнюю половину. В крайнем случае — в процессе умывания и одевания! Я давно привыкла к тому, что валяться в постели противоречит его деятельной натуре, и видеть его сейчас таким, здесь, было странно. А если к этому прибавить вчерашнее...

Я протерла глаза, тряхнула головой и села, прижимая одеяло к груди.

— Кьер, что вчера случилось?

Проигнорировав вопрос, он качнулся и припал губами к моей пояснице. Поцелуи двинулись вверх, обжигая, щекоча, вызывая мелкие острые вспышки удовольствия, рассыпающегося мурашками под кожей. Очень хотелось поддаться, но я с усилием отстранилась и завернулась в ткань полностью. Герцог с тяжелым вздохом упал обратно на подушки, прикрыв глаза ладонью.

— Ничего страшного, Эри. Просто мы с его величеством в очередной раз не сошлись во мнении. А не сходитья во мнении с королем — это очень утомительно и нервно.

Не было похоже, будто он врал. Но что-то определенно недоговаривал...

— Я устал. Сорвался, — видя мое недоверие, продолжил разъяснять Кьер. — Как ты заметила, со мной это последнее время бывает куда чаще, чем мне хотелось бы.

В голосе звучала горькая насмешка пополам с недовольством на собственное поведение, и я почему-то почувствовала себя так, будто вместо того чтобы как-то облегчить жизнь любимого (от этого слова, произнесенного даже просто мысленно, на пробу, внутри все екнуло, а сердце забилося быстро и панически) мужчины, только добавляю ему проблем. А думать о том, что я вообще и не должна облегчать, да и в принципе никто, ничего и никому в этой постели не должен — по крайней мере, так предполагалось изначально, — не хотелось.

— И что на этот раз не устроило его величество?

Кьер поморщился.

— Я не хочу об этом сейчас говорить, Эри. Как-нибудь потом.

Порыв ткнуть ему в то, что кое-кто требовал о всех проблемах ему докладывать, я задавила. Ладно, не хочет — как хочет. В конце концов, я вряд ли могу приставить к его светлости охрану или потребовать не ходить во дворец, раз его там обидеть могут!

Я собиралась откинуть одеяло, чтобы направиться в ванную, но Кьер меня перехватил.

— Куда?

— Домой. Ты же сам сказал, что время...

— У тебя еще больше двух часов, — сообщил коварный тип, растолкавший меня, как оказалось, чтобы подло воспользоваться! — У нас. У нас еще больше двух часов.

Спустя два с половиной часа я вошла в отчий дом свежая, сияющая и благоухающая, как того потребовала маменька.

— Эрилин? Ты? — тут же бдительно донеслось из столовой. — Завтракать!

Я улыбнулась, стащила шляпку и пальто и отправилась на умопомрачительный запах свежих булочек с изюмом — по странному стечению обстоятельств в ванную из герцогской постели я перебралась, а вот до столовой добраться уже не успела и теперь была зверски голодна.

Чмокнув в макушку папеньку с газетой, в щеку маменьку в чепце, я взлохматила волосы Грею под возмущенный вопль и, довольная собой, плюхнулась на свободный стул.

— Грация, дорогая, где твоя грация! — Виконтесса закатила глаза.

— Там же, где ее восемнадцать лет, — буркнул себе под нос Грей, пытаясь поправить прическу в отражении металлического бока масленки.

Я пожалела, что булочка слишком вкусная, чтобы кидаться ею во всяких растерявших последний страх офицеров, но от души пнула под столом по начищенному до блеска сапогу, надеясь, что оставила пыльное пятно.

— Грей! Манеры! — строго одернула маменька.

— Она первая начала!

Отец приспустил газете посмотрел на нас поверх нее и очков и снова спрятался за сероватыми листами. Судя по этому короткому взгляду, он как говорил себе лет пятнадцать назад, что однажды дети повзрослеют и в этом доме наконец наступит покой и порядок, так и продолжает твердить, как волшебную мантру.

— Как на работе, Эрилин, все в порядке? — поинтересовался он, закончив чтение, сложив газету и пристроив ее по левую руку от себя, рядом со мной.

— Ну, если не считать того, что маньяк так и разгуливает по улицам Карванона, выскивая новую жертву, можно сказать, все в порядке! — улыбнулась я, и маменька оскорбленно поджала губы — подобную тему для семейной беседы за завтраком она считала вопиюще неподходящей.

— Ясно... — Отец как-то отстраненно кивнул, будто размышляя о чем-то о своем, и задумчиво побарабанил пальцами по бумаге.

Я бросила на газету произвольный взгляд. Светская хроника — смерти, помолвки, любимая страница престарелых сплетниц. Против воли я зацепилась за отличающийся от остального витиеватый шрифт в красивой ажурной рамке. Зацепилась. Прочитала. Прочитала еще раз. И почувствовала, что теряю возможность дышать, будто мне враз перетянули корсет.

Герцог Тайринский... и леди... Алиссон Арундел.

Помолвлены.

Вычурные строчки плыли перед глазами, сердце стучало в висках, а вдохнуть так и не получалось.

— Эрилин? Дорогая, с тобой все в порядке?

Я вздрогнула, воздух все-таки ворвался в легкие, кислород ударил в мозг, я очнулась, вскинула взгляд на мать.

— Что?

— Ты как-то резко побледнела. — Виконтесса смотрела на меня одновременно с беспокойством и недовольством. — Такой цвет лица никуда не годится. Ты хорошо покушала, иди-ка вздремни, граф Грайнем и баронесса Голденфайр с дочерью и ее супругом все равно придут не раньше чем через три часа.

Сознание уловило только спасительное разрешение сбежать, скрыться, и я послушно поднялась и направилась в свою комнату, чувствуя себя какой-то механической куклой на последних витках завода.

— Милая моя, ну почему вам нужно было устраивать все это именно сегодня! — словно сквозь вату долетел до меня раздраженный голос отца.

Ступеньки поскрипывали под тяжелыми шагами, я цеплялась за полированное дерево перил, будто не по лестнице поднималась, а покоряла горную вершину.

— Чтобы вы знали, дорогой мой виконт, я специально выбрала неделю, когда у Эрилин нет дежурства! Откуда мне было знать, что оно появится? Я столько всего делаю для этой семьи, и хоть бы кто оценил! Сплошная черная неблагодарность и никакого, никакого понимания! Марианна!..

Дверь комнаты закрылась за моей спиной, я провернула ключ в замке и прислонилась к ней затылком, закрывая глаза.

Перед ними тут же встал витиеватый шрифт. Ажурная рамочка. Герцог Тайринский и леди Алиссон Арундел.

Я с силой потерла лицо, отгоняя навязчивое видение, и помассировала виски.

Почему?

Почему он мне не сказал?..

Мысль билась в голове, вытеснив все иные.

Почему?

Сквозь глухое отчаяние и боль в сердце, будто даже физически ощутимую, пробивалась злость.

Как он мог так со мной поступить?

Нет, не заключить помолвку. Видит бог, это больно, но он имел на это право. Но почему он мне не сказал? Не посчитал нужным? Не посчитал важным? Забыл, прости господи?!

Из груди вырвался нервный, истерический смешок.

Я отошла от двери и принялась стаскивать с себя одежду практически так же яростно, как это делал вчера Кьер. И от воспоминания к горлу подкатил ком, а глаза защипало. Часто моргая, я содрала с себя корсет и, оставшись в одном белье, смогла наконец-то вдохнуть.

Только воздуха все равно почему-то не хватало.

Почему? За что со мной — так?

Или он думал, что его помолвка ничего не меняет? Какое дело любовнице до его семейной жизни? Всех перемен — домой водить больше не получится. Ну да ничего, герцог снимет домик, ему не в тягость. А там, глядишь, супруга, может, и возражать-то не будет! Вспомнить вон хоть герцога Дефортширского и его «любовь на троих» сто лет назад. Перееду в особняк, буду жить припеваючи!

Умом я понимала, что это не так. Кьер бы так не поступил. Он уважал меня, с самого начала наших отношений уважал. Я это знала. Но не находила ответа на вопрос «Почему?». И злилась. И нарочно себя накручивала, чтобы злиться. Чтобы мерить шагами комнату и кипеть раздражением, гневом, яростью. Чтобы возненавидеть его.

Чтобы только не думать о том, что минувшая ночь — жаркая, страстная, полная любви и нежности ночь — была последней.

А я даже об этом не знала.

У меня даже это отняли — возможность попрощаться, отпустить, как-то осознать. Что все в последний раз. Поцелуи, шепот, смешинки в черных глазах, вкус вина и горячих губ, низкий голос, от которого по позвоночнику пробегает дрожь, касания, взгляды, улыбки, острое, ослепительное наслаждение, зависимость и осознание собственной маленькой власти. Все в последний раз.

И все теперь отравлено этой несказанностью.

Как я смогу ее пережить? Как я смогу ходить на работу каждый день и наткаться на него в коридорах? Как?

Господи, Эрилин, что ты наделала?..

Я села на кровать, закрыла лицо руками и беззвучно заплакала.

— Нет, маменька, жонкилевый — это прошлый век! Королева может себе позволить подобную экстравагантность, но не скромная девушка нашего круга. Все же блондовый в этом отношении куда выигрышнее, с ним никогда не ошибешься. А вы как считаете, леди Эрилин?

Звук собственного имени выдернул меня из состояния звенящей пустоты, в котором пребывали мои мысли. Мозг, с малых лет привыкший фиксировать огромное количество ненужной информации, услужливо подсказал, о чем шла речь, и я отозвалась, надеясь, что голос мой звучит не слишком безразлично, что было бы оскорбительно:

— Несомненно, моя дорогая Ребекка, несомненно. Впрочем, я убеждена, что, учитывая ваш безупречный вкус, это мне надо спрашивать вашего мнения, а не вам — моего.

Ребекка Ландерфорт, урожденная Голденфайр, жена почтенного господина Джеральда Ландерфорта, эсквайра, смущенно потупилась, прикрывшись ресницами и признавая за мной в этом вопросе безоговорочную правоту. Разговор продолжился, уже не требуя моего участия, и я вернулась к своей чашке с чаем.

Болела голова.

Я кое-как сумела привести в порядок лицо, хоть и пришлось воспользоваться сначала льдом, потом румянами, но вот боль, сжавшая голову стальным обручем, все не проходила. Впрочем, и вряд ли пройдет, пока над ухом зудят назойливые голоса маменькиной подруги и ее дочери, которых виконтесса пригласила только для того, чтобы создать видимость светского мероприятия, а не охоты на завидного холостяка.

Грайнем сейчас беседовал в стихийно организовавшемся «мужском» углу, куда представители сильного пола сбежали, едва выдержав минимальное время, отведенное для совместного провождения с дамами. К вящему недовольству матушки, я туда даже не смотрела, но, право слово, скажите спасибо, что я вообще способна сейчас изобразить осмысленный взгляд, а не стеклянно пялиться в пустоту.

Все это было ужасно некстати.

Воспользовавшись тем, что дамы сильно увлеклись и окончательно перестали обращать на

меня внимание, я поднялась и отошла почти в самый угол салона, к приоткрытому окну. В тонкую щель тянуло мокрой, прелой осенней свежестью, и мне очень хотелось просто закрыть глаза и вдыхать, вдыхать этот запах, до тех пор, пока не закружится голова.

Кажется, я и в самом деле их прикрыла, потому что совершенно не заметила приближения графа и вздрогнула, когда его голос раздался совсем рядом.

— Как вы себя чувствуете, леди Эрилин?

Он выглядел куда лучше, чем в нашу последнюю встречу, но хуже, чем в нашу встречу первую. Под глазами наметились синяки, которые одной бессонной ночью не наживешь, да и взгляд стал каким-то тяжелым. Хотя приветливым нравом душка Грайнем и раньше не отличался. А синяки... даже если граф и решил продолжить великое дело своего верного товарища и утопить жизнь в алкоголе, какое мне до этого дело?

— Прекрасно, — отозвалась я, буквально ощущая на нас пристальное внимание всех присутствующих в комнате. И можно было представить, как вытягиваются у них уши, пытаюсь уловить хоть что-то из негромкого разговора. — А вы?

— Не жалуюсь.

— Зачем вы приняли приглашение, Грайнем? Вы же знаете, для чего вас позвала моя матушка. Все знают.

— Мне было неловко ей отказывать. — Граф пожал плечами, и я едва не хохотнула — несколько истерически и совершенно не свойственно леди, но в последний момент все же удержалась.

— Вам? Неловко? Лорд Грайнем, вы не больны, часом?

— Я просто пытаюсь быть вежливым, — в голосе мужчины явственно задребезжало раздражение. — Если вам так угодно, то я планировал отказаться в самый последний момент, то есть сегодня утром, сославшись на нездоровье.

— Этому я охотно верю. И что же заставило вас изменить решение?

— Все читают газеты, я, знаете, не исключение!

Мне захотелось развернуться и уйти. Послав к черту всех присутствующих. Вслух.

— Черт, — вместо меня выругался граф. — Простите. Леди Эрилин, я правда пытаюсь! Так что не могли бы вы прекратить огрызаться и смотреть на меня, как на врага народа. Я пришел вас поддержать!

— Вы? Меня?.. — Заявление повергло меня в такой шок, что даже головная боль немного отступила. А может быть, это свежий воздух. Да, определенно. Свежий воздух.

Граф сначала закатил глаза, потом закрыл их и потер лоб между бровями, будто от мигрени сейчас страдала не только я.

— Послушайте, вы правы, я не любитель развлечений подобного толка, но я подумал, что вам и так сейчас нелегко, чтобы добавлять к ситуации еще тот факт, что потенциальные женихи уже обходят дом виконта Рейвена по широкой дуге, а представители высшего света игнорируют приглашения.

— Это очень любезно с вашей стороны, — отозвалась я прохладно.

Нет, благородный порыв графа был оценен. Он прав, для маменьки и для семьи его приход действительно важен. Но не для меня. Весь высший свет с его условностями сейчас мне просто противен. Впрочем, с чего я взяла, что, не будь Кьер герцогом, а я — дочерью опального виконта, что-то сложилось бы иначе? В любви мне никто не клялся...

Вновь всколыхнулись боль и злость, полыхнули и осыпались пеплом, оставляя после себя только алеющие угольки — до следующего ранящего напоминания.

Неожиданное внимание и даже забота от человека, которого я не считала даже хорошим знакомым, только разбередили с таким трудом призванные к порядку эмоции. Грайнему было меня жалко, просто по-человечески жалко, и от этого я ощущала себя еще более несчастной.

— Хотите, я поднапрягусь и даже с вами пофлиртую? Для общественности?

— Упаси Господь вас от таких нагрузок на организм, — открестилась я.

Граф ухмыльнулся, зеленые глаза сверкнули.

— Ну давайте хоть ручку облобызаю. Ну же, Эрилин, дайте этим пираньям повод обсуждать вас не только за скандальную профессию и измученный вид.

У меня не было настроения даже оскорбиться.

— Вы же понимаете, что подпишете себе смертный приговор от когтей орлиной хватки моей маменьки?

— Обо мне не беспокойтесь. Будем считать это окончательной расплатой за спасение моей жизни.

— Ладно, — вздохнула я. — Целуйте.

Грайнем даже не коснулся моих подрагивающих пальцев губами, только наметил прикосновение и обжег кожу дыханием, после чего улыбнулся и повел меня к вытянувшимся и замершим, как суслики, дамам.

А я подумала о том, что, если бы так сделал Кьер, я бы уже сходила с ума от желания.

Гости окончательно покинули наш дом лишь ко времени вечернего чая. Грайнем, конечно же, улизнул сразу после обеда, а вот баронесса с семейством еще долго испытывали на прочность мою выдержку и здорово по ней потоптались, обсуждая главную новость дня. Где будет свадьба? Сколько гостей? Кто приглашен? Кто первым родится — мальчик или девочка?.. Конечно, это очень важно! Герцогу уже давно пора обзавестись наследником!

И весь разговор — как ржавой пилой по оголенным нервам...

Поэтому, когда дамы отклонили любезное приглашение задержаться еще и на чай вечерний, а потом за ними закрылась дверь нашего дома, я испытала не просто облегчение. Я вновь почувствовала себя человеком, а не клубком ненависти и злобы.

— Миледи, — Марианна окликнула меня, когда я уже собиралась подняться к себе. — Вам письмо. Пришло еще утром, но вы спали, а потом...

Я взяла в руки конверт, посмотрела на почерк. Глубоко вдохнула. С хрустом взломала печать.

«Эрилин, нам надо поговорить. Где угодно, во сколько угодно. Пожалуйста».

Я пробежалась взглядом по двум скупым строчкам. Выдохнула.

Поговорить?.. О чем? О чем тут можно говорить?

Что ему жаль? Что он не хотел, чтобы так вышло?

Чуть-чуть остыв, под дребезжание голосов во время затянувшегося чая, я думала о том, что Кьер все же сказал бы мне, если бы мог. Что были все же какие-то причины. Какие? Я не знаю, но они наверняка были. Только эти причины не меняли совершенно ничего. И я верила, что ему жаль и что он не хотел. А еще я знала, что он человек слова. И титул для него — это не богатство и не положение в обществе. Это ответственность, долг. Ноша.

И если долг требовал жениться на подходящей партии и зачать наследника — он женится. И... зачнет.

Я просто не думала, что это наступит так скоро. Я просто не хотела думать, что это вообще наступит.

«Нам надо поговорить...»

Не хочу. Не могу. Я просто не смогу. Я не выдержу разговора. Я не хочу, чтобы он видел меня такой — разбитой, несчастной, слабой. Зависимой.

Я бросила взгляд на Марианну, застывшую в ожидании распоряжений, и порвала лист на

клочки.

— Выброси, — ссыпала белые обрывки в ладони горничной и снова повернулась к лестнице.

Нет. Нам больше не о чем разговаривать.

На ужин я не спустилась. Я пока не знала, как смотреть в глаза отцу, и Грею, и даже ничего не подозревающей маменьке, потому что она сразу же что-нибудь заподозрит. Да и аппетита не было. Я собиралась лечь спать пораньше, по крайней мере, попытаться — потому что завтра работа. Департамент. И если Кьер попробует выловить меня там, то я должна быть готова. И морально, и физически — эта зареванная физиономия никуда не годится.

И я уже сидела и расчесывала волосы перед туалетным столиком, когда в дверь вдруг постучали.

— Эрилин, дорогая, можно?

Мама? О нет, частных нотаций на тему моего отвратительного поведения с лордом Грайнемом я не переживу.

— Я уже ложусь, матушка. Мне завтра на работу.

— Это не займет много времени.

Глубоко вздохнув, я поднялась и, провернув ключ в замке, впустила родительницу в комнату. Та прошествовала к моей кровати и опустилась на покрывало, педантично расправив складки юбки.

— Закрой дверь, — строгий тон звучал набатом для моего едва обретенного душевного равновесия. — И присядь, — добавила она, когда я подчинилась, и похлопала по покрывалу рядом с собой.

Прошлепав босыми ногами по полу, простоволосая и в сорочке, как ведомая на казнь средневековая ведьма, я села.

Маменька посмотрела на меня долгим взглядом, пробежав им по моему лицу, по фигуре, будто впервые видела, вздохнула и поинтересовалась ровным голосом:

— Ты его любишь?

Я сморгнула и прочистила горло.

— Кого? Лорда Грайнема? Маменька, вы простите, но...

Виконтесса поморщилась и закатила глаза, все с безупречно аристократичным видом, достойным самой королевы.

— При чем тут лорд Грайнем, Эрилин, упаси Боже. Я говорю о герцоге Тайринском!

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла. Закрыла. И неизвестно, сколько бы еще так и хлопала им, как вытасенная на берег рыба, если бы маменька не продолжила:

— Моя дорогая, возможно, и даже наверняка я не обладаю выдающимся умом, как виконт или ты, но даже мне понятно, что если после просмотра светской хроники моя дочь запирается в комнате и рыдает весь день напролет, то она похоронила любовь. И я посмела надеяться, что все же в смысле фигуральном, потому что в колонке некрологов всем было за шестой десяток.

Я продолжала молчать, не находя слов. Хоть рот открываться перестал, и то хорошо. Но чувствовала я себя на редкость глупо. Идиоткой, прямо скажем, я себя чувствовала.

Когда я думала о том, что мама может узнать правду, то я представляла скандал. Большой, громкий, отвратительный скандал с рыданиями, с каплями, с подвываниями о никчемности жизни и неблагодарности отпрысков. Это полностью соответствовало бы моим отношениям с матерью. Это полностью соответствовало бы ее привычному образу.

Спокойный взгляд и ладони, смиренно сложенные на мягко блестящей в свете лампы юбке, в предполагаемый сценарий категорически не вписывались.

— Так ты его любишь? — повторила виконтесса свой вопрос.

Голос ее дрогнул, и она поджала губы, недовольная столь предательским звуком.

— Люблю.

Я сказала и поняла, что впервые произнесла это вслух. И не глядя в глаза человеку, который, собственно, имеет к сказанному прямое отношение, а в разговоре с той, с кем, казалось бы, я буду говорить о подобном в последнюю очередь.

— Ох, моя девочка...

Виконтесса как-то разом изменилась. Куда-то испарились строгость и сдержанность. Она мягко обхватила ладонью мои пальцы на покрывале и потянула на себя. И я сама не поняла, как оказалась головой на остром плече, укрытом кружевами. И как из глаз снова покатились слезы, но какие-то иные в этот раз. Другие. Такие, от которых становилось легче.

— Поплачь, доченька, поплачь. Оно так лучше будет...

Сухие пальцы гладили меня по волосам, и виконтесса едва заметно покачивалась, будто младенца убаюкивала. Она говорила что-то полупшепотом, но я не сразу вслушалась в слова, а когда вслушалась...

— ...Мне всегда тяжело было тебя понять, это верно. Мы с тобой разные, родились в разное время, выросли в разное, и, видит бог, мое детство прошло без тех испытаний, которые выпали на твою долю. И я думаю иногда, верно ли поступила? Я ведь могла остаться в столице тогда, ведь сослали только моего мужа. Родители приняли бы и меня, и детей, и у вас с Греем было бы все то, что полагается по рождению и по статусу. И у меня было бы. И свет бы не отвернулся. В тот момент они бы, пожалуй, одобрили даже развод с изменником. Но все случилось так быстро, так стремительно, и в тот момент я думала только о том, что я мужняя жена, а значит, мое место с ним рядом. Вот все удивились. Даже виконт удивился. Виду не подал, слова не сказал, но ходил и смотрел на меня как на диво, странным взглядом.

Слезы высохли, я почти не дышала, боясь спугнуть неожиданное откровение. Приоткрывалась завеса над той стороной жизни, которая всегда была настолько скрыта от моих глаз, что я даже не подозревала о том, что она существует. Для меня мать всегда была «маменькой» — требовательной, капризной, строгой и в то же время абсолютно всеми игнорируемой с ее жалкими, как мне казалось, попытками слепить из нашей семьи то, чем она могла бы быть, но не стала.

— И я жалела потом, ох как я жалела... что же ты наделала, Амелия, говорила я себе. О чем ты думала? И всякий раз, когда ты потом делала что-то, что было просто вопиюще возмутительно — и твоя выходка с университетом, и с криминалистикой, и с, прости господи, работой, и категорический отказ соответствовать статусу, — я воспринимала это как собственную ошибку. Посмотри, это все из-за тебя. Это ты, ты виновата. Из-за тебя она оказалась в глуши, из-за тебя не получила достойной жизни. Из-за тебя у нее этот протест и желание что-то кому-то доказать. Из-за того, что ты тогда выбрала не то, что лучше для твоих детей, а мужчину. И я ведь просто хотела все исправить, доченька, все вернуть, хорошо выдать тебя замуж, чтобы ты узнала наконец, какое это счастье...

Мамин голос дрогнул, она тихонько шмыгнула носом.

— Но я смотрела на тебя сегодня и поняла наконец, что ты не сможешь, как я, быть счастливой с кем-то, кого для тебя выберут родители. И мне очень жаль, правда жаль, что ты не можешь быть счастливой с тем, кого выбрала сама. Мы с тобой разные. Ты сильная девочка, мужественная. Ты справишься и обретешь свое счастье, я уверена.

Она взяла меня за плечи, отстранила и невесомо коснулась губами лба. А потом поднялась и направилась к двери.

— Матушка, — окликнула я, не выдержав. Виконтесса обернулась, и я, слабо улыбнувшись, произнесла: — Это значит, что я могу не идти на прием к баронессе на следующей неделе?

Маменька промокнула пальцами уголки покрасневших глаз и строго отрезала:

— Вот еще, юная леди! Приглашение принято, платье заказано, и там будет множество совершенно очаровательных джентльменов, из которых еще пока не сыпется песок!

Она повернулась ко мне спиной — идеально ровная осанка, прямая как стальной стержень, —

и вышла, бормоча себе под нос:

— Я стараюсь, ищу ей кавалеров, сортирую по возрасту, а она!..

Да, маменька. Не такие уж мы и разные...

Роль 15

ОДИНОЧКА

Поднимаясь по лестнице департамента на следующий день, я чувствовала на себе привычный бдительный взгляд. И взгляд этот поднимал в душе волну отчаянной злобы. Почему он здесь? Почему он снова здесь, на своем посту? Как будто совершенно ничего не случилось. Как будто я по-прежнему та, кого ему надо охранять. Как будто я по-прежнему та, о ком он печется как наниматель. Как будто он имеет право обо мне заботиться...

Я стиснула зубы, вскинула подбородок, с шумом выдохнула, а потом, нацепив на лицо обязательную приветливую улыбку, толкнула департаментскую дверь, за которой, к счастью, меня никто не караулил.

Я была далека от мысли, что, не получив ответа на свое письмо, Кьер просто отступится, но надеялась, что все же он не опустится до того, чтобы выяснять отношения в департаменте. И я смогу избежать его до тех пор, пока не почувствую себя морально готовой к тому, чтобы посмотреть ему в глаза и сказать то, что нужно сказать, не рассыпавшись при этом на кусочки.

А в секретариате меня встретил Ричи. Я даже не успела раздеться, как патологоанатом подлетел ко мне, взъерошенный и явно обеспокоенный.

— Леди Рейвен, у нас проблемы.

— Труп? — удивилась я.

Если вопли газетчиков об очередном убийстве я и могла пропустить, погрузившись в свои мысли, то уж зудение собственной печати из-за колебаний фона точно не осталось бы незамеченным. Впрочем, не стоит забывать, что у отдела и помимо маньяка есть дела.

— Если бы! — отмахнулся Ричи. — На ваше имя пришло письмо из университета, и Трейт его забрал. Если там было что-то важное...

А, дьявол! Только этого мне еще не хватало для полного счастья!

Яростно стацив с рук перчатки, я швырнула их на стол, пытаюсь хоть так чуть сбросить напряжение и злость, и стремительным шагом направилась в кабинет начальства. У самой двери вдохнула, выдохнула и, чувствуя устремленные на меня взгляды всего отдела, негромко и очень деликатно постучала.

— Господин Трейт, вы позволите?

— Входите, леди Рейвен, — глухо донеслось из кабинета.

И я вошла — прямая спина, бесстрастное лицо, адский котел внутри.

Трейт сидел за столом, спустив на нос очки, и изучал корреспонденцию. И я не сомневалась, что тот конверт, краешек которого выглядывал из урны на самом верху, был адресован мне.

— Позвольте... — начала я.

— Нет, это вы, позвольте, леди Рейвен, — спокойно проговорил первый криминалист, — задать вам два вопроса. Зачем вам списки исключенных или оставивших обучение целителей?

— Для расследования дела о Живодере, — не моргнув глазом отозвалась я.

— Вот как. Хорошо. Прекрасно, — голос Трейта звучал до того невозмутимо, что мне становилось даже жутко. Огонь в груди уже не пылал, сейчас там все покрывалось ледяной корочкой. — Для того чтобы получить эти списки, леди Рейвен, вам необходимо было отправить официальный запрос от департамента. А чтобы официальный запрос от департамента был действителен, на этом самом запросе должна стоять департаментская печать, которая в нашем отделе имеется только у меня. А еще подпись как минимум начальника отдела. И что-то я не припомню, леди Рейвен, чтобы вы приносили мне на подпись какие-либо официальные запросы...

По спине пробежал холодок.

Печать ставил Кьер, кто же еще, не могла же я и впрямь обратиться с подобным к Трейту?

— Что же получается, леди Рейвен? — продолжил он тем же зловеще-сладким голосом. — Вы подделали мою подпись и печать департамента? Вы осознаете, что это одно из страшнейших должностных преступлений?

— Нет.

— Не осознаете?

— Нет, я не подделывала вашу подпись, — произнесла я, глядя криминалисту прямо в глаза. — Печать на документы мне поставил глава департамента, к которому я обратилась с этой просьбой.

— Герцог? — Трейт сморгнул, кажется, чувствуя, как возможность быстро и легко от меня наконец избавиться, выскальзывает из пальцев.

— У нас только один глава департамента, насколько мне известно.

Первый криминалист молчал. И наверняка в его голове сейчас рождались какие-то мысли, подозрения, сопоставлялись факты, подтверждающие или опровергающие эти подозрения, но мне было все равно.

«Уйду», — неожиданно четко осознала я.

Закончу расследование по делу Живодера и уйду. Уеду из Карванона. В провинции всегда нехватка специалистов высокого класса, закроют глаза даже на мой пол. Да еще и с теми рекомендациями, которые мне напишет господин Трейт... а в том, что он напишет мне все, что я продиктую, лишь бы я убралась из его отдела, я не сомневалась. Все равно мне здесь делать нечего. Трейт никогда не одобрит, никогда не примет, а Кьер... про Кьера вообще лучше не думать.

— Мое письмо, будьте любезны, — только и сказала я и протянула руку.

— Это не ваше письмо. Это корреспонденция отдела, — отрезал Трейт, но неожиданно все же протянул мне сложенный вдвое лист. — Свободны.

Я встала и вышла, чувствуя, как внутри от принятого решения устанавливается пока шаткое, но какое-никакое душевное равновесие. И даже мысль о том, что письмо наверняка скопировано и будет роздано всем работникам отдела для выяснения того, зачем мне, собственно, понадобились подобные сведения, не вызвала особого волнения. Пусть думают. Во-первых, не додумаются. Вернее, они сообразят, конечно, что в этих людях я подозреваю Живодера. Вот только почему — это останется тайной. А «почему?» в расследовании часто вопрос ключевой.

Так что пусть. Да и вообще мне теперь все равно, кто первым доберется до разгадки.

— Ричи. — Я подошла к патологоанатому, который смотрел на меня с беспокойством, и спросила: — У вас получилось то, о чем ты говорил? Про магические следы убийцы?

— Нет. Пока нет. А что?

— Ничего. Просто размышляю.

Я благодарно кивнула ему и покинула отдел, на ходу изучая письмо.

В Альбургской магической академии за прошедший учебный год с целительского факультета были отчислены и запечатаны там же трое студентов. Имена. Фамилии. Откуда родом. Адреса. Один из них был карванонцем. Отлично. Будем проверять.

Я бросила письмо на стол и принялась одеваться. Заеду к этому запечатанному, расспрошу об однокурсниках. А потом навещу Джейн. Дел невпроворот, впрочем, это прекрасно.

Из департамента я вышла как раз в тот момент, когда к его ступенькам подкатила карета с герцогским гербом. Подавив в себе трусливое желание сдать назад, спрятаться, переждать, я, не сбавляя и не ускоряя шага, принялась спускаться, надеясь все же успеть проскочить до того, как гром распахнет дверцу.

Не успела.

— Ваша светлость. — Я опустила в реверансе, не поднимая головы, когда массивная фигура

поравнялась со мной на ступеньках.

— Эрилин, я...

От негромко произнесенного хриплым голосом имени у меня внутри все перевернулось. Сердце ухнуло куда-то в желудок, воздух застрял в горле, и закружилась голова.

— Не надо, Кьер. Не сейчас, — выдохнула я, выпрямляясь, и, так и не сумев поднять на него глаза, продолжила свой путь.

Когда тень за спиной уже привычно стала осязаемой, я остановилась.

— Господин Стивенсон, прошу, не надо меня больше сопровождать. Я обещаю не делать глупостей и не лезть в опасные места.

— Простите, леди Рейвен, — голос охранника звучал непререкаемо. — Но у меня...

— Приказ. Я знаю. Просто сделайте так, чтобы я вас не видела. И не слышала. И не чувствовала. Просто исчезните. Пожалуйста.

— Но...

Я обернулась, уставилась Стивенсону в глаза и повторила четко и отдельно:

— Просто исчезните.

Охранник помедлил мгновение, а потом молча сделал шаг назад. И еще. А потом затерялся среди идущих по бульвару людей, и я махнула рукой, подзывая свободную пролетку.

Разговор с несостоявшимся цели-гелем не дал ничего конкретного. Пареньку было всего семнадцать, он только начал обучение в академии, поступив туда после шести лет школы. Дар, столь многообещающий поначалу, стал внезапно подводить, дело пошло к срыву, отчисление, печаль. Печальный, но не особенно оригинальный сценарий. И вся хирургия, с которой он успел познакомиться, заключалась в нескольких теоретических лекциях вводного курса. Двух других отчисленных он знал только в лицо и ничего конкретного сказать про них не мог. И коль скоро жили они, по крайней мере, по бумагам, не в Карваноне и даже не в Тарнхиле, я пока отложила эти имена в сторону, на случай полного тупика и безнадёги.

Уже по дороге к Университетской улице я сообразила, что одно дело — вламываться без приглашения в дома людей, когда ты разыскиваешь маньяка, другое — наносить без предупреждения подобный дружеский визит уважаемому профессору и его дочери. Поколебавшись несколько мгновений, я все же продолжила путь. В конце концов, я и тут могу прикрыться маньяком!

А может, ее вообще дома нет...

Джейн была дома.

А еще там был Томас. И при виде юного лорда мне в первое мгновение захотелось развернуться и уйти. Господь Всемогущий, да, я согрешила, но за что же мне такое наказание?

Паническое отчаяние чуть отступило, только когда Томас улыбнулся и поприветствовал меня как ни в чем не бывало. Я даже заподозрила, что он каким-то образом вообще не в курсе того, что произошло. Это было бы неудивительно, если учитывать, что юный лорд интересовался сейчас исключительно изобретательницей.

Изобретательством, мысленно поправила я сама себя. Да. Изобретательством!

— Леди Эрилин! Какой приятный сюрприз!

— Признаться, лорд Томас, я тоже не ожидала вас здесь увидеть...

— О, профессор Свифт и Джейн были крайне любезны, предоставив мне убежище на сегодня.

— Убежище? — Я изумленно вскинула брови.

— Ну да. В особняке сейчас крайне неудобно. Молотки без конца стучат, и стекла со

вчерашнего дня еще не все вставили, сквозняки-с... а погода — сами видите! — Он беспечно махнул рукой за окно, где небо было затянуто низкими свинцовыми облаками.

Напрашивающийся у любого постороннего человека вопрос «Что же случилось с вашими стеклами?» я задавать не стала. Не зря вредный мальчишка упомянул вчерашний день. Маг со стеклами случился. Очень злой, очень всплывший маг.

А неожиданно и остро кольнувшее чувство жалости я в себе задавила. Вот еще. Жалеть его!

Хриплое «Эрилин» все еще звучало в ушах. Он, кажется, дернулся, чтобы меня удержать, тогда, на ступеньках, но в последний момент опомнился.

Сердце разрывалось на части.

Я вдруг снова поймала вишневый взгляд Томаса, так похожего и так непохожего на своего брата. Взгляд этот лучился пониманием, и сочувствием, и беспокойством — не за меня, за нас обоих, — и я дернула плечом и отвернулась.

Нет, я не за этим пришла.

— Джейн, можно переговорить с вами наедине? Простите, лорд Томас, просто это конфиденциальная информация, касающаяся расследования.

— Да, конечно! — Изобретательница с готовностью приосанилась. — Хотите, мы поговорим в мастерской?

Я спустилась вслед за желтой клетчатой юбкой в подвал, и когда за нами закрылась тяжелая дверь, Джейн поинтересовалась:

— У вас все в порядке, Эрилин? Ой, то есть леди Эрилин... извините, я просто...

— Забудьте про «леди», Джейн, право слово, я не обижусь. И давайте на «ты»?

— Вы... ты... нет, я так сразу не могу. — Девушка смущенно улыбнулась. — Вы выглядите уставшей.

— Это потому, что я устала. Очень много работы, по поводу которой я, собственно, к вам и пришла.

Изобретательница выглядела немного растерянной.

— Если вы насчет упрощения техники заряда механизмов магией, то я еще не...

— Нет, я по другому вопросу. — Я подошла к бревну-артефакту в углу, разглядывая его внимательнее. — Скажи, насколько этот артефакт способен усиливать ощущения запечатанных?

— Зависит от настроек. — Джейн встала рядом со мной и провела пальцами по десяти слабо мерцающим символам слева у самой стены. — Это руны активации, на них завязаны параметры увеличения. Принцип его работы в чем-то схож с принципом действия лупы. Только вместо линзы — магия, а вместо человеческого глаза — запечатанное «окно», через которое мы воспринимаем магический фон. Но вообще это, — она похлопала по теплому отполированному боку, — генератор. Кроме него, нужен еще приемник. Он крепится на печать, и тогда при активации артефакта восприятие магии усиливается. Вот.

Джейн взяла со стола и протянула мне тонкую круглую дощечку, испещренную выжженными знаками.

— Обязательно, чтобы она прилегалась к телу, к печати. Я использую специальное крепление. Механизм, конечно, громоздкий и несовершенный. — Джейн улыбнулась почти виновато. — Но мне для работы хватает.

Однако меня эта новая информация, наоборот, воодушевила. Может, телега еще и не понадобится?

— А каков радиус действия этого генератора?

— О, достаточно большой, до десяти миль. Правда, чем дальше, тем действие будет слабее, но все равно. Например, дом Томаса находится отсюда в шести милях, но я пользовалась там

приемником, и все прекрасно работало, надо было только увеличить мощность. Дома я ставлю на пятую, а там удобнее было на седьмой.

Прекрасно. Великолепно. И почему я сразу не додумалась расспросить об этом артефакте подробнее?

— Это изобретение запатентовано?

— Да, подобные конструкции без разрешения устанавливать нельзя, все же его работа вносит ощутимые изменения в магический фон района. Но нам повезло, это вмешательство было признано безвредным и не влияющим на естественные потоки. Поскольку этот артефакт — чистая магия, отец все делал на свое имя, чтобы я могла работать. Артефакторское сообщество не особенно заинтересовалось этой разработкой. К нам никто никогда не обращался по поводу ее воспроизведения. Ты думаешь, его как-то можно применять? — загоревшись этой идеей, Джейн даже сумела наконец перешагнуть через рамки этикета.

— Криминалисты в своей работе часто опираются на способности запечатанных. Но в деле, над которым мы сейчас работаем, они бессильны — если магические следы и есть, то они слишком незаметные, слишком тонкие. И я подумала, вернее, мои коллеги подумали, — справедливо поправила я, — что если найти способ усилить восприятие магии, то эти отпечатки можно было бы разглядеть и выйти на след преступника. Так что если бы вы могли сделать несколько...

Джейн перебила меня, помотав головой.

— На один генератор может приходиться лишь один приемник. Я, конечно, могу попробовать увеличить их количество, но тогда пострадает и радиус действия, и сила увеличения, а может, и вообще ничего не получится.

Хм. Проблема.

— А сделать еще один генератор? — Трейт, конечно, не обрадуется бревну в лаборатории, но, думаю, ради дела он на такое все же согласится. А язвительный внутренний голос добавил — конечно, согласится, ведь по бумагам артефакт изобретен мужчиной.

— Можно — но на это уйдет несколько месяцев. Это снаружи он бревно бревном, — Джейн усмехнулась, — а внутри там сложная конструкция, которую нужно собирать постепенно.

Я отчаянно потеряла лоб, не желая признавать провал столь блестящей идеи. Должен быть какой-то еще вариант! Одна голова хорошо, две лучше...

— Джейн, отделу очень нужен этот артефакт! Неужели ничего нельзя сделать?

— Почему же? — Изобретательница безмятежно улыбнулась. — Забирай.

Я с недоверием покосилась на гигантский ствол, и Джейн, хихикнув, пояснила:

— Приемник. Если выставить мощность на максимум, то этого генератора хватит, чтобы накрыть весь Карванон, а вам ведь это нужно? Осмотреть с помощью усилителя место убийства? Если да, то для этого вовсе не обязательно передвигать генератор. Особенно с учетом того, что передвинуть его нельзя, только разобрать и собирать заново.

Я покрутила в руках так и не выпущенную из них дощечку. Соблазн был более чем велик.

— Но как же ты? Твоя работа...

— Все равно я сейчас занята расчетами и поиском решения проблемы с упрощением. Для этого мне не нужен усилитель. И я буду рада, если он послужит благому делу.

Она отвернулась и, покопавшись в ящике стола, вытащила нечто, похожее на связку ремешков.

— Это крепление. Смотри, помещаешь приемник сюда, — дощечка легла в круглое кожаное гнездо. Прикладываешь к печати, крепишь ремнями под руку и через плечо. Единственная проблема — это, как я уже говорила, что приемник работает только при прямом соприкосновении с печатью, то есть на голое тело. — Джейн очаровательно покраснела. — Так что его надо надевать заранее. На этом ремне, что идет через плечо, руна активации. Она реагирует на прикосновение. То есть, если ты проведешь по ней пальцами, усилитель начнет работать, а при повторном прикосновении — перестанет. Это максимум удобства, который я

смогла придумать на данный момент... тут еще, конечно, работать и работать...

Изобретательница покачала головой, недовольная несовершенством собственного творения.

— Ты сейчас занята делом, которое может перевернуть жизнь миллионов людей, — вполне серьезно проговорила я. — Вот на нем и сосредоточься. А это — подождет. Уже то, что ты смогла дать, для нас очень важно. Только мне нужны копия патента и описание работы артефакта. Я обязана предъявить это начальству как доказательство того, что мы имеем дело с официальной, одобренной сообществом артефакторов магией, а не какой-то нелегальной разработкой.

— Да, конечно, это все наверху. Я сейчас все найду! — И она суетливо метнулась обратно к двери и к лестнице.

Я подобрала со стола часть артефакта и его «сбрую» и последовала за ней с чувством удовлетворения и мыслью, что хоть какой-то свет забрезжил в этом непроглядном тоннеле.

От Джейн я, поразмыслив, поехала сразу домой. В департамент прямо сейчас возвращаться не хотелось до ломоты в суставах. Хотелось побыть одной, и чтобы никто не трогал. Выстроить в голове речь, с которой пойду к Трейту, чтобы представить ему новое криминалистическое «оборудование». И просто как-то прийти в себя, а то я со вчерашнего утра, со всеми событиями, гостями, работой, не имела на это времени. А мне нужно было, очень остро нужно было.

И на мое счастье, дома, кроме Марианны, больше никого не оказалось. Грей — на службе, родители ушли с визитом. Я поднялась к себе, чтобы переодеться в домашнее, и, стягивая блузку, зацепилась взглядом за сверток с артефактом, небрежно брошенный на кровать.

Хм. А не испытать ли мне его в действии?

Раздевшись до пояса, я сделала все, как показывала Джейн, стараясь не задеть раньше времени руну на плечевом ремне. Дощечка, прижатая ремнями, плотно прилегла к коже, причиняя при движении неудобство, и я с сожалением подумала, что по первости и она, и ремни будут наверняка натирать. Да и от корсета с этой вещью придется отказаться, что для леди кошмар и нонсенс... впрочем, если вместе с блузкой носить жакет, под ним, может, будет и не заметно.

Я тряхнула головой, отгоняя мысли об очередных бытовых трудностях леди-криминалиста, и, решительно выдохнув, провела пальцами по ремню на плече.

Перед моим уходом Джейн выставила генератор на полную мощность и предупредила, что самое первое взаимодействие с усилителем особенно на высоких мощностях может быть — она долго подбирала слово и наконец выдавила — шокирующим.

Она была права. Шок — это именно то, что я испытала, когда в нос вдруг ударила дикая какофония ароматов.

Оказалось, что магия пропитывала все вокруг. От наслаивающихся друг на друга запахов тут же закружилась голова, и я, покачнувшись, ухватилась за столбик кровати и медленно опустилась на нее, не уверенная, что могу стоять на ногах.

Вычленив, что относится к чему, удалось далеко не сразу. В одном доме — охранный периметр, в другом — водонагревательная система работает на амулетах, а в третьем живет практикующий маг, и если раньше я это знала только со слов маменьки, то теперь ощутила сполна — практикует!

Но ярче всего сейчас сиял стоящий на туалетном столике шар, выкраденный у профессора. Вместо хрусталя и клубящегося фиолетового тумана в нем, на деревянной подставке сейчас распустился жутковато-прекрасный цветок из переплетения черных кляксообразных линий. Он источал тонкий медовый аромат, от которого почему-то хотелось чихать.

Я и чихнула, а потом шлепнула себя по плечу, деактивируя усилитель, и внезапно осознала, что меня слегка потряхивает, а все тело покрылось потом.

Такое ощущение, будто я не усилитель восприятия использовала, а накурилась вместе с однокурсниками той подозрительной травы, от которой они потом смеялись неестественным страшным смехом и смотрели в пустоту расширившимися зрачками.

Подрагивающими пальцами я расстегнула ремни и стащила с себя артефакт. Что ж, он более

чем работает. Магию, исходящую от артефактов, запечатанные не ощущали, она становилась почти нейтральной, теряя связь с создателем. Да и творения структурников, вроде охранного контура, я бы почувствовала, только практически в него уткнувшись, а не на таком расстоянии, как сейчас.

Отлично. Мне и впрямь будет чем порадовать господина Трейта.

Этим вечером я долго не могла уснуть.

Лежала, зажмурившись, в кровати и чувствовала, как из-под сомкнутых ресниц на подушку текут слезы, которые, как ни отгоняй, не хотели высыхать. Я раз за разом прокручивала в голове все то, что случилось с самого субботнего вечера. И, несмотря на то что мысли об этом причиняли практически физическую боль, отдаваясь молоточками в висках, никак не могла остановиться.

И я призывала себя к порядку, требовала успокоиться и понять, что случилось всего-навсего то, что и должно было случиться. Что я к этому была готова. Что все это и было просто увлечением, жаждой ощутить себя прекрасной и желанной. Ощутила? Ощутила. И чего теперь слезы лить?

Самовнушение работало плохо. Отвратительно работало. И я заснула беспокойно, не заснула даже, задремала, скорее, под неверные видения-воспоминания. Такие яркие, такие... почти как наяву. Прикосновения, поцелуи...

Пальцы огладили кожу, потом ее обожгло дыханием, и шепот над ухом сладкой музыкой: «Эрилин... Эрилин...»

И запах такой знакомый, такой родной, вдыхаешь его и плывешь. Никогда раньше не чувствовала во сне запахи...

— Эрилин, — прозвучало над ухом строже и громче. И ни капельки не страстно.

Я вздрогнула. Окончательно проснулась, резко повернулась и очутилась нос к носу с воплощением моего теперь уже кошмара. Кьер вольготно прикорнул на кровати рядом со мной прямо в одежде (о господи, Эри, скажи спасибо, что не без нее!), хорошо хоть сапоги додумался скинуть.

И хотела бы я утверждать, что возмущенный вопль сдержало мое недюжинное самообладание, но нет — это была прижатая к губам ладонь.

— Тише, Эри, — прошептал герцог, практически сливающийся с ночной темнотой. — Маменьку разбудишь.

Догадавшись по моему взгляду, что аргумент был принят к сведению, руку он опустил.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела я, натягивая одеяло на нос. Не то чтобы на меня нахлынуло внезапное и сильно запоздалое смущение — чего нет, того нет! — но от ожившего кошмара захотелось отгородиться.

— Лежу.

Мозг отказывался воспринимать картинку.

Как? Почему? Здесь? Это же мой дом, моя комната! Как?!

Спросонья решительно ничего не соображалось. И помимо совершенно глупого «Как?», я смогла выдать только не менее глупое:

— Ты не имеешь права здесь лежать!

— Почему?

Почему? Нет, серьезно, он сейчас спросил меня — почему?!

Абсурд ситуации зашкаливал. Темнота и ведущийся свистящим шепотом разговор не добавляли ей смысла. Хотелось спрятаться под одеяло и решить, что это все еще сон.

— Мы расстались, — отрезала я, пытаюсь собраться с мыслями, взять себя в руки и наконец

выставить наглеца из своего дома. Черт побери, это же надо было додуматься!

— Неужели? Я подобного не припомню. — Кьер не двигался, только смотрел на меня, и от одного его взгляда мне хотелось выть.

Так. Все. Спокойно. Вдох. Выдох.

Я прикрыла глаза, помассировала виски, после чего откинула одеяло и спустила ноги на пол.

— Куда? — Запястье тут же перехватили стальные пальцы.

— Свет зажгу.

Легкое дуновение коснулось щеки, и свечи на столике сами собой вспыхнули, озаряя комнату теплым желтым светом.

Я раздраженно фыркнула и выдернула руку, не торопясь забираться обратно в постель.

— Эри, пожалуйста, выслушай меня.

Я машинально повернулась на звук его голоса, но тут же снова спрятала лицо.

Зачем он пришел? Почему не мог дать мне хоть немного времени?

Мне хотелось провалиться под землю от одной только мысли, что он смотрит на меня сейчас и видит вот это — воронье гнездо на голове от беспокойных метаний по подушке, глаза красные, нос все еще опухший, бледная как упырь, в простой ночной рубашке, стянутой у шеи шнурком с кисточками. А рядом он в своем дорогом скюртуке, в ослепительно-белой рубашке, с шелковым шейным платком и булавкой, стоящей, наверное, как весь мой гардероб, вместе взятый.

К горлу подступил ком. Глаза в который раз за вечер защипало.

— Эрилин. — Кровать скрипнула под непривычно тяжелым для нее телом, и шепот раздался над самым ухом. — Не надо.

— Чего не надо? — Я обхватила себя за плечи и продолжила пялиться в темноту за окном, усиленно стараясь не моргать слишком часто.

— Не надо плакать. — И, прежде чем я успела что-либо ответить, он добавил: — Я разорвал помолвку.

От изумления я все же сморгнула, торопливо стерла тыльной стороной ладони сорвавшуюся слезу и обернулась.

— Что?..

Кьер сел, по-хозяйски подоткнув под спину одну из подушек и вытянув по одеялу длинные ноги. Он откинул голову назад, упираясь затылком в стену, и смотрел на меня внимательно, без тени улыбки на лице.

— Поговорим?

Я еще раз провела пальцем по щеке и облизнула пересохшие губы. Здесь? Сейчас? Когда за одной стеной родители, за другой — брат, и вообще...

Мое неуверенное молчание Кьер воспринял как согласие и произнес, негромко, но внятно, глядя мне в глаза:

— Эрилин, я клянусь тебе, я не знал, что Эдгар вздумал меня женить, уже подобрал невесту и заключил соглашение с ее отцом. Если бы я знал, тебе никогда не пришлось бы услышать об этом от посторонних лиц. По правде говоря, я сам никогда не думал, что узнаю о собственной помолвке из газеты... — тихий шепот сорвался почти на рык, а кулаки сами собой сжались, но он взял себя в руки и продолжил: — Вообще, Эдгар планировал сообщить мне счастливую весть на днях, но наш субботний разговор заставил его действовать иначе.

— Разговор?.. При чем тут?.. — Я растерянно осеклась. Какое отношение проблемы департамента могут иметь к герцогскому семейному положению?

Кьер вздохнул.

— Прости, Эри, я просто хотел, чтобы все было как полагается... я встречался с Эдгаром, чтобы получить королевское согласие на наш брак.

Рот открылся сам собой.

Наш... брак?

Наш...

Святые угодники.

— Я рассчитывал, что смогу все же его убедить. Да, твой отец провинился перед короной, но... — Кьер замолк, махнул рукой. — В общем, из этого ничего не вышло, мы разругались, и его величество изволил так отплатить мне за собственное испорченное настроение. И пока я ехал домой и думал, что можно сделать, по его приказу уже отослали весть в газету.

Он чуть помолчал, изучая меня, напрочь лишённую дара речи, а потом вдруг подался вперед и обхватил ладонями мое лицо. Я не вырывалась. Я вообще с трудом понимала, что происходит.

— Я люблю тебя, Эрилин Рейвен, леди-криминалист и дочь опального виконта. Я хочу быть с тобой. И я буду с тобой.

У меня задрожали губы. Но прежде чем я успела снова разреветься от переизбытка раздражающих душу эмоций, Кьер меня поцеловал.

Мир ушел из-под ног. Все, абсолютно все перестало иметь значение в этот момент. Все, кроме двух прозвучавших фраз — «Я разорвал помолвку» и «Я люблю тебя». Они бились в пульсе, звенели в ушах, и все, что я еще час назад считала похороненным на веки вечные, возрождалось из пепла, как легендарная птица-феникс.

Я не могла найти слов, я просто не знала, что сейчас сказать, кроме очевидного, кроме того, что Кьер и так прекрасно знал, а потому просто подалась вперед, прильнув к нему — жадно, жаждающе, забыв, где мы, кто мы. Думая только о том, что хочу его всего, прямо сейчас, немедленно и больше всего на свете.

Пальцы сами собой развязывали галстук, стаскивали сюртук, расстегивали мелкие пуговицы рубашки, и я шумно дышала, кусала губы, чтобы не стонать в голос, когда шершавые ладони проникли под мою сорочку и принялись ласкать, гладить везде — спину, грудь, живот, и ниже, там, где сейчас все горело от нестерпимого желания.

Мужские пальцы покинули мое тело, заставив тихонько хныкнуть, и потянули завязки шнурка под горлом.

Я оказалась обнаженной в мгновение ока, а этого негодяя было еще раздевать и раздевать. У меня тряслись руки, пальцы путались в петлях, а Кьер и не думал мне помогать. Вместо этого он повалил меня на кровать, подмяв под себя, и вернулся к прерванному занятию, выцеловывая, покусывая грудь, сминая ее в ладони, пока другая рука вытворяла внизу что-то невообразимое. И я все-таки застонала еле слышно, забыв про одежду, и выгнулась всем телом, желая ощутить больше.

Кьер хмыкнул, вскинул голову, открыл было рот, но я, ухватив его за воротник, прошипела сердитой кошкой прямо в губы:

— Только посмей сейчас помянуть маменьку, и я закричу, что меня насилуют.

— Кричи, — великодушно позволил он, вырвался из хватки и выпрямился, многозначительно щелкнув пряжкой ремня.

Я зажмурилась, набрала в грудь побольше воздуха и...

Задохнулась, ощутив, как он вошел в меня — одним движением и до конца.

Я приглушенно ахнула и с наслаждением вцепилась в его плечи, ощущая, как мощные мышцы перекачиваются под ладонями. Кровь кипела от адреналина. Родители за стеной? К черту родителей! Все, что имело сейчас значение, — это резкие, ускоряющиеся толчки, жар дыхания на губах и накатывающее волной нереальное, неопишное удовольствие.

И я не закричала в тот момент, когда в теле взорвалось солнечное наслаждение, только потому, что Кьер заткнул мне рот поцелуем. В тот же миг и по его телу пробежала дрожь, он

на несколько мгновений замер, а потом опустился на меня, уткнувшись лбом в плечо.

Мы оба застыли, хрипло, часто, тяжело дыша, в наполовину бессознательном состоянии.

Я запустила пальцы во встрепанную черную шевелюру, ухватила и потянула, заставляя герцога с недовольным медвежьим ворчаньем приподнять голову. Посмотрела ему в глаза и снова поцеловала, теперь уже с чувством смакуя этот момент и никуда не торопясь.

Кьер быстро перехватил инициативу и перекатился по кровати, чтобы устроиться с удобством — подпихнуть подушки под голову и утвердить меня на себе, со вкусом придерживая за талию. За ту талию, которая ниже талии...

— Теперь рассказывай. — Я пристроила подбородок поверх скрещенных рук, ощущая приятное томление всякий раз, когда на вдохе живот Кьера касался моего, и шепотом пояснила: — Как у тебя это получилось и когда меня сошлют обратно? Саквояжи уже паковать?

Герцог хмыкнул и провел свободной рукой по лицу, откидывая волосы со лба. А потом сделал ею замысловатый пасс, мне в лицо пахнуло грозой, и на мгновение заложило уши.

— Обойдемся пока без саквояжей, — проговорил Кьер, довольно жмурясь и не понижая голоса, что заставило меня вздрогнуть, дернуться и попытаться зажать ему рот. И только через мгновение я сообразила...

— Ты!.. Я тут... а ты! Ты полог тишины сразу не мог поставить?!

— Сразу было неинтересно. И потом, вдруг бы ты принялась на меня орать, швыряться предметами, бить посуду...

Я зарычала, ткнула злодея кулаком, свалилась с него и под тихий, явно с трудом сдерживаемый смех, вскарабкалась обратно.

— Начать швыряться предметами никогда не поздно! — раздраженно предупредила я и напомнила: — Рассказывай.

— Как ты уже поняла, я узнал из газеты, и сначала...

— ...разгромил пол-особняка.

— Ты откуда знаешь? — изумился Кьер.

Я чуть не ляпнула: «Томас наябедничал», — но в последний момент сообразила, что тогда придется объяснять, где и при каких обстоятельствах, а с Джейн герцог еще не имел счастья быть знакомым... поэтому я просто многозначительно поиграла бровями. Мол, знаю тебя как облупленного.

— Ладно. Но вообще-то я хотел сказать, что сначала поехал к графу Арунделу, чтобы поинтересоваться...

— Какого черта?

— Эри, будешь перебивать, ничего не узнаешь. — Кьер легонько шлепнул меня по ягодице. — Вообще, конечно, и это тоже, но в первую очередь узнать, при каких условиях он согласен разорвать помолвку. Я знаю графа, он человек в первую очередь любящий деньги и ставящий их превыше всего. Выдать дочь замуж для него значит всего лишь избавиться от обширной статьи расходов. Плюс он далек от патриотических веяний, в меру не ценит его величество и поглядывает в сторону заграницы, поэтому так долго и цеплялся за помолвку леди Алиссон с тем форсыйским маркизом. Так что... договоренности мы достигли быстро.

— А леди Алиссон? Она...

— Полагаю, будет в бешенстве, но есть шанс, что неустойка, которую я выплачу ее дорогому папаше, как-то примирит ее с этим разочарованием. А за другим супругом дело не станет, там очередь выстроится. Да и потом, мало ли в королевстве герцогов?

— Одиннадцать, — машинально ответила я. — Пятеро женаты, двое помолвлены, двое вдовцы в сильно почтенном возрасте, одному три года...

— Не придирайся, Эри. В конце концов, кто сказал, что леди Арундел собирается замуж завтра. Вдруг ее устроит подождать, пока герцог Сорсмейт чуточку подрастет.

— Или один из вдовцов скончается, — поддакнула я, хихикнула над собственной шуткой и потерлась носом о гладкую смуглую кожу.

Мне еще не до конца верилось в то, что происходит. Отчасти снова из-за собственной комнаты, чужого в ней Кьера... он правда это сделал? Пошел против королевской воли и интересов рода из-за меня? Ради меня?

— Так что с графом мы вопрос уладили достаточно быстро. А вот беседа с королем прошла не так гладко... — Кьер замолк, рассеянно поглаживая меня по спине вдоль позвоночника.

— И? Что король?.. — поторопила я.

— Король выразил мне свое королевское негодование, взывал к разуму, но в итоге отказал в его наличии. Сказал, что я веду себя как мальчишка, а потому и отвечать буду соответственно. Меня временно отстранили от управления департаментом под предлогом тяжкого недуга, погрозили королевским перстом и поставили в угол.

У меня сам собой рот приоткрылся.

— А ты?..

— А я веду себя как мальчишка. — Кьер усмехнулся. — Сбегаю из угла и залезаю в окна.

Я посмотрела на него недоверчиво.

— Ты серьезно?

— Почти. — Кьер ухмыльнулся. — Я действительно больше не являюсь главой департамента. Его величество счел, что моя отвратительная работа последних месяцев связана с тем, что я больше занят одной леди, чем делом. А он не желает видеть на этом месте того, кто так легко может променять важное дело на мимолетные увлечения.

— Но... это же неправда!

— Эрилин. Мне ли тебе рассказывать о причудливых путях монаршей справедливости?

Я сползла с Кьера и села. Эйфория стремительно испарялась, являя во всей неприглядной красе то, что повлечет за собой мое желание быть счастливой.

— Но как департамент без тебя?..

— Незаменимых людей не бывает. — Герцог пожал плечами. — Правда, за печатью на документы тебе все же придется теперь идти к Трейту.

По правде, это волновало меня меньше всего. Я потеряла лоб. Департамент без герцога Тайринского во главе представить категорически не получалось. Ладно. Кьер же сказал, что отстранение временное. И под предлогом тяжкого недуга. Значит, его величество не хочет привлекать внимание общественности к этому моменту. Значит, это просто попытка наказать герцога за неповиновение?

— Но как тебе удалось убедить его? Насчет помолвки?

— Я сказал, что если он будет настаивать на свадьбе с леди Арундел, то я на ней женюсь. А следом отрекусь от титула. И он получит Томаса в качестве герцога, взбешенного графа и скандал, который долго не утихнет.

— Погоди-погоди. То есть это не он тебе угрожал потерей титула, а ты его потерей титула шантажировал? — Картина не укладывалась у меня в голове.

Кьер хмыкнул.

— Эри, Эдгар — непростой человек, впрочем, мне не доводилось встречать правителя, который был бы простым человеком. Но он не дурак и не враг себе. Как и любой правитель, он не терпит неповиновения даже в мелочах, но в то же время умеет прекрасно взвешивать плюсы и минусы. Мой брак с Алиссон Арундел не является жизненным приоритетом для короны, а я в роли герцога и графа, сохраняющий свои капиталы на территории королевства, — являюсь. Так что Эдгар поскрипел зубами, уволил меня из департамента, но дал согласие на расторжение помолвки. Правда, король взял с меня обещание.

— Какое?

— Что в течение двух лет я женюсь на партии, которую его величество сможет одобрить. Из респектабельной и родовитой семьи, верной и несущей пользу короне.

Я посмотрела на него растерянно, чувствуя, как холодеют пальцы рук. И каким образом это хорошо? В чем тогда смысл был сейчас всего этого? Отсрочить неизбежное?

— Я заверил его величество, — невозмутимо продолжил Кьер, — что управлюсь даже быстрее. Быстрее?..

— Эри. Эй, стоп. Без паники. Я не собираюсь жениться ни на ком, кроме тебя.

— Я не понимаю, — окончательно признала поражение я.

— У меня есть план. — Кьер выпрямился и, сжав руками мои плечи, заглянул в глаза. — Доверься мне, ладно?

— План? Какой план? — переспросила я, позволяя увлечь себя обратно в герцогские объятия.

— Не скажу. — Поцелуй обжог нежную кожу шеи.

— Кьер!

— И не уговаривай. — Ладонь легла на грудь и чуть сжала, массируя.

— Это нечестно!

— Никто не спорит.

Я засопела, отстранилась и заглянула в бесстыжие глаза, надеясь воззвать к совести, но ни капли ее там не обнаружила.

Что у него на уме? С учетом того, что он додумался забраться среди ночи ко мне в спальню, как какой-нибудь ушлый воришка, а не герцог в десятом поколении, — это может быть вообще что угодно!

— Ты же не собираешься назло королю меня скомпрометировать?!

— Эрилин, если бы я хотел тебя скомпрометировать, я не стал бы ставить полог, и твоя дорогая маменька притащила бы священника прямо к этой кровати.

— Сбежать?

— Эри, право слово, я все же герцог! — Кьер открыто потешался, и за ухмылку на чересчур довольной физиономии мне хотелось его искусать.

— Я обещаю, все будет чинно, пристойно и с его величайшего королевского позволения. Потому что...

Он замолк на мгновение. Погладил меня по щеке, и улыбка медленно сползла, уступив место серьезному и сосредоточенному выражению.

— Я уже один раз поставил тебя под удар, и это не повторится. Идти вот так сразу к королю было глупостью, я поспешил. Потому что подумал — что он мне сделает? Отставка? Ну и черт с ней, я отнюдь не королевской службой себе на жизнь зарабатываю. Выдвинуть обвинения? Какие? В чем? Состряпать дело на пустом месте не выйдет даже у короля, не в Средние века живем, его величество не всесилен. С короной, конечно, лучше дружить, а не воевать, но герцог не барон, и очень многим может не понравиться, если Эдгар начнет ни с того ни с сего рубить головы высшей знати. Абсолютизм давно не в моде. Ну лишит он меня влияния при дворе, объявит монаршую немилость. Дальше? Титул? Ему невыгодно лишать меня герцогства. Поэтому я поторопился и не подумал о другом — что он сделает тебе.

Мне? Мне?! Король? Дочке опального виконта? Не слишком ли много чести?

— Видишь ли... — Ладонь герцога двинулась вверх, по позвоночнику, зарылась в спутанные волосы на затылке, взъерошила и поползла обратно вниз, касаясь теперь только кончиками пальцев. Вверх. Вниз. Я блаженно прикрыла глаза, забыв, что он вообще начал что-то говорить. — Если я женюсь на тебе сейчас, не добившись разрешения от Эдгара, то... он

поднимет из архива дело твоего отца и прикажет пересмотреть.

Я вздрогнула, уставилась на Кьера с испугом. Что? Да, на пустом месте состряпать дело не выйдет. А не на пустом? Измена короне — почва благодатная, там можно такого при желании наворотить...

— Что случится с офицерской карьерой твоего брата — ты можешь себе представить. А двери в высший свет будут закрыты навсегда. Я очень сомневаюсь, что ты согласишься стать моей женой на таких условиях.

— Но...

— Я уже попросил, доверься мне, ладно? Все будет хорошо. А это, — он сунул руку в карман брюк, покопался там, — чтобы не сомневалась.

И выудил кольцо.

Массивное, тяжелое, с крупным сапфиром. И явно очень старое.

И вот. Я — голая, лохматая, с лицом весьма сомнительной свежести (где там маменька с ее «нежными бутонами»?). Он — тоже лохматый, в распахнутой рубашке. Оба на смятой постели, в моей спальне, в доме моих родителей! И кольцо это...

Не так, ох не так я себе все это представляла в юности!

И уж тем более я не представляла, как буду выпихивать своего жениха (или еще не жениха?.. кем его теперь считать-то?!) в окно. Потому что, когда в коридоре раздались тяжелые шаги по поскрипывающему полу, я сразу растеряла весь дурацкий, затуманивающий разум настрой. Особенно когда шаги эти замерли возле моей двери.

Свет! Свет выбивается в щели...

Пульс ускорился настолько, что мне показалось, сердце сейчас выскочит из груди, но шаги, неуверенно помявшись, направились к лестнице. Кажется, папенька спускался к себе в кабинет. Ему иногда не спалось, и он сидел над бумагами ночами. Когда внизу щелкнул замок и в доме снова воцарилась тишина, я смогла наконец выдохнуть, от души шлепнула герцога по плечу за доставленные переживания и вытолкала из постели. Все! Хватит с меня нервных потрясений, а то я как маменька стану — истеричная, с платочком и с каплями!

Кьер выпихивался со смешками и ядовитыми комментариями, на которые я могла отвечать только раздраженным шипением, и явно получал удовольствие от происходящего. А еще герцог!

Убедившись, что этот сумасшедший благополучно слевитировал в кусты и что случайных свидетелей этого циркового трюка в поле зрения не наблюдалось, я закрыла окно, заперла его, задернула шторы и устало рухнула на постель.

Разжала кулак. Посмотрела на лежащее на ладони кольцо. А потом сжала обратно, сунула кулак под подушку, повернулась на бок и закрыла глаза.

Спать. Надо спать. А еще перестать идиотски улыбаться.

На работу на следующее утро я шла со смешанными чувствами.

Подумать о том, чем отстранение Кьера грозит департаменту, я успела, а вот о том, чем оно грозит лично мне, как-то забыла. И вопрос, что, а вернее, кто теперь помешает Трейту выставить меня из отдела, оставался открытым. И, несмотря на то что, когда я устраивалась сюда, ни о какой поддержке свыше и речи не шло, теперь я вдруг ощутила себя здесь очень одинокой. Беззащитной.

Снова одна против всех.

Избаловались вы, леди, скажу я вам! Соберитесь! Вам не привыкать.

Мысленная затрещина самой себе чуток помогла, а артефакт в сумке придавал уверенности в том, что я не зря получаю свое жалованье.

Первый криминалист уже был на рабочем месте, он о чем-то беседовал с Тарном, когда я вошла, и удостоил меня лишь беглым раздраженным взглядом, когда направилась к нему.

— Что вам угодно, леди Рейвен?

Я молча протянула ему документы на артефакт.

Трейт метнул в меня еще одну мысленную молнию, но документы взял, открыл, бегло вчитался в описание. И по мере того как взгляд его скользил по печатным строчкам, выражение лица менялось — из злого становясь все более удивленным.

— Что это? Где вы это взяли?

Я с трудом сдержала победную улыбку. Не стоило и сомневаться. Первый криминалист при всей своей ограниченности не идиот. И он прекрасно понял, что за сокровище угодило к нему в руки.

— Это разработка профессора Свифта. Артефактора, который за умеренную плату согласился сдать нам свое изобретение в аренду.

Должны же хоть на что-то сгодиться папенькины гены! Джейн сама доброта, но пользоваться этой добротой безвозмездно мне совесть не позволяла. А департамент не обеднеет!

— Господин Гейл, гляньте-ка... — Трейт отвернулся и протянул описание коллеге.

Бумага пошла по рукам. Мужчины вчитывались, вскидывали брови и все как один потом переводили на меня весьма уважительный, греющий пострадавшее самолюбие взгляд. А когда договор был составлен и подписан и я выудила сверток с артефактом и его сбруей... мне пришлось в спешном порядке сбежать из лаборатории.

Если вид торопливо раздевающихся, чтобы опробовать разработку, мужчин моя стыдливость вполне и пережила бы, то вот репутация — вряд ли!

И я уже взялась за ручку двери, когда здание сотряс удар такой силы, что с потолка посыпалась побелка. Я пошатнулась, вцепилась в холодный металл, чувствуя удушающую волну запахов, накатывающих с неотвратимостью цунами, изумленно обернулась на коллег, успела увидеть, как Трейт застыл изваянием, вцепившись в артефакт, как Тарн Гейл торопливо нырнул обратно в ворот рубашки, как сполз по стене, смертельно побледнев, Ричи...

А потом, с оглушительным звоном разбив окно на мириады осколков, в лабораторию влетел огненный шар.

Роль 16

ДОБРОСОВЕСТНЫЙ РАБОТНИК

Я открыла глаза и с изумлением уставилась в слегка потертый бархатный полог темно-синего цвета. Нет, полог этот мне был прекрасно знаком до его малейших потертостей, до маленькой дырочки в углу возле левого столбца, я видела этот полог каждый день, просыпаясь и укладываясь спать, потому что висел он над моей кроватью под крышей родительского дома. Вот только я не могла припомнить сейчас, как именно я вдруг под ним оказалась.

Попытка поднапрячь мозги, и память отдалась ноющей болью в висках и затылке. Зажмурившись, я поморщилась и подняла руку, чтобы потереть лоб, с удивлением отмечая, что этому простому движению мышцы подчинились неохотно. И почти сразу откуда-то справа прозвучало:

— Эрилин?

Грей. Грей — это хорошо. Это прекрасно.

Я попыталась приподняться, но брат, стремительно оказавшийся рядом, надавил на плечи, удерживая на месте.

— Слава Господу, ты очнулась наконец! Мать чуть не слегла с сердечным приступом, отец теперь весь седой, ты даже меня напугала! Как ты? Тебе что-нибудь нужно? Только не двигайся, я сейчас, сообщу всем и вызовем целителя, не двигайся, ладно? Я мигом...

— Стоять.

Губы шевельнулись, какой-то невнятный сип с них сорвался. Вряд ли в нем можно было угадать слово, поэтому я для верности вслепую ухватила младшенького за рукав. Пальцы почти сразу соскользнули с плотной ткани мундира, но Грей все равно послушно замер.

Я прочистила горло и, не открывая глаз, спросила:

— Что случилось?

— Ты не помнишь?.. Как зовут — помнишь? Сколько тебе лет? Откуда родом?..

— Грей. Прибью.

Брат на это заявление фыркнул, словно необъезженный жеребец, и я почувствовала, как матрас прогнулся под тяжестью присевшего на край кровати офицера.

— Самоучки атаковали департамент. Их остановили довольно быстро, но на ваше крыло пришелся самый первый удар. Ты сильно ударила головой. Сотрясение, целитель даже не мог с уверенностью сказать, придешь ты в себя или нет. Развел руками — время покажет. С тех пор два дня прошло, мы уже начали с ума сходить от беспокойства.

Два дня?

В голове все путалось. Вспышки-воспоминания причиняли самую настоящую физическую боль — удар, Трейт, Ричи, огненный шар, мой собственный визг... еще удар, взрывная волна, короткий полет, боль, темнота.

Я вскинула руку, чтобы дотронуться до виска, и нащупала плотную марлевую повязку.

— Я все же должен позвать целителя. И сообщить родителям. Одна нога здесь, другая там, не умирай, ладно, пока меня нет. А то папенька мне голову оторвет, а я еще слишком молод, не в пример некоторым!

Брат хорохорился и пытался шутить, как всегда, но я всем нутром чувствовала, что они все здесь и правда пережили непростые два дня, сходя с ума от беспокойства. А я даже не успела ничего понять.

Гулкие шаги, отдаваясь эхом в висках, пересекли комнату, щелкнула дверь.

Сознание плыло, как в тумане, думалось плохо. И я решила, что не буду думать — вот на минуточку просто, пока не примчатся родители — маменька во главе процессии в чепце и развевающихся рюшах... Решила — и провалилась в беспамятство.

Второе пробуждение пользовалось куда большим успехом, с какой стороны ни поглядеть. Во-первых, в сознательном состоянии удалось закрепиться, во-вторых, публика собралась и рукоплескала. Вернее, сдавленно молчала, пока меня осматривал целитель, задавал вопросы, заставлял следить за пальцем, осматривал голову и выполнял еще кучу каких-то, в этот момент казавшихся мне бессмысленными, манипуляций. Правда, от него вкусно пахло, в отличие от того, нашатырного личного герцога-врача. Корицей и яблоками. Магия окутывала меня коконом, ложилась на голову приятной тяжестью, отгоняя колокольный звон и пульсирующую боль, вместе с этим, правда, навевая сонливость. С ней я пока успешно боролась, наблюдая за тем, как нервно дергается белый батистовый платочек в руках стоящей в изножье кровати виконтессы.

С целителем беседовал отец, внимая всем его рекомендациям и задавая вопросы, и мне не было его видно сейчас. А мама только молча — молча! — стояла и смотрела на меня широко открытыми глазами. И скручивала, мяла в пальцах измочаленный платочек. Грей же подпирал дверь с таким видом, будто ждал (и даже надеялся), что самоучки придут довести до конца незавершенное дело истребления некой леди, и он им всем покажет, чего стоит лейтенант Карванонского полка! А за не до конца прикрытой дверью нет-нет да мелькал белый фартучек Марианны...

Неожиданно остро кольнула мысль — Кьер! Вот кого здесь отчаянно не хватало. Злого и взволнованного одновременно, смотрящего на меня своим традиционным взглядом «Эрилин-черт-тебя-побери-во-что-ты-опять-вляпалась». Как-то последние месяцы именно ему приходилось проводить со мной время после всех угрожавших жизни и здоровью событий, а в этот день его даже не было в департаменте. Какое счастье, что в этот день его не было в департаменте!

Вот только не хотела бы я оказаться на его месте. Услышать о том, что департамент атакуют, что были пострадавшие, выяснить, что любимого человека увезли в бессознательном состоянии... и не иметь ни малейшей возможности быть рядом.

Я бы с ума сошла.

Целитель ушел, перед этим раз десять повторив мне, как маленькой, о необходимости полного покоя и строгого постельного режима на ближайшую неделю как минимум. Интересно, это его родители надоумили или слава неугомонной леди Эрилин меня уже опережает?

Я кивала и думала только о том, что мне обязательно надо сообщить Кьеру, что со мной все в порядке. Почти в порядке. Ну... что я жива!

Отец ушел проводить лекаря, а маменька тут же заняла вакантное место возле меня.

— Как ты, девочка моя?

— Все хорошо, мама, — спокойно отозвалась я, зная, что никакого другого ответа на этот вопрос быть не может, несмотря на то что виконтесса прекрасно слышала все озвученные целителем диагнозы.

— Это кошмар, Эрилин! Ужас. Я молю тебя, брось эту работу! — Она говорила против обыкновения негромко, но надломленно, со слезами в голосе, кажется, даже настоящими. — Ты не представляешь, что мы тут пережили за два дня! А что творится в городе? Беспорядки, убийства! Полиция не справляется, про департамент я вообще молчу...

— Убийства? — вскинулась я, и маменька тут же досадливо поджала губы.

— Я отказываюсь разговаривать с тобой на эту тему. Господин Уоррен предписал тебе полный покой.

— Живодер снова показался, — подал голос Грей от двери и в ответ на гневный взгляд родительницы только пожал плечами: — Что? Она все равно не отстанет, так что лучший способ ее успокоить — все рассказать, пока не полезла на последнем издыхании сама выяснять! Еще упокоится ненароком вместо успокоения...

Братец мудреет! На глазах прямо!

— Когда? — выдохнула я, прикрывая глаза, чтобы не видеть испепеляющий взгляд, а заодно вызвать приступ жалости — в конце концов, этому меня учил профессионал!

— Той же ночью, после атаки на департамент.

Логично. Магическая бойня перебаламутила фон только так, снова толкая несостоявшегося целителя на убийство. Черт побери, как все некстати! Уцелел ли артефакт? Уцелел ли кто-то из отдела, чтобы воспользоваться артефактом? Как прошел осмотр места преступления? Что они увидели? И почему, ну почему все это без меня? Так нечестно! Несправедливо!

Головная боль усилилась настолько, что на глазах почти выступили слезы, и я снова закрыла их, чтобы никто не увидел. Мутило и ужасно хотелось спать, но мне почему-то казалось, что если я усну, то выпадут из жизни еще на пару дней.

— Ну вот, посмотри, что ты наделал! — упрекнула маменька Грея. — Она теперь лежит и... и... думает!

— Да, это очень вредно, особенно женщинам, — хмыкнул братец, и мне отчаянно захотелось вот прямо сейчас умиленно прижать его к своей сестринской груди и от души поцеловать.

Виконтесса посмотрела на него, на меня и раздраженно спросила:

— Когда уже в конце концов подействуют сонные чары?

Вернулся отец и, окинув усталым взглядом всю картину, неожиданно попросил всех покинуть комнату, чтобы дать мне отдохнуть. Вот только когда маменька и брат вышли, он прикрыл за ними дверь и приблизился. Присев на кровать, он взял мою руку в свои ладони и произнес, глядя мне в глаза:

— Позавчера я встречался с герцогом.

Это было последнее, что я ожидала услышать в данной ситуации. Даже сон, битву с которым я уже почти проиграла, отступил.

— Он справлялся о твоём самочувствии и был крайне им обеспокоен. К сожалению, я не считал возможным организовать его визит, Амелия и Грей не оставляли тебя ни на минуту, а впутывать их в происходящее я пока не считаю необходимым. Я сейчас же напишу ему, что ты пришла в себя и опасность миновала. Целитель Уоррен считается лучшим в Карваноне специалистом по травмам головы, и раз он утверждает, что бояться теперь нечего и остается только ждать полного восстановления, я склонен ему верить.

— В... происходящее? — недоуменно переспросила я, пропустив мимо ушей фразу про целителя Уоррена. Мне все равно, что он там считает! Конечно же, со мной все в порядке!

— Герцог поставил меня в известность насчет своих намерений на твой счет.

— И что именно он сказал?

— Что сделал тебе предложение, и ты ответила согласием.

— И все?

— А что еще? — Губы отца тронула едва заметная улыбка.

Будь я в форме, я бы наверняка заподозрила за моей спиной злобный заговор. Впрочем, заподозрила-то я его и сейчас, но вот сил распутывать не было совершенно. Только беспокойство отпустило — папа ему напишет, и с этим я окончательно провалилась в целебный сон.

Шла вторая до невозможности утомительная неделя постельного режима.

Мне казалось, что за это время я проспала больше, чем за последние три месяца, вместе взятые. Целитель приходил два раза в день, утром и вечером, и от его коричневой магии я всегда через некоторое время засыпала, как младенец. Более того, ко мне приставили сиделку, и я подозревала, что главная цель ее присутствия была не оказать помощь, если вдруг мне станет плохо, а исполнять роль тюремщика, на случай если одну неугомонную леди куда-то понесет.

Я, конечно, догадывалась, что родственники невысокого мнения о моем благоразумии, но чтобы настолько!..

Впрочем, у Натали был прекрасный голос, и она читала мне книги. По магии и

криминалистике. А что поделать, битва за романы была ею бесславно проиграна.

И даже несмотря на это и на то, что от чар и лекарств я спала чуть ли не по двадцать часов в сутки, мне все равно хотелось выть и лезть на стену.

И вот сегодня наконец целитель пришел к выводу, что лечение перешло в завершающую фазу и его неусыпный контроль больше не требуется. Магия сделала свое дело.

Мне рекомендовано было все же в ближайшую пару недель еще следить за собой, не перенапрягаться, не нервничать, не нагружать зрение и прочие, прочие «не», которые маменька тщательно законспектировала. Но я все равно испытала огромное облегчение. Еще немного этого абсолютного бездействия, и меня бы из рук специалиста по травмам головы к специалисту по травмам психики передали бы!

Вопреки всеобщим опасениям, я не бросилась тут же прочь из дома, вынуждая родичей посадить меня под замок, но села за стол и написала два письма. Одно — сугубо деловое, другое — сугубо личное.

Ответ на сугубо деловое письмо пришел быстро, вечером того же дня.

Тарн Гейл, тот из коллег, в чьи руки, очевидно, угодило мое послание, адресованное отделу криминалистики, писал, что крайне рад новостям о моем грядущем окончательном выздоровлении. И сообщал, что кроме меня при нападении на департамент серьезно пострадал только Свен, на него упал горящий шкаф. Господин Трейт сломал руку, Ричи пару дней провалялся с дурнотой — острая реакция запечатанного мага на возмущения фона, остальные отделались синяками и ссадинами.

Артефакт не пострадал и был успешно применен при осмотре места убийства.

На этих строчках я вцепилась в листы бумаги с такой силой, что чуть не порвала их.

Убита женщина из трущоб, бывшая работница хлопкопрядильной фабрики, доживавшая свой недолгий век прощением подаяния. Ее нашел святой отец неподалеку от церкви, возле которой она часто стояла с протянутой рукой. Тело было сброшено в канаву, и если бы не собаки, то, возможно, убийство осталось бы незамеченным...

Я приложила пальцы к губам, будто это могло сдержать подступившую к горлу тошноту. Общая слабость давала о себе знать, и неожиданно я все же в глубине души порадовалась, что мне не пришлось туда ехать. Труп — это не страшно. Даже пролежавший несколько дней в воде труп — это не страшно, хоть и до отвращения противно. А вот истерзанный животными труп...

И все же вызванная на место полиция почти сразу оповестила департамент — было очевидно, что грудная клетка убитой вскрыта отнюдь не собаками. И легкие отсутствовали. По показаниям священника убитая страдала от чахотки еще со времен работы на фабрике.

На место происшествия прибыл как раз Тарн, и да, он увидел следы. Едва заметные, почти растворенные в фоне, если не приглядываться — можно и упустить. И это с десятикратным усилением! По его словам, отпечатки носили артефактный характер. Будто убийца просто был ходячим и при этом весьма слабеньким артефактом, и именно поэтому его следы не могли отследить запечатанные. Именно поэтому его едва-едва улавливали амулеты.

Да, все правильно. Он же больше не маг. Он не контролирует ту магию, что просачивается в его тело. И изменения, которые происходят с ней, — минимальны. Вот и получается, что ее не отследить. Как не отследить магию простенького бытового артефакта.

Я повернулась и снова посмотрела на прихваченный у профессора шар, единожды уже послуживший для меня наглядным пособием.

Артефактный характер.

Артефакты излучают магические эманации постоянно, в отличие от самих магов. И раз Живодер на самом деле оставляет отпечатки, значит, теперь рано или поздно мы его найдем. Магические следы вымываются фоном, это верно, но если однажды нам удастся обнаружить труп достаточно быстро, то будет шанс их проследить. А еще у нас есть однозначный и стопроцентный способ выяснить, является ли какой бы то ни было подозреваемый Живодером. Показания запечатанного расцениваются как свидетельские. И теперь хотя бы один человек из всего отдела может опознать убийцу если не в лицо, то по магии.

И, конечно, мне было обидно, что это не я, ужасно обидно. Но... жизнь вообще частенько несправедливая штука.

Я отложила письмо и задумалась, кусая губы, о том, под какой все же маской скрывается безжалостный убийца. Он ведь был самым обычным человеком, жизнь которого рухнула в один миг с легкой руки совершившего ошибку артефактора...

Мне долго не спалось этой ночью — организм, пресытившийся отдыхом, требовал деятельности, голова, не одурманенная заклинаниями и настойками, наконец-то могла думать, чем и пользовалась. Весь дом уже уснул, а я все крутилась с боку на бок и никак не могла угомониться.

И вот тогда-то и пришел ответ на сугубо личное письмо.

Сначала мне показалось, что шорох под окном мне мерещится. Я села на кровати, прислушалась, но больше ничего не услышала. И уже собиралась улечься обратно, как с еле слышным скрипом запор на окне сам по себе выехал из пазов, и створки бесшумно распахнулись, впуская в комнату порыв холодного, влажного, пахнущего грозой воздуха.

С интересом подперев щеку, я пронаблюдала, как массивная черная фигура с ловкостью циркового медведя ввалилась в окно, встряхнулась и закрыла его, двигаясь совершенно бесшумно.

— Что-то вы зачастили, ваша светлость, — не сдержалась я, пряча смех в одеяле.

Кьер вздрогнул, будто вор, застуканный на месте преступления, и тут же мне на миг знакомо заложило уши.

— Если вам так пришелся по душе наш розарий, ваша светлость, — продолжила глумиться я, — то я вам надергаю букет и пришлю с посыльным, не стоит настолько себя утруждать!

— Да я уже... надергал, — хмыкнул Кьер, делая вид, будто стряхивает с себя колючки вперемешку с лепестками.

Я снова рассмеялась. И даже не столько шутке, сколько от радости его видеть. Сообщая в письме, что меня выпустили из кровати и освободили из-под ареста сиделки, я предполагала, что герцог захочет увидеться, но никак не подумала о повторном проникновении со взломом.

Кьер и в самом деле вел себя как мальчишка, и, судя по ухмыляющейся физиономии, ему это доставляло не меньше удовольствия, чем мне.

Он быстрым шагом пересек комнату, сел на кровать и, обхватив ладонями мое лицо, внимательно посмотрел в глаза.

— Ты до смерти меня напугала, — сообщил он, посерьезнев.

— Обманываете, ваша светлость. — Я поджала губы и в ответ на недоуменный взгляд пояснила, ткнув его в грудь: — Ничего не до смерти! Ты посмотри на себя — живее всех живых!

— Эрилин! Не смешно!

Если он и хотел сказать еще что-то, то у него не вышло. Я соскучилась, а он, вместо того чтобы поцеловать, лезет с нотациями. Опять бедной девушке все приходится делать самой!

И я целовала его, обнимала, чувствовала, как широкие ладони скользят по спине, как сильные руки обвивают, заключая в капкан, из которого не вырваться. И знала — он тоже соскучился, и правда перепугался, и места себе не находил все это время, и будь его воля — примчался бы сюда, наплевав на все на свете, но он думал обо мне, и о моей репутации, и о том, что сейчас она даже еще важнее, чем раньше. И совершенно не нужно было, чтобы он это рассказывал — только драгоценное время терять!

Я прижалась еще теснее, желая ощутить больше... и между нашими телами что-то сдавленно пискнуло.

Вздрогнув, я отстранилась, недоуменно воззрившись на Кьера. Примерещилось? Вроде бы галлюцинаций у меня не наблюдалось, ни зрительных, ни слуховых. Разве что на фоне прекращения лечения... «Вы знаете, доктор, когда я обнимаюсь с любовником, мне мерещатся чьи-то писки...»

Все это промелькнуло в голове за долю секунды, а герцог хлопнул себя по лбу и с возгласом «Чуть не забыл!» сунул руку за отворот сюртука и выудил оттуда котенка.

Комок белой шерсти с вытаращенными голубыми глазенками на широкой ладони умещался целиком, еще и места для прогулок хватало.

— Это что? — глупо спросила я, переводя взгляд с котенка на герцога, понимая, что даже ставить слова «котенок» и «герцог» в одном предложении мне странно.

— Бриллианты, — невозмутимо ответил Кьер. — Я знаю, что ты предпочитаешь мальчиков или девочек, но они, к сожалению, никак не влезли бы в карман.

Я снова посмотрела на котенка и теперь разглядела, что на голубой ленте вокруг мохнатой шеи покачивалась подвеска-капелька, усыпанная искрящейся крошкой. Я протянула ладони, и котенок, подозрительно принюхавшись для начала, затем отважно в них свалился.

Крохотный, невесомый почти и мягкий-мягкий, как перышко пуха. Боже правый, куда я его дену-то?

Котенок пискнул, сделал еще один самоуверенный шаг и плюхнулся в одеяло, отважно вгрызаясь в то место, где ему показалось, что-то шевельнулось.

— Не нравится? — уточнил Кьер. — Забрать?

— Вот еще! Это же даже лучше мальчиков! Я натаскаю его гадить Грею в служебные сапоги! Ну а бриллианты можешь и забрать... хотя нет! Чего тебе таскаться с такими тяжестями? Камни же...

Мой мужчина рассмеялся и сгреб меня в охапку, перетянув к себе на колени.

— Как ты себя чувствуешь? — Пальцы коснулись тонкой красноватой полоски шрама, самую капельку выглядывающего из волос.

— Нормально, — от надоевшего вопроса я отмахнулась. — Еще немного отдохну и через неделю буду как новенькая. Надеюсь, господину Трейту этого времени хватит, чтобы по мне соскучиться.

Кьер против ожидания шутки не поддержал, а даже наоборот — слегка помрачнел. Но промолчал.

— Что? — все же спросила я, заглянув ему в глаза.

— Мне неприятно, в свете случившегося, мысль о том, что ты вернешься в департамент, — честно отозвался герцог.

— И ты туда же. — В голосе против воли прорезалось раздражение. — Я никуда не лезла, никаких угрожающих моей жизни действий не совершала. Вероятность нового нападения на департамент не выше, чем возможность того, что меня расшибет насмерть пролетка с понесшей лошадь! Что ж теперь, из дома не выходить?

— Я промолчал, — спокойно напомнил Кьер. — Ты сама спросила.

Я фыркнула, мотнула головой и уткнулась носом ему в грудь, прячась. Вот коварный тип!

— Расскажи мне лучше, что там с этими самоучками, я тут уже неделю пребываю в неизвестности!

— Я больше не глава департамента, — напомнил герцог, поглаживая меня по спине.

— Ага, я так и поверю, что ты умыл руки и совершенно перестал интересоваться тем, что происходит во временно не твоей вотчине!

— Большую часть тех, кто атаковал департамент, удалось схватить прямо на месте, — Кьер не стал долго отпираться. — Еще нескольких поймали по горячим следам, ушли от правосудия немногим больше пары-тройки человек. Всего арестовано двадцать пять самоучек и один работник департамента. Нападение было таким сокрушительным, потому что им помогли изнутри. Парень устроился к нам не так давно — у него запечатали брата, который не сдал экзамены в магическую школу. Очевидно, для семьи это стало большой трагедией, и он выбрал такой способ... отомстить.

Мечь. Хороша мечь, когда от нее страдают невинные люди. Впрочем, весь ход истории на стороне самоучек — нет более эффективного способа привлечь внимание правителя к проблеме, чем кровопролитие.

— И что теперь?

— Для них — запечатывание, суд и каторга. Для остальных — массовый рейд-зачистка Карванона. Я оттягивал ее в поисках иного решения, а мой заместитель, думаю, тянуть не будет.

Я вздохнула. Департамент время от времени, конечно, отлавливал самоучек, если об их местонахождении удавалось узнать, но это проходило достаточно мирно и без особых потрясений для населения. Массовый рейд означал, что неблагополучные районы, где в основном прячутся самоучки, перетряхнут по кирпичику. Перепуганные маги брызнут из всех щелей, как крысы с тонущего корабля, и будет фактически не отлов, а битва. Огромная магическая битва.

Огромная... магическая...

— Кьер! — Я вскинулась, испуганно заглядывая герцогу в глаза. — Этого нельзя допустить!

Герцог недоуменно вскинул бровь.

— Живодер! Он же реагирует на всплески фона. Рейд создаст такие колебания, что он однозначно бросится убивать! Самоучки никуда не денутся, но магическая зачистка прямо сейчас — это фактическое обречение какого-то человека на смерть, а может, и не одного, потому что после такого фон и неделю может бунтовать. Мы уже очень близки к разгадке, нам нужно, может быть, совсем немного времени, чтобы найти его. Газеты и так все на ушах, если к магическим беспорядкам добавятся еще и убийства одно за другим — это же будет паника!

Кьер озадаченно потер лоб.

— Я не уверен, Эрилин, что могу что-либо сделать в данной ситуации. Я сейчас не тот человек, к чьему мнению его величество будет прислушиваться. Я, конечно, поговорю с господином Престоном, ныне исполняющим обязанности главы департамента, но твоя версия не является официальной версией отдела криминалистики, я не могу ее озвучивать в качестве аргумента.

Я закусила губу, глядя на него беспомощно. Что же делать? Просто сидеть и ждать? И цинично радоваться новым трупам, надеясь по ним отыскать убийцу? Да, было дело, я сама об этом шутила. Но одно дело знать, что убийство будет, только потому, что маньяк на свободе, а другое — самим его спровоцировать.

Кьер неожиданно провел пальцем по моему лбу, разглаживая морщинки, и поцеловал в переносицу.

— Я попробую. Не думай об этом. Лучше вообще ни о чем не думай, пока не поправишься.

В ногу вдруг впились мелкие коготки, я сдавленно шикнула, но подарок Кьера уже вскарабкался мне на колени, с чувством потоптался на них, смачно зевнул, демонстрируя мелкие острые зубки, и, свернувшись клубком, громко замурлыкал.

Тоже мне, семейная идиллия.

Сердце вдруг кольнуло иголкой страха — а вдруг его таинственный план не удастся? А вдруг короля не получится переубедить — что тогда?

Но задать этот вопрос я не осмелилась. Кьер просил верить ему, и я верила, просто... так не бывает! Со мной так не бывает. Чтобы счастье просто пришло и свалилось в руки — или, там, вломилось в окно, не суть!

Я никогда его не ждала, а теперь отчаянно боялась потерять.

Кьер поглаживал мою спину, пристроив подбородок на макушке, я чесала за ухом пушистому комку на коленях и, кажется, даже начала придремывать от разливающегося под кожей умиротворения, но тут вспомнила об еще одном вопросе.

— О чем вы беседовали с отцом?

— О тебе, конечно. Я же волновался!

— И только?

— Почему и только? Очень волновался!

Я фыркнула и куснула молчуна за шею.

— Умру от любопытства — будешь знать!

— Не умрешь. — Кьер провел ладонью по моей щеке, обхватил за шею и заставил отклониться, чтобы посмотреть в глаза. — Ты все узнаешь уже очень скоро. Потерпи, ладно, маленькая леди-дознатель?

Я только опустила ресницы. Ладно. Терпение — это, говорят, добродетель...

К моему величайшему сожалению, засиживаться (и залеживаться...) Кьер не стал. Я, конечно, поворчала на тему того, что последнее время все только и рады от меня избавиться, прикрываясь необходимостью предоставить мне отдых, но скрепя сердце проводила герцога до... окна.

И он уже почти скрылся в тени садовых деревьев, когда я спохватилась, что уже второй раз забываю кое-что очень важное.

— Кьер! — отчаянным шепотом крикнула я в ночную темноту.

Герцог замер, вскинул голову.

— Я тебя люблю.

Потом, невесть чего застеснявшись, я торопливо захлопнула окно, задвинула защелку и почти бегом вернулась в кровать.

А через день, утром, я получила письмо, в котором Кьер среди прочего сообщал, что не смог убедить господина Престона отложить рейд и он запланирован на ближайшую среду.

Среду?

Это же завтра!

Я нервно прошлась по комнате, хмурясь так, что снова заболела голова. С силой потерла лоб, пытаюсь сосредоточиться, что-то придумать. Мозг, так ясно мысливший несколько минут назад, теперь, когда он действительно понадобился, еле ворочался и как будто даже скрипел, отвыкнув от работы за две недели. Меня терзало отвратительное чувство, будто какая-то мысль вертится совсем рядом, но я не могу ее ухватить. Что-то в словах Кьера. Он что-то сказал такое...

Точно!

Я закусила губу. Поразмыслила несколько мгновений и принялась одеваться.

— Эрилин, зачем ты спускаешься? — голос маменьки зазвучал из столовой, еще пока я была на лестнице. — Марианна сейчас подаст тебе завтрак в постель. И почему ты одета? — этот возмущенный вопрос сорвался с ее губ, стоило мне показаться в дверях.

— Маменька, право слово, вы вгоняете меня в краску, — прошептала я, потупившись. — Леди не пристало появляться обнаженной в присутствии мужчин!

— Эрилин!!! Ты договоришься! Объяснись, будь любезна.

Я села за стол и потянулась за гренкой.

— Мне нужно съездить в департамент. Это не займет много времени.

— Дорогая моя, — произнес отец, перебив зарождающийся в груди матушки вопль, способный вынести стекла и побить бокалы, — я не думаю, что это разумно. Ты едва оправилась.

— Это очень важно, папа. Мне нужно просто поговорить с одним человеком, и я тут же вернусь. Никаких нагрузок на неокрепший организм, честное слово. Кто угодно из вас может сопровождать меня, если не верите на слово.

Я почувствовала, как за подол юбки что-то зацепилось, и котенок, безыскусно поименованный Пушком, принялся покорять очередную вершину. Прыгать эта мелочь даже не пыталась, но карабкалась всюду отменно.

Маменька наградила недовольным взглядом и его.

— И все-таки я не пойму, зачем ты его приволок!

Грей, на светлые братские чувства которого я недолго думая свалила появление животного в доме, одарил меня очередным ненавидящим взглядом и, с трудом расцепив сжатые челюсти, отозвался:

— Видите ли, маменька, я смел надеяться, что Эри привяжется к милому беззащитному, нуждающемуся в ее опеке существу и будет больше времени проводить дома.

— Для этого, мой дорогой, женщинам заводят детей, а не котят!

— Так то женщинам! А она — старая дева. У них котята, я узнавал.

Я только злобно прищурилась. Ах, мстишь! Ну мы посмотрим, чья месть будет страшнее. Я-то знаю, где у тебя лежат сапоги...

Спустя два часа я уже была возле здания департамента. Левое крыло его украшали леса, а привычный бульварный шум теперь разбавляли зычные голоса рабочих. На том месте, куда выходили окна криминалистического отдела, вообще в стене зияла дыра.

— Леди Рейвен, — вахтер на входе приподнялся. — Рад видеть вас в добром здравии.

— Благодарю. А...

— Ваш отдел на второй этаж временно перенесли, пока идут работы. Как подниметесь — направо и до конца коридора.

Я поблагодарила повторно и направилась на второй этаж.

— Леди Эрилин? — в один голос удивились коллеги, стоило мне толкнуть указанную дверь.

Они все, кроме Свена и Ричи, были здесь — в небольшом, по сравнению с несколькими комнатами отдела, помещении, заставленном коробками, судя по всему, с тем, что уцелело при нападении.

Я улыбнулась всем сразу, но прежде чем кто-то успел задать хоть один вопрос, перевела взгляд на господина Трейта, сидящего в углу за единственным свободным столом. Левая рука у первого криминалиста покоилась в перевязи, а на лице царило по обыкновению мрачное выражение.

— Мне нужно поговорить с вами.

— Похвальное трудовое рвение, леди Рейвен, но, по моим сведениям, вы не можете быть допущены до работы еще как минимум неделю.

Я пересекла кабинет и села на любезно подставленный алхимиком стул. Трейт открыл рот, но я его перебила:

— Живодер — это целитель с неправильно поставленной печатью. Дефект печати повлек за собой изменения в психике, из-за которых он и убивает. А провоцируют убийства крупные колебания магического фона, поэтому жизненно необходимо, чтобы вы убедили исполняющего обязанности главы департамента отложить рейд-зачистку. Вмешательство такого масштаба в столичный фон может толкнуть Живодера не на одно, а на массовые убийства.

Я произнесла все это четко, отдельно, бесстрастно, чувствуя в то же время, как внутри все звенит от напряжения. Что я делаю? Сама, по доброй воле отдаю все свои наработки Трейту, и он может делать с ними что хочет, приписать кому угодно, и — до свиданья, леди. Но я просто не могла поступить иначе, другого способа отсрочить облаву я не видела. Раз Кьер сказал, что он не может использовать то, что я узнала, поскольку моя версия не является официальной версией отдела, значит, надо сделать ее официальной версией отдела.

— Так... — медленно произнес первый криминалист, а остальные, кажется, даже перестали

дышать.

Признаться, я думала, что он с ходу возмутится, бросит что-то вроде «Что за ерунду вы городите, женщина?» — и придется долго и утомительно пытаться до него достучаться, но нет. Господин Трейт свел руки в замок и повторил:

— Так... — и, выдержав еще одну недолгую паузу, добавил: — Я вас слушаю, леди Рейвен.

Сглотнув пересохшим горлом и с усилием разжав вцепившиеся в юбку пальцы, я начала рассказывать. Про случайно просмотренную папку с архивным делом, про визит к старухе-ведьме, про поиск сведений о печатях и их создателе, про то, что рассказал профессор Дин, про визиты к артефакторам, на черный рынок и про письма, разосланные во все магические школы и университеты как нашей страны, так и соседней.

— Он должен быть среди тех, кто по каким-то причинам прекратил обучение, — проговорила я, остро чувствуя на себе взгляды всех присутствующих. — У него однозначно хорошо поставлена рука, а целителей не обучают индивидуально. Поэтому он просто обязан быть в одном из тех ответов, которые придут. Теперь, когда есть артефакт, а господин Гейл видел следы убийцы, достаточно будет просто нанести с ним визит подозреваемому, чтобы выяснить, он это или нет. Нам нужно совсем немного времени. Отложить рейд — и тогда есть шанс, что от руки Живодера больше никто не умрет.

Я замолчала. Тишина в кабинете стала такой плотной, что давила на уши. И вообще мне показалось, что я сейчас от нервного напряжения лишусь чувств, как обморочная девица.

— За прошлую неделю на имя леди Эрилин пришло еще три письма из университетов, — произнес вдруг Оррис. — Со всем случившимся было не до них.

Найджел Трейт вдруг поднялся, заставив подскочить и всех остальных, кроме меня. А что? Я леди, я болею, я устала, я эмоционально выжата и прощаюсь с карьерой — могу и посидеть!

— Оррис, возьми для сопровождения одного из боевых и наведишь профессора Дина, снимешь показания по всей форме. Можешь дать гарантию неприкосновенности, этот старый бес уже никому не нужен. Тарн, бери пришедшие списки — и к запечатанным. В первую очередь проверяй столичных, затем по мере удаления от города. Артефакт при тебе?

Господин Гейл кивнул.

— Отлично. Дорн, найдите связиста, срочные послания всем учебным заведениям, которые еще не ответили. Информация нужна немедленно! И дополнительные запросы в Форсию, с просьбой оказать поддержку дружественному государству. Я — к главе департамента.

Трейт вышел из-за стола и, когда я уже подумала, что меня он благополучно и с большим удовольствием выкинул из головы, повернулся в мою сторону.

— Леди Рейвен, дождитесь, будьте любезны, моего возвращения.

Я только кивнула, а весь отдел тут же сорвался с места — выполнять распоряжения, и я быстро осталась в кабинете одна.

Ждать пришлось недолго, не более получаса. Дверь распахнулась, Трейт влетел в кабинет, от души ею хлопнув, и у меня внутри все сжалось — неужели не получилось?..

Первый криминалист сел за свой стол, нервно побарабанил по нему пальцами, глядя в пустоту, а потом сфокусировал взгляд на мне, и вопрос, уже почти сорвавшийся с губ, так на них и застыл.

— Что ж, я поздравляю вас, леди Рейвен. Вы благополучно скрывали важнейшую информацию до того самого момента, когда уже больше ничего нельзя сделать!

— Простите? — изумилась я.

— Господин Престон сказал мне, что приказ уже подписан самим королем и не в его, господина Престона, силах этот приказ теперь оспаривать. А мне было высказано, что для того, чтобы поделиться с руководством своими наивысшими идеями, у меня было более чем достаточно времени, употребить с пользой которое мой отдел, к его величайшему сожалению, не сумел.

А-а. Ну все понятно. Одно начальство наорало на другое начальство, а самая виноватая во

всем этом, конечно, леди Эрилин, скромный криминалист. И как только департамент без такого козла отпущения все годы стоял?

— Мне жаль, господин Трейт, — холодно произнесла я. — Но если бесконечные оскорбления, недовольство и намеренное сование палок в колеса я бы еще стерпела, то присуждение моих заслуг другим специалистам — это был перебор с вашей стороны. И какое-либо желание делиться с вами своими находками отбили у меня вы сами, так что если вам угодно кого-то винить в нынешней ситуации — можете посмотреть в зеркало.

Брови Трейта взлетели — кажется, столь неприкрытого отпора и даже в какой-то степени хамства с моей стороны он не ожидал, но я сказала еще не все, что собиралась. И сегодня была намерена договорить:

— Если бы не призрачная возможность спасти человеческую жизнь, то я и сейчас ничего бы вам не рассказала, а довела бы дело до конца самостоятельно и самостоятельно нашла Живодера. И теперь вы понимаете, что это не просто бравада. И знаете, я могла бы сейчас просто из принципа отозвать договор на артефакт, потому что оформлен он на мое имя, как представителя господина Свифта. И бог знает сколько времени у вас заняли бы потом переговоры с ним... и получилось бы или нет прижать убийцу без этого артефакта. Но я не поступлю так, потому что у меня болит голова и я устала. И от вашего упрямого нежелания признать наличие у меня мозгов, и от всех ваших игр. Так что всего вам доброго, господин Трейт, и до встречи через неделю.

Я намеревалась подняться, но намерение это было прервано на корню грозным одергиванием:

— Сидеть!

Трейт сверлил меня не обещавшим ничего хорошего взглядом и едва ли не прошипел:

— Я вас, леди Рейвен, никуда не отпускал.

Что ж, прекрасно. Я смиренно сложила ладони и устремила на первого криминалиста взгляд столь же безмятежный, как лазурное небо над пшеничными полями в ясный летний день.

— Во-первых, если вы еще раз заговорите со мной в подобном тоне, вы будете уволены за суровое нарушение дисциплины и субординации. Вы, может быть, и леди, но здесь, в департаменте, имеет значение только занимаемая вами должность. Ясно?

— Да, господин Трейт, — пропела я ангельским голосом дебютантки.

— А во-вторых, вы проделали хорошую работу.

Очередное издевательски-кроткое «да, господин Трейт» застряло в горле, и я закашлялась. Криминалист хладнокровно дождался, пока я отдышусь, и продолжил:

— Только ради всего святого, не переспрашивайте. Я не собираюсь это повторять только для того, чтобы ублажить ваш слух и самолюбие. Я это сообщаю вам потому, что господин Престон все же не полностью проигнорировал мое прошение. В день рейда и в последующие за ним несколько ночей количество патрулей на улицах города будет увеличено втрое. К полиции подключится Карванонский полк. К патрулям так же присоединятся маги департамента и некоторые из свободно практикующих.

— Благодарю вас, — произнесла я вполне искренне.

— Не стоит. Я выполнял то, что требует моя должность. Как и вы. И вот теперь — всего доброго, леди Рейвен.

Трейт опустил глаза, взял чистый лист, обмакнул ручку в чернила и принялся что-то писать, уже не обращая на меня ни малейшего внимания.

Я лежала на кровати с холодной тряпкой на лбу и не могла спать, несмотря на то что часы не так давно пробили уже три ночи. Мутило, и печать зудела так, что хотелось ее выцарапать.

Начало рейда никто из запечатанных уж точно не пропустил. Такого бешенства магических потоков столица не наблюдала уже давно. Одно радовало — хотя бы запахи досюда не долетали, а то я, наверное, и без всяких усиливающих артефактов сошла бы с ума, несмотря на все способности к контролю состояния. Боюсь даже представить, что творится с теми, кто

находится ближе к эпицентру.

Я сдернула тряпку, встала, вышла в ванную комнату и склонилась над умывальником. Плеснула себе в лицо холодной воды.

Не полегчало. Чертова облава!

Я уже собиралась вернуться обратно в кровать, как дом содрогнулся от оглушительного стука в дверь.

На лестничную площадку я высунулась первой. Из комнаты родителей донеслись недоуменные восклицания, а стук повторился — здесь еще громче, с добавлением отчетливого:

— Леди Рейвен, откройте! Департамент по контролю применения магии!

Скрипнув, отворилась дверь родителей, и вышел отец — взъерошенный, сонный, в распахнутом халате. Он прошел мимо меня, бормоча под нос что-то очень похожее на проклятия, и, перегнувшись через перила, я увидела, как он открывает дверь и морщится от света фонарей в руках негаданных ночных посетителей.

— Какого черта, господа? — весьма дипломатично и крайне великосветски поинтересовался папенька.

— Лорд Рейвен? — уточнил один из вошедших в форменной куртке. — Приказ от господина Трейта, срочно сопроводить леди Рейвен в департамент. Совершено еще одно убийство, требуется ее присутствие.

Я так и знала!

Тот факт, что Трейта укусила какая-то муха и он решил все же привлечь меня к делу, сейчас не вызвал ни малейшего удивления, я испытывала только острую досаду. И ведь говорили, предупреждали. Усилили они патрули, а что толку? Каждый фут столицы не оцепишь. Да и я была готова поклясться, что если в благополучных районах светло как днем и мышь незамеченной не проскочит, то в бедняцких кварталах, переворошенных к тому же прошедшим рейдом, сейчас царил такой хаос, что Живодеру сплошное раздолье.

— Пять минут, — бросила я магу со второго этажа и побежала одеваться.

Трейт подждал меня у самых дверей в департамент, и в руках он держал артефакт Джейн с его сбруей. Не тратя времени на приветствия, он протянул его мне и отрывисто приказал:

— Воспользуйтесь ближайшим кабинетом.

Я приняла его молча и скрылась за первой попавшейся дверью.

Трейт решил доверить мне осмотр места убийства? Мне? Не то чтобы я возражала, но как-то это совершенно не вязалось со сложившимися между нами отношениями. Да, он признал за мной некоторые заслуги, но я была далека от мысли, что отныне и впредь первый криминалист будет вести себя корректно.

Облачение не заняло много времени — в спешке я без раздумий проигнорировала корсет, что теперь оказалось весьма кстати.

Стоило мне показаться в холле, как Трейт тут же вышел, заставляя меня почти перейти на бег, чтобы за ним поспеть. Впрочем, у департаментской кареты первый криминалист остановился, дождался меня, кривя губы, и подал руку. От такой неслыханной галантности я чуть не наступила на собственную юбку.

— Куда мы едем? — спросила я, когда карета тронулась с места.

— В Красный округ. Тарн уже там. Если поторопимся, то, возможно, удастся скрыть очередное убийство от журналистов. Отсрочить все до момента, когда Живодер будет найден.

Мое недоумение только усилилось. Если Тарн уже на месте, то зачем ему понадобилась еще и я? И, поколебавшись немного, я все же озвучила этот вопрос.

Трейт смерил меня ледяным взглядом:

— Вы бы, конечно, предпочли остаться в вашей теплой пуховой постели? Может, вас высадить?

— Если бы я предпочитала оставаться в постели, я бы не пошла работать криминалистом, — терпеливо парировала я.

— Я просто хочу, чтобы представление о следах убийцы имел не один-единственный специалист департамента. Ричард и Дорн в этом вопросе некомпетентны. Оррис — не маг, я — тоже, Свен — недоступен. Остаетесь только вы. — Он помолчал немного и добавил: — Как это ни прискорбно...

Мне почему-то с трудом удалось сдержать смех, и я отвернулась, стараясь не слишком кривить губы в улыбке.

Улица была оцеплена.

— Тело заметил один из наших магов, поэтому удалось перекрыть место преступления под видом остаточных рейдовых проверок, — бросил Трейт через плечо, когда мы миновали слабо мигнувший магический заслон. — Он сразу сообщил мне, и поэтому удалось перескочить через стандартные процедуры с вызовом полиции и последующим смакованием нашей провальной работы во всех газетенках.

Фигуру Тарна Гейла я заметила издалека. Коллега курил, прислонившись к кирпичной стене завода. При нашем появлении он выпрямился и кивнул на темный провал между этой стеной и следующей, почти неотличимой.

— Мужчина, возраст около сорока, фактически разорвано горло. Что именно убийца вырезал, так, на глазок не скажешь, — сухо отчитался криминалист. — Работал в этот раз неаккуратно, видно, что спешил, как с тем утопленником. В остальном как всегда — никаких следов.

— Работайте, леди Рейвен, — сухо бросил Трейт, и я нырнула пальцами в ворот блузки, чтобы активировать усилитель, но Тарн вдруг перехватил мою руку.

— Вы уверены, что справитесь? Вы еще больны, а с фоном сейчас творится невообразимое, одно из гнезд самоучек нашли в паре сотен футов, и там все не успокоится еще неделю.

— Спасибо, — тепло поблагодарила я его за заботу. — Я справлюсь. А если вы увидите, что нет, просто отключите артефакт.

Набрав в грудь побольше воздуха, как перед прыжком в воду, я коснулась активирующей руны на пережимающем плечо ремешке.

Мир взорвался. Я ослепла и оглохла под лавиной нахлынувших ощущений. Зажмурилась, но все равно покачнулась и едва не упала — меня спасла только кем-то вовремя подставленная рука. Запахи наслаивались друг на друга, и вычленишь из них какой-то один было невозможно. И стало ясно, что следы убийцы на нюх я точно не определю, придется смотреть.

Я поднимала ресницы медленно, постепенно погружаясь в буйствующее многоцветие красок. Глаза тут же заслезились, от вони — а десятки магических запахов, сливаясь в один, превращались именно в вонь — кружилась голова. Не хватало воздуха, сердце колотилось как бешеное. Я вглядывалась в труп перед собой так, будто хотела поднять его силой мысли, и наконец увидела.

Легкая, невесомая сиреневая дымка. Почти прозрачная, почти сливающаяся с фоном. Почти. Она окутывала голову и шею убитого, тянулась шлейфом мимо него к выходу из тупика, мерцала под нашими ногами и чуть дальше.

На неверных ногах я пошла за ней, как за путеводной нитью, отчаянно надеясь, а вдруг на этот раз получится? Вдруг она выведет нас к нему?

След уперся в буйство фона на том месте, где раньше располагалось гнездо самоучек, и там растаял без следа, затерявшись в мешанине потоков.

Дрожащими пальцами я пробралась под ткань блузки и выключила артефакт.

— Оборвался, — зачем-то пояснила я, тяжело опираясь на поддерживающего меня Тарна.

Гордость требовала отринуть помощь, и вообще — что это за манера виснуть на чужом мужчине? — но сил на это отчего-то совершенно не было. Выпусти меня коллега сейчас, я бы

просто сползла на мостовую и так там бы и осталась.

— Рассмотрели? Запомнили? — на всякий случай уточнил Трейт.

— Рассмотрела. Запомнила.

— Тогда возвращайтесь домой. Возьмите карету департамента, пришлете ее потом обратно. Мы пока закончим здесь.

Я неуверенно коснулась плеча, где под пальто и блузкой скрывался артефакт — как я его вытащу-то здесь? Но первый криминалист только дернул уголком губ.

— Пусть остается с вами сегодня, завтра я за ним кого-нибудь пришлю. Свободны.

С некоторым усилием я все же выпустила плотное сукно куртки коллеги под пальцами и побрела обратно, туда, где за магической границей остался экипаж.

Больше убийств не было.

Несмотря на то что фон бушевал еще три дня, Живодер на охоту больше не выходил. По крайней мере, новых трупов обнаружено не было. Так что либо моя теория оказалась лишь теорией, либо он научился их прятать. И в данной ситуации мне больше нравилось думать, что я просто ошибалась в своих предположениях.

Завтра мне предстояло к всеобщему вящему неудовольствию выходить на работу, и все утро за завтраком маменька смотрела на меня с парадоксальной смесью мольбы и возмущения. Взгляд этот ей сегодня особенно удавался, поэтому я уже собиралась с тяжким вздохом открыть рот и попросить ее унять лучи агрессии в мою сторону, когда в столовую вошла Марианна.

— Вам письмо, леди Эрилин, прибыло магической почтой.

Магической? Кьер?..

Я почти выхватила послание у горничной, но почти сразу меня постигло разочарование: отчетливо женский почерк принадлежал перу Джейн Свифт.

Разочарованию этому, правда, недолго было длиться, потому что уже через час я, тяжело дыша, взлетела по ступенькам профессорского дома на Университетской улице, будто бежала досюда пешком, а не воспользовалась пролеткой. Но сердце возбужденно билось, и соблюдать невозмутимость удавалось с трудом.

Распахнувшая мне дверь Джейн сияла. Глаза ее горели, щеки пылали, грудь, совсем как у меня, часто вздымалась под тканью знакомого клетчатого платья.

— У меня получилось, Эрилин! Получилось! — сообщила она, продублировав кривые и косые строчки собственного письма, и схватила меня за руки, будто собиралась утянуть в кружащемся танце.

Глядя на это почти слепящее счастье, я даже немного поуспокоилась сама, правда, теперь не могла сдержать улыбку.

— Это я уже поняла, — проговорила я, сжимая в ответ теплые ладони. — Покажешь? Расскажешь?

— О-о-о, я просто сама себе не верю! — Она почти вприпрыжку поскакала в подвал. — Меня вчера осенило! Что я все это время пыталась применять техники, которые используют маги, чтобы избавиться от излишков энергии, мне казалось, это логично — они же работают и наполняют резервуар! А на самом деле! О-о-о, на самом деле все намного проще!

Когда я спустилась по лестнице, Джейн уже была в мастерской, и ее голос доносился глухо, но не менее возбужденно.

— Надо было просто сделать наоборот! Чтобы не маг отдавал, а резервуар забирал! Тогда не нужна никакая подготовка!

Я закрыла за собой распахнутую дверь и с интересом воззрилась на крупную металлическую...

Больше всего это походило на урну. Массивную, испещренную многочисленными знаками урну. Только с намертво запаянной крышкой, вдоль которой солнышком расходились короткие лучи-бороздки. Некоторые из них сейчас светились бледно-зеленым цветом.

— Пришлось покопаться в книгах, но я нашла! Я же помнила, что где-то читала об этом краем глаза! Раньше для того, чтобы очищать территории от масштабных заклинаний, особенно после боевых действий, использовали специальный артефакт. Он как бы высасывал из окружающего пространства всю магию. Но от него потом отказались, потому что, во-первых, не могли придумать, как ограничить его работу, и если поблизости оказывался какой-то маг, то он мог просто умереть. А во-вторых, артефакт высасывал магию до такой степени, что в фоне образовывались дыры, которые потом затягивались крайне медленно, создавая мертвые зоны, где магия вообще не работала. И я читала про него как раз не так давно! В журнале писали, что затянулась последняя такая дыра, на севере Ланланда.

Смысл того, что Джейн с таким рвением мне щебетала, устаканивался в голове не сразу, но я честно старалась внять, по-прежнему улыбаясь. Без улыбки смотреть на это счастливое лицо было невозможно.

— Но ведь ограничители в артефактике придумали уже давно. Так что эта проблема абсолютно решаема, а вторая... мне же не нужно, чтобы магия вытягивалась из пространства, мне нужна магия, содержащаяся в человеческом теле. И вот я добавила ограничитель по силе потока — то есть выкачка энергии прекратится, когда этой самой энергии в теле останутся лишь крохи и поток ослабнет. А потом установила реакцию на тепло тела плюс двойную активацию.

Глядя, как недоуменно сошлись мои брови, Джейн пояснила:

— То есть за резервуар нужно взяться двумя руками. И все.

— И все?

— Да. Мы уже проверили это сегодня утром на отце. Если положить руки на руны активации, то начнется выкачка магии через прикосновение. Она прекратится, либо если маг уберет руки, либо когда поток иссякнет. А вот эти светящиеся полоски показывают степень наполненности резервуара: полностью светящийся крут — резервуар полон.

— А дальше...

— А дальше его достаточно подсоединить к любому двигателю, и все остальное регулируется просто рунами активации. Магия работает точно так же, как механическая или паровая сила. Только она куда более рациональна в использовании. По крайней мере, согласно моим расчетам... они у меня все здесь. — Джейн сунула мне в руки уже знакомую папку, толстенную, потрепанную, но содержащую в себе невероятное сокровище.

Механизмы, работающие на магии. Стравливание магической энергии без малейших усилий и долгого, сложного обучения. И это придумала едва перешагнувшая совершеннолетие, беззаботная девочка. Вот вам и юный, незашоренный взгляд на мир.

— Джейн, я могу взять это? Я хочу показать герцогу Тайринскому. Ты же знаешь, он глава департамента по контролю магии. Для нашей отрасли твоё открытие имеет первостепенное значение. И я уверена, что он сделает все, чтобы ты получила патент.

— Да! Конечно! — Глаза изобретательницы засияли пуще прежнего, хотя, казалось, куда бы. — Я сама мечтала о том, чтобы представить доклад его светлости, но мне неловко было просить Томаса, он и так столько для меня делает. И не хотелось, чтобы он думал, будто я им воспользовалась...

Она покраснела, и я едва сдержала отчетливо снисходительное хмыканье. Моя дорогая, Томас для тебя луну с неба достанет, даже не задумываясь, в отличие от старшего брата, что тебе негде ее складировать...

Ничего, разберутся детки!

— Отлично. Только мы сделаем так. — Я раскрыла папку и положила ее на стол. — Ты сейчас выбери отсюда все, что является ключевым. Важнейшие расчеты, конкретные комбинации рун, еще что там, я не знаю, что может быть восстановлено и использовано в обход тебя.

Джейн посмотрела на меня с сомнением.

— Вы думаете, что герцог может...

— Я уверена, что герцог никогда так не поступит. Но я не знаю, кому для решения вопроса ему нужно будет показать эти выкладки. И мне будет спокойнее, если пока что все самое важное останется при тебе.

— Хорошо. — Джейн кивнула и принялась вдумчиво сортировать бумаги, время от времени откладывая в сторону некоторые из них.

А спустя три часа (без праздничного чая с коньяком меня не отпустили) я уже ворвалась в кабинет Кьера в герцогском особняке.

— Эрилин? — удивился мой мужчина, когда я стремительно пересекла комнату и шлепнула перед ним папку. — Что это?

— Изучай, — коротко ответила я, опускаясь в кресло, и поерзала, устраиваясь удобнее. — Изучай-изучай, — поторопила, видя, что Кьер с этим не спешит, а потом решила подсластить пиллюлю: — Тебе понравится!

Герцог вздохнул, бросил на меня недовольный взгляд и уткнулся в первую страницу.

И мне даже было немного жаль, что Джейн нет сейчас рядом, чтобы увидеть, как изумленно поползли вверх брови одной из первых фигур королевства (правда, временно отстраненной от первенства). Ну ничего, я этим зрелищем за двоих насладилась!

— Кто?.. — начал Кьер, остановившись примерно на середине, кажется, картина уже полностью сложилась в его голове, а ответов на возникшие вопросы бумага дать не могла. — Где ты?.. Как вообще?..

— Имя изобретателя — Джейн Свифт. Дочь профессора Свифта и возлюбленная твоего брата, но если что, я тебе этого не говорила! Про брата, не про профессора!

Кьер мотнул головой и провел рукой по лбу, отбрасывая волосы.

— А Томас-то тут при чем?

— Как при чем? Он принимал непосредственное участие в процессе! Может быть, даже вдохновлял... впрочем, об этом судить не берусь.

— Стоп. У меня от тебя голова кругом, — выдохнул герцог, откинулся на спинку стула и похлопал себя по бедру. — Иди сюда.

— Бить будешь? — опасливо уточнила я.

Кьер вскинул бровь, и я, прекратив дурачиться, променяла мягкое кресло на жесткие, но отчего-то все равно куда более удобные герцогские колени.

Когда я с удобством устроилась, герцог снова протянул руку к раскрытой папке и бегло пролистал оставшиеся бумаги.

— А где патент?

— Нету патента, — по-простецки отозвалась я и развела руками. — Дамам-с патент не положен. У дам-с, как полагают работники патентной палаты, мозгов не имеется в достаточном количестве, чтобы артефактные разработки патентовать.

Кьер слегка шлепнул меня по бедру, чтобы перестала кривляться, когда речь о серьезных вопросах идет, и я мстительно куснула его за подбородок. Правда, не удержавшись, почти сразу приласкала укус поцелуем и кривляться все же перестала. И теперь, когда в общем и целом герцог понял, по какой причине я к нему сегодня ворвалась, взяла разговор в свои руки.

— Смотри, — я раскрыла перед ним большой лист в самом начале, с панорамной схемой магического двигателя, которую Джейн нарисовала то ли для красоты, то ли для демонстрации непосвященной публике, ибо важных деталей она была лишена. — Вот это, — я ткнула пальцем в изображение резервуара, — уже вторая, дополненная версия магического накопителя. Первую мог наполнить только опытный, уже обученный техникам стравливания энергии маг. И именно эту разработку патентная палата не стала даже смотреть. Я подозреваю, они даже не глянули, что там, в бумагах, потому как проморгать новый вид двигателя — в разы мощнее и экономичнее парового — это надо было суметь. И мне пришлось

буквально трясти бедную девочку, чтобы дать ей понять, что это — гениально. Что миру нужна ее разработка. И что если она доведет ее до ума, то способна этот самый мир изменить. И ты знаешь что? Она довела накопитель до ума за какой-то месяц! Ей всего-то и потребовалось чуть-чуть веры в нее хоть от кого-то. Ты представляешь, на что она будет способна, если создать ей условия?

Кьер продолжал разглядывать бумаги, едва ощутимо поглаживая меня по спине.

— Может, и ни на что. Может быть, это ее потолок, — спокойно произнес он, не проникнувшись моим энтузиазмом, от которого явно пахло пулистскими лозунгами. — Но этого действительно достаточно для того, чтобы она уже оставила свой след в истории.

Он помолчал немного и перевел взгляд с папки на меня.

— Давай проясним, правильно ли я понял. Ее двигатель работает исключительно на магической энергии, так?

Я кивнула.

— Магическая энергия собирается в накопителе. А накопитель может наполнять любой, совершенно любой человек с открытым «окном». Верно? Не имея абсолютно никаких знаний и умений в области контроля дара.

— Все так, — подтвердила я и, не утерпев, спросила сама: — Ты же понимаешь, что это значит? Магам больше не нужно будет тратить первые годы на тяжелое обучение страиванию излишков энергии! Ведь это главная проблема сейчас в обучении магов! Можно расширить набор в магические школы, брать почти всех подряд, всех желающих, как того хотят самоучки! Те, у кого нет способностей, в итоге отсеются сами, не в силах постигнуть сложности построения заклинаний и управления потоками. Останутся лучшие. На самом деле лучшие! А не лучшие из тех, кто рискнул своим даром. А те, у кого не получилось, могут сами выбирать — печать или пожизненное страивание энергии. Которая теперь, между прочим, пойдет в дело, а не рассеется впустую! Обучение магии станет доступным, самоучки просто исчезнут как класс. Исчезнет угроза срыва. И...

— Я понимаю, Эрилин, — перебил меня Кьер. — Я все прекрасно понимаю. Но действовать здесь будет нужно с большой осторожностью. Все же тот факт, что изобретатель — девушка, да еще и столь юная, осложняет задачу. Впрочем, я знаю абсолютно точно, что именно я сделаю с этими бумагами.

В его голосе мелькнули хищные и даже какие-то предвкушающие нотки, и глаза недобро сверкнули. Не предполагая, что это может значить, я решила уточнить:

— И что же?

— Для начала надо будет все же выбить для госпожи Свифт патент, но при этом так, чтобы не создать вокруг ее изобретения шумиху, — отозвался герцог совершенно спокойно, и я даже подумала, что секунду назад коварный тон мне примерещился.

— Отказ они не глядя ляпнули, может, и патент не глядя подпишут, — буркнула я, все еще надеясь на кару на головы проклятых бюрократов. Если не герцогскую, то хотя бы небесную!

— Может, — согласился Кьер. — По крайней мере, пока не попробуешь — не узнаешь. А теперь, моя дорогая, проясни-ка мне, пожалуйста... при чем тут все-таки Томас?!

Домой я вернулась уже ближе к ужину, все-таки отыскав в закромах души капельку совести, и даже немного оскорбилась, когда мне никто ничего не сказал. Даже маменька упустила такой шанс напомнить дочери о ее благодарности и неразумности. Мое появление в гостиной было встречено дружным хором приветствий, и ни слова упрека. Я села на диван и уже намеревалась поинтересоваться, что случилось с уважаемым семейством, но отец меня опередил.

Он поднялся, обвел нас всех внимательным взглядом, остановил его на маменьке и произнес:

— Амелия, душа моя. Мне крайне неловко признаваться в этом, но боюсь, что в ближайшее время тебе предстоит немало хлопот из-за некоторых моих весьма опрометчивых финансовых махинаций...

Маменька всплеснула руками, выронив незаконченное рукоделие. На лице ее отразилась паника. Даже я напряглась. Что это значит? Отец не рассчитал и крупно потратился? Дела плохи? Мы вынуждены отказаться от этого дома? Вернуться в поместье?

— Мы вынуждены отказаться от этого дома, — произнес отец, вторя моим мыслям, помолчал немного и закончил: — Потому что я купил новый. Переезд, обустройство... и боюсь, моя дорогая, что мы будем просто вынуждены расширить штат прислуги! Столько хлопот, столько хлопот...

В гостиной повисла тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в камине, но спустя доли секунды ее пререзал возмущенный вопль:

— Лорд Рейвен! Вы!.. Вы!.. Да как вы могли! У меня же нервы, у меня же сердце!.. Сядьте, бога ради, сядьте и расскажите нам уже все. Ах, ну откуда, откуда у вас, мой дорогой, такая тяга к театральщине?! Это же просто бессердечно!..

И отец сел. И рассказал. Что к нему обратился один человек, предложивший сделку. Человек, наслышанный о финансовых талантах старого виконта, пожелал, чтобы виконт распорядился всем свободным капиталом так, как посчитает нужным, а взамен — очень просто и справедливо — получал процент с прибыли. Учитывая, что свободные капиталы у этого человека более чем внушительные, а нюх на выгоду у старого виконта с годами в практически нищете сделался только острее, за короткий срок он сделал на бирже столько, что теперь мог обеспечить своей семье достойное существование, что и поспешил сделать.

— Но кто, мой милый, милый виконт? — спросила маменька, утирая слезы платочком. Слезы утираться не хотели и лились, лились, лились...

Отец перевел взгляд на меня и ответил то, что я уже и так знала:

— Герцог Тайринский.

Роль 17

ВЕРНЫЙ ПОДДАННЫЙ

Просыпаться на новом месте было странно. Я сама удивилась, насколько успела сжиться с маленьким особняком на Молочной улице, и действительно считала его домом, несмотря на то что это было всего лишь съемное жилье.

Хотя новый дом роду Рейвен соответствовал куда больше.

Ему, конечно, далеко было до роскошных особняков высшего дворянства, но старое здание почти в самом центре города выглядело прекрасно. Небольшое, но солидное и представительное, с настоящим садом, а не маленьким озелененным двориком, с высокой массивной дверью и тяжелым посеребренным кольцом на ней. И даже от пылинок, кружащихся в воздухе, исходил дух родового гнезда. Хотя маменька утверждала, что от пылинок исходил совершенно иной дух. И Марианна, скоро повышенная до экономки, теперь заставляла двух горничных полировать все поверхности до слепящего блеска.

Я никогда не видела матушку такой счастливой.

Она помолодела на десять лет и порхала теперь, как вечно юная фея из старых легенд, и уже неделю мы не слышали про капли знаменитого доктора Вифля. Глядя на нее, помолодел и отец. Он хоть и поглядывал на суету виконтессы со снисходительной усмешкой поверх очков, но чувствовалось, что безмерно счастлив дать наконец жене то, чего она по его вине лишилась, и то, что положено ей по праву.

Я не удержалась и в тот же вечер, когда была объявлена сногшибательная новость, наведалась к нему в кабинет, где за запертой дверью потребовала мне все рассказать. Отец только улыбнулся.

— Ты знаешь, Эрилин, а герцог очень умный человек. Я ведь хотел отказаться от его предложения. Сделал бы он его, если бы не хотел жениться на моей дочери? Очень сомневаюсь. Нет, не мои финансовые таланты его привлекли, а желание обладать тем, что пока что мне принадлежит. И я сказал ему «нет». Тогда его светлость попросил меня прочитать предлагаемый контракт. Просто прочитать. И ты знаешь что? Контракт был составлен по всем правилам. По всем правилам, Эри. Включая гигантские неустойки на тот случай, если из-за моего неразумного управления герцог понесет значительные убытки. И вот тогда-то я не удержался... да и... как я мог все же упустить возможность сделать сразу двух моих любимых женщин счастливыми?..

Кьеру я о переезде сообщила мимоходом и заострять на этом внимание не стала. Он и без того выглядел таким довольным, что хотелось покусать. Просто так, из вредности. Впрочем, я и покусала, искренне наслаждаясь вкусом его кожи, силой мышц под зубами, губами и языком, и тем, что последовало за этими самыми укусами.

А вот на работе все шло обыкновенно уныло и безрадостно. Единственным положительным моментом могло считаться только то, что наш отдел отремонтировали. Вот только лаборатория оказалась совсем загублена, полное восстановление займет еще неизвестно какой срок, множество ценных и не очень бумаг уничтожено. Не осталось даже старых отчетов, за разбором которых я медитировала, когда нечем было заняться.

Мы с Тарном обошли всех запечатанных из присланных университетами списков, включая даже тех, кто жил не в Карваноне. Включая тех, кого я уже обходила после беседы с артефакторами. Ни один из них не являлся обладателем следа Живодера. Ни один из них в принципе не оставлял никакой магический след.

Надежда еще теплилась, поскольку до сих пор не пришел ответ от двух университетов. И дружественное государство таинственно молчало, не отвечая даже на магические послания с жаркой просьбой поторопиться. Впрочем, форсийцы всегда были легкомысленны и безалаберны...

Об этом я размышляла утром, направляясь к отделу, когда меня окликнули. Парень-посыльный сунул мне в руки несколько писем: «Почта только что была, примете, леди Рейвен?» — и, не дожидаясь ответа, исчез, будто за ним полиция гналась.

И первое же письмо притянуло мой взгляд вычурной, будто позолоченной печатью с гербом и надписью — Форсийский университет магических наук. Я не утерпела, взломала печать тут же

и жадно вчиталась в строки письма. А потом так и застыла, не веря своим глазам.

Впервые я увидела знакомое имя. Очень знакомое имя.

Я еще раз перечитала и все письмо, и короткие строчки списка. «Оставил обучение по собственному желанию...»

По собственному желанию.

Я стояла, и смотрела, и думала. Что-то внутри протестовало: «Быть этого не может», но разум упорно твердил — очень даже может, почему нет. Более того, если подумать, то можно и припомнить несколько занятных совпадений.

От «занятности» этих совпадений у меня по позвоночнику пробежала дрожь, а пальцы заледенели. Может. Еще как может быть.

Так. Спокойно, Эрилин. Это просто подозреваемый. Как десятки других, к которым ты уже наведывалась, не испытывая ни малейших сомнений, страхов и волнений. И то, что этот человек тебе знаком, не значит ровным счетом ничего. А вот другая деталь имеет значение.

Сообразив внезапно, что проходящие мимо уже начинают бросать на меня, стоящую посреди коридора с письмом в руке, недоуменные взгляды, я убрала лист обратно в конверт и продолжила путь в отдел.

В секретариате никого не было, но за стеной слышались негромкие голоса коллег.

Сказать им? Стоит ли?

Я неторопливо стягивала с себя верхнюю одежду, все еще терзаемая мучительными размышлениями. Мне было жутко от того, как легко конкретный образ вставал в картину совершенных преступлений. Как мелкие детальки с легким воображаемым щелчком занимали каждая свое место и смотрелись там донельзя гармонично. До ужаса гармонично.

Если до сих пор я без особых сомнений стучалась в дома людей из списков одна или в компании Тарна, то сейчас я вдруг поняла, что идти туда одной мне страшно. Страшно до шевелящихся на голове волос. Чувство самосохранения требовало взять с собой сразу пару-тройку боевых магов, поднять по тревоге весь отдел и чуть ли не оцепить город, но...

А вдруг я ошибаюсь?

Если это просто игра воображения и все ужасы мне кажутся, просто потому, что я знаю это чертовое имя на этой чертовой бумажке.

Будет такой скандал, который ни мне не простят, ни я сама себе не прощу.

Нет, надо действовать иначе.

Я решительно натянула только что снятое пальто и поспешила в кабинет к господину Трейту.

— Мне нужен усилитель.

Артефакт Трейт хранил теперь в своем сейфе, куда мы возвращали его всякий раз после обхода. И выдавал он его с такой неохотой, будто мы с ним игрались, а не работали. Правда, весь этот спектакль с «зачем он вам, леди Рейвен?» разыгрывался всякий раз только для меня.

— Зачем он вам, леди Рейвен? — привычно пробубнил Трейт, продублировав скрипучий голос, отзвучавший в моей голове.

— Пришел новый список. В Карваноне есть еще один запечатанный целитель.

Трейт смерил меня таким недовольным взглядом, будто я у него эту вещь от сердца отрывала, и с нечленораздельным ворчаньем извлек артефакт из недр сейфа.

— Поторопитесь, леди, во второй половине дня артефакт будет нужен здесь.

Зачем — он, естественно, не сказал. Возможно, и незачем. Но это было уже совершенно не важно.

Я надела усилитель в уборной и покинула департамент, выглядывая долговязую и темную фигуру Стивенсона еще на ступеньках.

— Держитесь рядом, пожалуйста, — попросила я, когда охранник, уловив ищущий взгляд, возник передо мной, как по волшебству. — И будьте очень внимательны.

— Я всегда внимателен, леди, — слегка оскорбился Стивенсон, сверкнув глазами.

Кивнув, я махнула рукой, подзывая пролетку, а через четверть часа, чувствуя, как вспотели под перчатками ладони, постучала кольцом о тяжелую дверь особняка Трея Лоули, графа Грайнема.

— Леди Эрилин Рейвен, — сдержанно бросила я дворецкому, и тот проводил меня в уже знакомую гостиную.

Граф не заставил себя ждать. Он вошел в комнату стремительно, без следа давешней хромоты и даже сдержанно улыбнулся, отчего мне тут же сделалось до отвращения неловко. Этот человек был в моем доме, поддержал меня в трудную минуту, я собственными глазами видела, как он убивался над смертью Арчи Оллина... а сейчас я его подозреваю в хладнокровном убийстве почти десятка людей? Включая его товарища?

— Леди Эрилин! Неожиданный, признаться, визит, — проговорил он и напоролся взглядом на моего охранника, пристроившегося позади.

— Господин Стивенсон, — бегло заметила я, — сопровождает меня по приказу его светлости.

— Его светлость совершенно правы, — невозмутимо отозвался Грайнем. — Герцогские сокровища надлежит всячески беречь. Я могу поздравить вас с расторжением помолвки, милая леди?

— Вы отвратительно бестактны.

— Какое счастье, что для вас это не новость. Прошу, присаживайтесь же. Чаю?

— Не стоит.

Мой ответ, Грайнема, кажется, слегка удивил, но настаивать он не стал, устроился удобнее и откинулся на спинку дивана, забросив на нее руку. А я... отрывисто выдохнув, повела ладонью по шее, будто отводила с нее щекочущий волосок, и незаметно приласкала руны активации усилителя.

Нечего тянуть — чай распивать.

— Так чем же я обязан?..

Запах конфет и плесени. Два абсолютно несочетаемых аромата. Тонких, на грани восприятия даже с десятикратным усилением, но совершенно отчетливых. И — у меня внутри все сжалось в тяжелый ледяной ком — легкая, невесомая сиреневая дымка. Слегка мерцающая.

Не оставляющая ни малейших сомнений.

— Простите?.. — Я выключила артефакт и с некоторым трудом шевельнула языком в пересохшем рту.

— Я спрашивал... — Граф выпрямился и подался вперед с обеспокоенным выражением лица. — Вам нехорошо? Вы как-то побледнели.

— Нет, со мной все в порядке, — все еще с усилием произнесла я, слегка повернула голову в сторону Стивенсона, жалея, что не могу на него посмотреть, а потом медленно перевела взгляд на... убийцу. — Скажите, лорд Грайнем, кто и при каких обстоятельствах поставил вам печать?

В зеленых глазах в первую очередь мелькнуло недоумение, даже брови взлетели вверх. А потом он понял.

И улыбнулся.

Он не попытался разыграть изумление. Не испугался. Не разозлился. Нет. Улыбнулся.

Я обмерла, даже сердце, кажется, на мгновение остановилось. И над ухом должен был вот-вот прозвучать щелчок затвора, а может, даже и громыхнуть выстрел, опережая попытку бегства или нападения.

Но ничего не происходило. Грайнем сидел как сидел — рука вольготна на спинке дивана — и просто смотрел на меня с этой совершенно жуткой, потому что она не вписывалась в мои представления о его реакции, улыбкой на губах.

— С чаем это я, пожалуй, правда был не прав, — медленно и раздельно произнес он, не отрывая от меня взгляда. — Тут нужно что покрепче.

— Трей Лоули, лорд Грайнем, вы арестованы по подозрению в убийстве девяти человек. Предупреждаю, что при попытке бегства мы имеем право стрелять на поражение, а также уведомляю, что содействие следствию может способствовать смягчению вердикта в случае обвинительного приговора.

Я впервые проговаривала эти слова в реальной жизни. Не вслух над учебником, не строгому преподавателю, а вот так — глядя в глаза преступнику. Человеку, который еще час назад был для меня просто хорошим знакомым. Грубоватым, но с понятиями о чести и достоинстве. Боже, да сложись жизнь хоть чуточку иначе, маменька меня за него уже просватала бы!

От этой дикой, неуместной мысли я чуточку пришла в себя и сунула руку в сумочку, извлекая из нее наручники. Вот уж незаменимый аксессуар каждой приличной леди.

Судя по тому, как искривились в ухмылке губы графа, он подумал о том же, но продолжал сидеть без движения и сейчас, и тогда, когда я не глядя протянула наручники Стивенсону. И только когда мой охранник приблизился, Грайнем пошевелился — выпрямился и спокойно протянул руки, позволяя защелкнуть на запястьях браслеты с окаемкой рун, запирающих магию.

Я перевела взгляд на охранника.

— Мне нужно отправить послание в департамент. Не спускай с него глаз.

— Да, миледи.

— Секретер там. — Граф любезно кивнул головой в угол, и меня снова остро кольнуло чувство неправильности, нереальности происходящего. Все не так! Все должно быть не так!

Почему он ведет себя так, будто даже рад, что я явилась его арестовывать? Почему?

Я торопливо нацарапала послание господину Трейту, запечатала его расплавленным над свечой сургучом и вышла из гостиной. Мальчишку-посыльного удалось поймать быстро, я сунула ему монету, пообещала, что если он домчит это послание до департамента как можно быстрее, то получит еще столько же, и некоторое время стояла на ступеньках, наблюдая, как он воодушевленно улепetyвает. Возвращаться не хотелось.

До конца поверить не получалось. Как? Как такое возможно?

Впрочем, если я так и буду здесь стоять, пока не придут силы департамента, то я рискую получить ответы на эти вопросы куда позднее. А то и не получить вовсе.

Я зябко потерла плечи и вернулась в дом под недоуменным взглядом дворецкого, озадаченного моим шастаньем туда-сюда.

В гостиной ничего не изменилось. В тишине громко тикали большие напольные часы, да шорох моих юбок звучал отчетливее обычного. Я села обратно на свое место напротив графа и отметила, что он уже не улыбается. Грайнем был сосредоточен и серьезен, но по-прежнему не высказывал ни малейших признаков гнева.

— Это правда... вы? — спросила я, и вопрос прозвучал совершенно беспомощно.

— Правда. Я, — спокойно кивнул граф, и у меня по спине пробежал холодок.

Я помолчала немного, собираясь с мыслями, и повторила свой первый вопрос:

— Кто и при каких обстоятельствах поставил вам печать?

Вообще-то Грайнем не обязан был отвечать. По протоколу допрос должен был проводиться в департаменте, в присутствии его адвоката, и сейчас он имел полное право молчать как рыба и прекрасно это знал. И тем не менее заговорил.

— Вы наверняка знаете, как мне достался титул? Двоюродный дедушка скончался, не оставив

прямых потомков мужского пола. Мой дед, его младший брат, помер годом раньше. А мой отец погиб, когда мне было три года. Наша семья никогда не рассчитывала на титул. Граф был крепок, при молодой жене и далеко не бездетен, просто с сыновьями не задалось, так это дело наживное. К тому же он относился к нам хорошо — поддерживал деньгами, когда отца не стало. А когда у меня открылось «окно», предложил оплатить обучение в лучшем форсийском университете. Он рассудил, что толковый целитель семье никогда не помешает, а в Ланланде насидеться я еще успею, и, мол, надо мальчику мир повидать.

Грайнем не смотрел на меня. Он сидел, чуть сгорбившись, упершись локтями в колени и устремив взгляд на собственные закованные, сцепленные в замок руки. И я вдруг поняла, что он говорит не потому, что я задала вопрос. Он говорит, потому что хочет это рассказать.

— Я уехал из дома в тринадцать и больше не возвращался туда. В Форсии обучение поставлено еще жестче, чем у нас. Нет каникул — только перерывы, короткие, не более недели, пусть и достаточно частые. Это для того, чтобы маги находились под контролем постоянно и срыв не произошел, пока юное дарование лакомится вареньем у матушки под крылом. Мне нравилось. Учителя хвалили меня, говорили, что меня ждет большое будущее, особенно в области хирургии. Талант.

Грайнем хмыкнул. Я против воли тоже уставилась на его пальцы — длинные, с красивыми полукруглыми ногтями. Мне вспомнились по обыкновению теплые и суховатые прикосновения целителей и исходящая от этих прикосновений сила.

— А потом мне пришло письмо от матери, с требованием немедленно вернуться в Ланланд. Граф при смерти, требует меня. Меня отпустили, и я помчался. Идиот.

Я вздрогнула всем телом, когда комнату огласил удар часов, даже Стивенсон, кажется, дернулся схватиться за оружие. И долгих десять ударов мы мучительно ждали, пока они отзвенят, чтобы услышать, что было дальше.

— Графа я не застал. И, войдя в этот особняк, узнал, что уже являюсь его владельцем, наследником титула и состояния, потому что последним ребенком, рожденным у деда, была снова девочка. Мать с отчимом ликовали, с трудом натягивая на себя маски скорби на людях. Я? Я был ошарашен. Я не совсем понимал, зачем мне это. У меня была совсем другая жизнь, и она меня полностью устраивала. Когда мать подошла ко мне с этим разговором в первый раз, я просто отмахнулся. Печать? Графу не пристало? Долг по отношению к родителям и обществу? Забота о состоянии? Мне показалось, что она бредит. Да, я понимал, что не смогу уже вернуться в Форсию, но печать? Зачем?

Да, сразу видно, что Грайнем не был воспитан в соответствии с доставшимся ему титулом. Урожденный граф таким вопросом бы не задавался. Целительство — абсолютно неподходящее занятие для человека благородных кровей. Иметь дело с больными и немощными не в рамках благотворительных мероприятий, а постоянно? И кого бы он лечил? Люди его круга не пошли бы к нему, слишком неприлично демонстрировать равному свои болезни да увечья — сколько потом неловкости при встречах на светских мероприятиях. А чтобы граф врачевал тех, кто ниже? Фи, как сказали бы дамы.

Впрочем, точно так же они это говорили и про криминалистику.

— Во второй раз я был категоричен — нет, я не собираюсь запечатываться, я хочу перевестись в Ланладский университет и, по крайней мере, закончить обучение, а там будет видно. — Грайнем помолчал немного, сжав губы так, что они превратились в тонкую полоску. — И тогда они меня опоили и запечатали против воли. В столице про меня толком никто ничего не знал, где я жил до этого, чем занимался, вот мать и надеялась оставить это тайной. Они с отчимом заплатили артефактору за то, чтобы он не вписывал мое имя в реестр. Как оказалось, обычная практика — много знатных клиентов не хотят светить «окно». Притащили меня бессознательного, наплели про то, что принял для храбрости и переборщил. Позднее раскрытие, мальчик напугался, запечатайте скорее, и мы уйдем. И артефактор не стал ни задавать дополнительных вопросов, ни устраивать дополнительный осмотр «окна» — все равно он перед законом оставался чист. Кто докажет, что он ставил эту печать? Никто, в реестре-то пусто. В каком-то смысле он даже подстраховался: на недавнее раскрытие обычно ставят единицу, а он ляпнул двойку, на всякий случай. Только мне после всех лет обучения нужна была тройка. Впрочем, эти детали я выяснил уже позже.

Да. Позже. У жуликоватого артефактора на черном рынке, в отчаянной попытке найти решение проблемы. Вот вам и форсийский акцент. Неудивительно, что за больше чем десяток лет жизни за границей он у него появился, и неудивительно, что выветрился — все же ланландский ему родной.

— Я его убил бы, — четко и раздельно произнес Грайнем, неожиданно вскинув на меня глаза, и под этим взглядом, полным отчаяния и боли, мне захотелось вжаться в спинку дивана, а лучше — сбежать. — Подкараулил бы в момент срыва, как с остальными, — и убил бы. Но сволочь был здоров как бык. А без срыва у меня не поднялась рука.

Я хотела спросить, как звали этого артефактора, но не стала. В департаменте это узнают, и разберутся — точно разберутся, а мне сейчас важно было не разрушить эту хрупкую атмосферу внезапного доверия и откровения. И я спросила другое:

— Как... как это случилось в первый раз?

Грайнем поморщился.

— Мне сделалось дурно спустя пару месяцев после того, как поставили печать. Без конца мутило и болела голова. И я решил уехать из Карванона в графское поместье под Тарнхилом. Свежий воздух, отсутствие людей... особенно осточертевших рож матери и ее мужа. Только там не полегчало, а даже наоборот. А потом рядом прошла магическая буря. В самый первый раз я смутно понимал, что происходит. Вроде бы я — это я, но в то же время мысли и желания в голове — совершенно не мои, звон в ушах и какая-то острая потребность, до зуда в руках, взяться за скальпель и почувствовать вновь, как сквозь него моя сила устремляется в тело пациента. Меня буквально трясло от этого совершенно внезапно и удивительно сильного желания, и я решил пройтись. Это было последним внятным решением. Дальше я помню себя на полпути к Тарнхилу, и откуда-то у меня в руках скальпель. Да, я по привычке таскал с собой свой чемоданчик с инструментами, но он же остался в особняке. А потом я дошел до города и там... я чувствовал себя собакой, идущей по следу. Вернее, по следам. Я чуял их.

Звякнули наручники — Грайнем, забывшись, попытался запустить пальцы в волосы. Рука была остановлена на полпути, он бросил на браслеты несколько недоуменный взгляд, а потом с силой потер лицо раскрытыми ладонями.

— Их? — осторожно уточнила я.

— Болезни. Въедающуюся в человеческие тела гниль. И во мне билось желание очистить эти тела от этой скверны. Я понимал, что желание неправильно, пытался избавиться от наваждения, но только больше сходил с ума. Меня мотало, собственное тело не подчинялось. А потом я увидел идущую мне навстречу пару, и запах гнили от мужчины был настолько невыносим, что я направился к нему.

И был бит.

Обрывки той информации, которую мне удалось добыть, предположения, идеи сейчас медленно складывались в цельную пугающую картину. И мне было не по себе. Меня даже трупы не пугали так, как этот разговор сейчас. Такой нужный, такой важный, но такой жуткий разговор.

— ...я очнулся от того, что меня тряс какой-то бродяга. Кажется, принял за своего и хотел помочь. А может, он просто ворочал меня, обыскивая, надеясь поживиться, кто знает. От него просто смердело гнилью. Я поднялся, нашел валявшийся на земле скальпель, подошел к нему, что-то бормочущему, и ударил камнем по голове. А потом вырезал ему сердце, которому оставалось стучать не более месяца, судя по состоянию. И только тогда, когда вся сила, бродившая в моем теле, растратилась на бесплодные попытки исцелить этот орган, я пришел в себя. Резко. Будто кто-то сдернул с разума накинутое на него темное покрывало. Вы знаете, каково это — очнуться посреди пустынной улицы над трупом, в крови и с человеческим сердцем в руках?

В голосе прорезалась ярость. Слепая, глухая. Отчаянная.

— Я не знаю, каким чудом этого никто не увидел. Я не знаю, каким чудом я не свихнулся там же уже сам по себе. Но я оттащил тело в ближайшую помойную канаву и вернулся в поместье, по дороге кое-как отмывшись в Оливии, которая благо текла неподалеку. Я трясся трое суток, ожидая, что вот-вот за мной нагрянет полиция, пытаюсь как-то осознать то, что произошло. Но никто не пришел. Зато, прислушиваясь к себе в ожидании нового приступа сумасшествия, я понял, что магия по-прежнему просачивается в меня. Иногда по капле, иногда тоненьким ручейком, но я ничего не мог с ней сделать. Печать блокировала все способности, включая умение стравливать энергию.

— Но почему вы не обратились к властям? — вырвалось у меня против воли. — К артефакторам? Вас же запечатали неправильно, незаконно! Я уверена, что...

— К властям? — перебил меня Грайнем, криво ухмыльнувшись. — При всей вашей профессиональной хватке, леди Эрилин, вы на диво наивны. Я обратился. Я пошел к тому артефактору, который поставил мне печать. Но сукин сын сделал вид, что впервые видит меня. «Я не знаю, что вас беспокоит, лорд Грайнем, но печать поставлена по всем правилам. Тот, кто ставил вам ее — настоящий профессионал!»

Он передразнил голос неведомого артефактора с такой ненавистью, что мне окончательно стало дурно.

— Меня настолько разъярили слова этого уroda, что, вместо того чтобы обратиться к другому официальному магу, я пошел на черный рынок — и был прав. Печать нельзя снять, а ее дефекты неискоренимы. Я покопался в литературе, леди Эрилин, поверьте, в теории работы печати я теперь разбираюсь, и получше некоторых артефакторов. С единожды поставленной печатью ничего нельзя сделать. Ни-че-го. Так что ждало бы меня, обратиться я к властям? Комната с мягкими стенами и окончательное сумасшествие? Срыв? Смерть, когда меня пристрелят как собаку, чтобы не кидался на людей?

Стивенсон сделал шаг вперед, и почти вскочивший с дивана граф опомнился и снова сник. На несколько мгновений в гостиной повисла тяжелая тишина. Я посмотрела на часы. Сколько прошло времени? Сколько еще потребуется Трейту чтобы прибыть сюда с боевыми магами?

Я перевела взгляд на Грайнема и произнесла недрогнувшим голосом:

— Вы говорили про что-то покрепче.

— Да... — после короткой паузы отозвался мужчина, глянув на меня с недоверием.

— Где?

Граф дернул подбородком в угол, где на узком круглом столике стоял хрустальный графин и несколько бокалов. Я поднялась, подошла туда и щедро плеснула в два из них ароматного темно-янтарного напитка черт-те какой выдержки. Я бы и Стивенсону предложила, да он на службе.

С трудом сдержав истерический смешок, вызванный этой мыслью, я вернулась и непрерываемо сунула в ладони Грайнема коньяк.

— Значит, вы предпочли убивать?

— Я предпочел выжить. — Мой выпад не произвел на графа особенного впечатления. — Все это время я искал решение, проводил исследования. Я быстро понял, что приступы происходят вместе с сильными колебаниями фона, когда печать, и без того пропускающая магию, словно расшатывается, сила прибывает резкими всплесками и... наверное, последующее сумасшествие — очень своеобразная защитная реакция организма, попытка сбросить излишки, чтобы не допустить срыва и смерти. Какая-то очень извращенная техника стравливания, неподконтрольная разуму. Впрочем, я не ученый. Я пытался себя запираить, и мое счастье, что запер плохо и смог выбить дверь, потому что, если бы я остался в этой комнате, я бы окончательно сбрендил. Я пробовал накачивать себя снотворным, но, просыпаясь, испытывал еще более острую, уже практически неподконтрольную потребность. Я много чего пробовал, леди Эрилин. Все бесполезно. Но я честно старался выбирать тех, чья смерть не станет большой потерей для человечества. За исключением одного раза.

— Герцогский бал.

— Да. Всплеск был слишком внезапным и слишком сильным. Я едва не попался.

— Почему в тот раз вы сбросили труп в реку, а в остальное время оставляли их нетронутыми.

— Тогда я слишком торопился, слишком боялся быть замеченным, поэтому попытался избавиться от того мужчины, как в первый раз от бродяги. Жаль, не вышло. Я просто понял, что если я всякий раз буду еще и пытаться избавиться от трупа, то возрастают шансы быть обнаруженным, поэтому я делал то, что мне нужно было сделать, и исчезал.

То ли коньяк так на него подействовал (лично на меня — очень даже, привел в чувство!), то ли Грайнем выдохся, угасла первая яркая эмоциональная вспышка, но теперь он говорил спокойно и сухо, даже с некоторой неохотой.

— И зачем вам больные органы?

— Абсолютно незачем. Я заворачивал их в тряпицу и выкидывал на ближайшей помойке. Надеялся таким образом сбить с толку полицию и криминалистов.

Я немного помолчала, глядя себе под ноги. В голове была каша и — ни малейшего торжества. Вот он, этот Живодер, нашла, поймала. А на душе противно. Так противно, как, наверное, мне еще не было никогда.

— А... — Я подняла голову. Грайнем смотрел на меня слегка прищурившись, будто знал наперед, что я сейчас спрошу. — А как же Арчи?

Губы графа исказила кривая, очень недобрая ухмылка.

— Вот только не говорите мне, леди Эрилин, что вам его было до безумия жаль.

— Нет, но...

— Он не отстал бы. Он не заткнулся бы. И герцог, при всей своей власти, ничего не смог бы сделать, если, конечно, он не намеревался пойти моим путем. Не думайте, леди Эрилин, какие бы отношения нас ни связывали, я прекрасно понимал всю ничтожность этого человека. И мы были хорошей парочкой — два ничтожества, два потерянных для общества человека: наркоман и убийца. Но вы спасли мне жизнь. И мне не хотелось, чтобы он разрушил вашу.

Верно. Спасла. Тогда, в ночь крушения Лестренжского состава, я собственными руками спасла Живодера.

«Мы сочтемся, если вы пообещаете, что я больше о вас никогда не услышу».

«А вот это — вряд ли».

Что ж, он, по крайней мере, был предельно честен.

Я чувствовала себя плохо. Вернулась головная боль, дышалось с трудом. Мне отчаянно хотелось убежать, но я сидела, сложив ладони на коленях, и ждала в гнетущей тишине с мерным отсчетом утекающего времени.

И я испытала невероятное облегчение, когда дверь распахнулась и в гостиную ворвались боевые маги, господин Трейт, Гарн Гейл, еще кто-то. Завертевшаяся протокольная кутерьма оттеснила меня в сторону, к окну, под прикрытие господина Стивенсона, в чьем присмотре Грайнем больше не нуждался. Я стояла там молча, прибито, все глубже погружаясь в ощущение абсолютной неправильности всего.

Грайнема увели.

А Трейт, выходявший последним, вдруг повернулся ко мне.

— Леди Рейвен...

Это был странный взгляд. Долгий, внимательный. Не брезгливый, не презрительный, не раздраженный. Но — непонятный.

— Да, господин Трейт? — отозвалась я, не дождавшись продолжения.

Первый криминалист помолчал еще несколько мгновений и отрывисто бросил:

— Не забудьте вернуть артефакт.

И вышел, оставив ощущение, что произнес он совсем не то, что хотел.

Артефакт я вернула, но с работы отпросилась, и начальство на удивление не сказало на это ни слова.

Как-то совсем иначе я представляла себе финал моего расследования.

Триумф. Ликование. Опаснейший злодей упечен за решетку!

Я не ощущала даже крохотного отголоска подобных чувств. И все последующие дни чувствовала себя какой-то эмоционально выгоревшей. Слишком потрясла меня эта история. Эта трагедия.

Родители, как и практически все родители, убежденные, что знают, что лучше для их ребенка. Артефактор, махнувший рукой на правила — да что может случиться, обыденная процедура! А в результате одна сломленная жизнь и бог знает сколько оборванных.

Я больше не лезла в дело Живодера, самоотстранилась. Занималась тем, что ездила по местам мелких облав и туда, где неосторожно применялась магия, выносила вердикты о степени нарушений, помогала правовому отделу устанавливать правых и виноватых в разборе жалоб на магические услуги. Краем уха я слышала, что был арестован артефактор, запечатавший Грайнема, взяты под стражу его родители.

Моей отдушиной стал Кьер. И главным образом тем, что он не тряс меня, не расспрашивал, не заставлял выворачивать душу наизнанку, а наоборот — с ним я отвлекалась. С ним отступала эта непроходящая тяжесть. И он даже ни разу не выговорил мне за безрассудное явление в дом убийцы с одним-единственным охранником.

И меня потихоньку начало отпускать.

А потом...

Это был праздник. День основания Карванона. Пышное торжество, парад, гуляния... все то, что я благополучно пересидела дома, рассудив, что из сахарных леденцов и орехов в карамели я уже выросла, а до наблюдения за марширующими полками со слезами на глазах еще не доросла. На Грея в парадной форме, вышагивающего, высоко поднимая ногу, я и дома насмотрелась, так что составлять компанию родителям, отправившимся гордиться единственным сыном и наследником титула, я тоже отказалась.

О чем очень пожалела, когда спустя несколько часов никто из них так и не явился домой. На улице начало темнеть, и я уже не на шутку нервничала, когда они явились. Все втроем — взбудораженные, нервные, а Грей — еще и в грязном, разодранном мундире.

— Что случилось? — Я всплеснула руками, отчетливо понимая, что выгляжу сейчас точь-в-точь как маменька.

Все трое переглянулись, и слово взял отец.

— На параде была попытка покушения на жизнь его величества. Один из самоучек затесался в толпу, и, когда его величество проезжали мимо, попытался бросить магическую бомбу. Неизвестно, как ее проглядели контролирующие артефакты, но... если бы не Грей!

— Грей? — недоуменно повторила я.

— Карванонский полк отвечал за сдерживание толпы встречавших его величество. Самоучка высунулся совсем рядом с Греем, тот чудом заметил и... — Отец поверился и от всей души похлопал сына по плечу, отчего того знатно перекосило. — Твой брат спас жизнь его величества, Эрилин. У нас в семье герой.

Не успела я толком проникнуться этим заявлением, как вперед вышла маменька и, повиснув на моем локте, потащила меня в гостиную.

— Ах, Эрилин, это было так ужасно! — драматически воскликнула она.

Я представила, как напирает испуганная толпа, пытаюсь прорвать оцепление, как падают скошенные магией люди, а другие, охваченные паникой, бегут прямо по ним. Как плачут женщины и заходятся в крике дети, как праздник превращается в столпотворение...

— Нас три часа держали в управлении порядка! — продолжила маменька. — И ради чего!

— Душа моя, справедливости ради, — кашлянул за спиной отец, — лично вас там никто не держал. Смею напомнить, что вы сами отказались его покидать, пока не увидите сына.

— И кто может меня в этом обвинить?! — взвилась виконтесса и ускорила шаг. — Это было так ужасно, дорогая, так ужасно! Но теперь... о, король был так щедр! Он лично поблагодарил Грея, приказал повысить его в звании и представить к награде, даровал титул защитника короны... о, это было прекрасно, Эрилин! Это было прекрасно!

Мы поужинали, а потом еще долго сидели у камина, распивая шампанское и восхваляя подвиг героя. Около полуночи родители поднялись к себе, но брат не засобирался вместе с ними, и мы остались вдвоем — каждый в своем кресле, со своим бокалом. Я смотрела на брата и понимала, что Грей как-то незаметно и очень сильно изменился, разом превратившись из

глуповатого мальчишки в очень достойного молодого человека. И дело было вовсе не в подвиге, просто появилось что-то такое в выражении глаз...

— Это был он, — произнес вдруг Грей усмехнувшись.

— Что, прости?

— Это был герцог. Он все устроил.

Я сморгнула, разгоняя сонную дымку усталости и легкого опьянения перед глазами.

— Что устроил?

— Все! — Грей откинулся на спинку кресла и закатил глаза. — Покушение, Эри! И мой героический подвиг!

Я окончательно взбодрилась.

— Как можно устроить... такое?! — Мой голос чуть не сорвался на нервный фальцет. — Организовать покушение на короля? Вы в своем уме? Голова не дорога?!

Грей поморщился.

— Никто его не организовывал. Вернее, организовывали, но не мы! Тьфу. В общем, его светлость знал о том, что готовится покушение со стороны самоучек. Уж как — то мне не ведомо. И он просто пресек его не в зародыше, а вот так... Он пришел ко мне. Объяснил зачем. И я согласился. Я знал, где и когда появится заговорщик. И был там, чтобы его остановить.

— Сумасшедшие. Оба! — Я запустила пальцы в волосы. — Если об этом кто-то узнает...

— Не узнает, — хмыкнул Грей. — Ты бы слышала, как его величество изволили орать на исполняющего обязанности главы департамента, не давая тому ни слова пискнуть. Музыка для ушей. Уверен, твоего герцога уже восстановили в должности.

Господи боже. Господи боже... а если бы, а вдруг... а...

Мне хотелось сорваться с места, рвануть к Кьеру и закатить ему грандиознейший скандал. И этот человек мне втолковывал о благоразумии?! А сам! Я-то, по крайней мере, собственной жизнью рисковала, а не королевской!!!

Но куда я, естественно, не поехала. Вместо этого тоже откинулась на спинку и сделала долгий глоток. В камине трещали поленья, неровный свет огня плясал на стенках бокала, и мы с Греем сидели, одинаково уставившись на языки пламени.

— Грей, — негромко окликнула я брата.

— М-м?

— И что же, тебя совсем не смущает, что ты — не очень настоящий герой?

Я знала его и знала прекрасно, что в его юношеских мечтах значил этот подвиг. И что Грей — мой Грей — никогда не пошел бы на такой обман ради себя.

— Ну... — брат усмехнулся. — Отец тоже был не слишком настоящим заговорщиком!

А на следующий день незадолго до обеда я получила записку:

«Выходи из департамента. Сейчас же. И садись в карету».

Я на всякий случай перечитала ее еще раз, но вариантов толкования записка совершенно точно не оставляла. Короткий взгляд на коллег, не обращающих на меня ни малейшего внимания, и я вышла в секретариат. Определенно нам было о чем поговорить, но что за срочность выдергивать меня посреди рабочего дня? Если некоторым герцогам нечем заняться, то у некоторых криминалистов, между прочим, есть обязанности!

Я ворчала так себе под нос, на ходу натягивая перчатки, стремительно вышла из департамента, а вот на ступеньках невольно замедлила шаг. Карета перед крыльцом стояла не абы какая, не наемная, не та, которую Кьер использовал для миссий частного порядка, без

опознавательных знаков, нет. На дверцах этой кареты сияли даже в пасмурный зимний день позолоченные герцогские гербы.

При моем появлении грум распахнул дверцу и подал мне руку. Два шага — и я нырнула в бархатное тепло кареты к уже сидящему там Кьеру.

— Что все это значит?!

— И тебе доброго дня, я тоже очень соскучился. — Черные глаза дьявольски сверкнули.

— Кьер!

— Прости, Эрилин, но сейчас нет времени. Держи, — он положил мне на колени уже знакомую папку, которая с последней встречи, по ощущениям, стала еще потертее. — Освежи в памяти, сейчас сделаешь небольшой доклад о важности и необходимости данного изобретения перед одним важным человеком.

— Я?! Почему я?

— Его сделала женщина, вот женщина его пусть и представляет. Это будет красиво смотреться. А я, естественно, поддержу. Все, не отвлекайся, у тебя не так много времени.

В этот момент я заподозрила, что кто-то мне мелко мстит за то, как ворвалась в кабинет, и за шлепнутую перед носом папку, и за скрытничество.

Я бросила на герцога испепеляющий взгляд и уткнулась в бумаги, выстраивая в голове цепочку связных аргументов. Говорить надо будет кратко и по существу, а главное, не демонстрировать уважаемым членам патентной палаты мое невысокое о них мнение!

Поездка и в самом деле оказалась совсем короткой, я удивленно вскинулась, когда карета остановилась — мне казалось, что до здания палаты все же дальше, — но не успела выглянуть в окно, чтобы убедиться, что мы действительно прибыли, а не остановились, пропуская кого-нибудь. Кьер поднялся, загораживая обзор. Значит, и правда прибыли.

Дверца распахнулась, герцог вышел, подал мне руку, я спустилась по ступенькам, внимательно глядя себе под ноги, чтобы не наступить на юбку, вскинула глаза и там же и остолбенела.

Королевский дворец?!

— Кьер! — прошипела я, вцепившись в папку, как в самое ценное. — Что происходит?

— Ш-ш, — шикнул герцог и легонько коснулся рукой спины, подталкивая вперед. — Поторопимся, леди Рейвен, нельзя заставлять его величество ждать.

Мне захотелось враски каблуками в галечную насыпь каретной дорожки и упереться, как мельничный осел, для верности еще и замотав головой в попытках вырвать узду из рук тянущего за нее мельника.

Сей недостойный порыв я с трудом, но подавила и ступила вслед за герцогом на мраморные ступени.

— Я тебя убью, — мрачно пообещала я, проходя мимо Кьера, когда он любезно посторонился, первой пропуская меня в двери.

— Обязательно, но позже, позже, дорогая.

Каблуки то гулко стучали по начищенному паркету, то утопали в зеленых ковровых дорожках. Я ловила свое отражение в многочисленных зеркалах, и внутри все сжималось. Я — к королю? В таком виде?! Убью. Точно убью.

— Герцог Тайринский, — объявил секретарь его величества, распахнув ореховую дверь с искусной позолотой.

— И леди Эрилин Рейвен, — подсказал Кьер, входя вслед за ним, как к себе домой — плечи расправлены, шаг ровный.

— И леди Эрилин Рейвен, — послушно повторил секретарь, и я, обмирая внутри, шагнула в святая святых Ланланда — королевский кабинет.

Вошла — и почти сразу напоролась на ореховый взгляд его величества Эдгара VII, сидящего за широким столом в кресле с высокой, обитой бархатом спинкой, так похожей на тронную. Даже символическая корона сверху имелась.

Дверь за моей спиной закрылась с легким щелчком.

— Ваше величество. — Подавив в себе желание столь же открыто уставиться в ответ, я подобострастно опустила ресницы и присела в глубоком реверансе.

— И что все это значит? — низкий, глубокий, прекрасно поставленный голос, полный собственного достоинства и легкого превосходства над остальными, разрушил хрупкую тишину. — Тайрин, объяснись, будь любезен.

— Леди Рейвен хотела бы представить вниманию вашего величества разработку молодого талантливого изобретателя. По моему скромному мнению, ваше величество, разработка эта способна в короткие сроки и достаточно эффективно решить существующую проблему с самоучками, которая доставляет вашему величеству столько хлопот. Будучи восстановленным в должности главы департамента...

Кьер сделал такую многозначительную паузу, что я едва не прыснула — вот нахал! Настолько явно тыкать в лицо королю «Вы были не правы, а я прав, ха-ха-ха!» — это надо быть сверхнаглым человеком!

— Я не могу не отметить, что лично считаю этот путь решения поставленной задачи наиболее продуктивным.

Король смерил меня утомленным взглядом с ног до головы и вздохнул.

— Я вас слушаю, леди Рейвен.

Спустя два часа — два часа личной беседы с королем! — мы покинули королевский кабинет. Результатом этой встречи стало распоряжение выдать Джейн Свифт патент на магический двигатель и резервуар-накопитель, провести углубленные испытания и того и другого и в случае успешных мероприятий представить его величеству программу перехода на новые способы контроля магии и магически одаренных людей. А еще — королевское благословение, звучавшее примерно так: «Ты достал меня, Тайрин, со своими Рейвенами. Женитесь, к черту!»

Дорога до герцогского особняка прошла в молчании. Я пыталась справиться с эмоциями, скачущими от жажды закатить скандал до ослепительного, безоблачного счастья. Меня трясло от нервного напряжения в присутствии короля и от его пронизывающего взгляда. От того, что у нас — получилось! Имя Джейн Свифт, гениальной изобретательницы, скоро узнает весь мир! Моя семья — больше не отверженные. Грей — герой с блестящими карьерными перспективами, родители вернули себе положение и состояние. А я... я...

Нет, но все-таки сначала — скандал!

— Ты сумасшедший, — шептала я чуть позже прямо в целующие меня губы. — Как ты умудрился все это проверить?!

— Эрилин, право слово, герцогу не так уж сложно получить аудиенцию у...

— Я про Грея! — рявкнула я, стукнув по монолитной груди, обтянутой плотной тканью сюртука. Пока еще обтянутой.

Кьер хмыкнул и куснул меня за нижнюю губу, ненавязчиво забираясь ладонями под юбку, оглаживая колени, бедра, задевая беззащитную кожу над линией чулок.

— Ерунда. У меня было два варианта, как доказать Эдгару, что Рейвены верны короне. Первый, на который я, собственно, больше рассчитывал, заключался в том, что виконт вложится в крупные королевские предприятия, например, в ту же экспедицию, несмотря на то что успех ее обещает быть плачевным. Да и мало ли где королю еще понадобятся деньги. На второй я особенно не рассчитывал, не каждый день все же можно продемонстрировать величеству жажду спасти его жизнь. Но повезло.

Как оказалось, уходить насовсем из департамента Кьер совершенно не планировал, а потому, когда король его отстранил, он провел беседы со всеми важнейшими подчиненными, включая главу отдела по силовому контролю магии. Именно они занимались отловом и допросом самоучек. И среди прочего на этих допросах удалось узнать, что атака департамента была только шагом к глобальному мероприятию — покушению на жизнь его величества. О чем

начальник отдела и доложил в первую очередь герцогу, а не господину Престону. И после этого господину Престону докладывать уже не пришлось. Последнего, к слову, все недолюбливали за излишне амбициозные карьерные устремления — все знали, что если он закрепится в кресле главы департамента, то перетрясет всех замов и начальников отделов, устанавливая новую власть. Кьер выдал распоряжения не пресекать заговор в зародыше, а ловить на горячем, ну и дальнейшее сложилось как сложилось...

Во время этого путаного, но очень жаркого объяснения я успела остаться практически без одежды, а вот на герцоге все еще болталась рубашка. Я взялась исправлять это недоразумение, когда Кьер вдруг замер, придерживая меня за бедра, и чуть отстранился, чтобы заглянуть в глаза:

— Постой, Эри. Есть одна очень серьезная деталь, которую мы должны обсудить.

Я фыркнула, мотнула распушенной гривой волос и потянулась за поцелуем. Все, что мне нужно было обсудить, — я обсудила! А герцогская очередь наступит тогда, когда я удовлетворю иные потребности!

— Эри! — Кьер непреклонно отклонился.

Я мстительно цапнула его за мочку уха и замерла, глядя в глаза. Впрочем, пальцы пока что будто сами собой занялись пуговицами рубашки. Торопитесь, герцог, у вас не так много времени!

— Эрилин, ты же понимаешь, что герцогиня не может работать криминалистом?

Герцогиня. Внутри все сладко, томительно екнуло, и я закусил губу, чтобы не выдать, насколько эйфорически звучит для меня это слово.

Он был прав. И я, как ни странно, уже думала об этом. Хоть и запрещала себе питать слишком смелые надежды, а все равно нет-нет, но думала. Особенно после ареста графа Грайнема. И была у меня одна мысль на этот счет, но...

— И чем, по-твоему, герцогиня может заниматься? — пропела я, чуть поерзав на мужских бедрах.

К такому вопросу, Кьер, кажется, готов не был, очевидно, ожидая от меня возмущений и споров. Он невнятно пожал плечами и с нажимом провел ладонями вдоль моего тела, будто наслаждался тем, что еще немного — и оно будет окончательно принадлежать только ему.

— Гулять. Устраивать приемы. Тратить деньги...

— Ага! — Я с таким торжеством зацепилась за последнее предложение, что герцог, судя по выражению лица, тут же пожалел о сказанном и заподозрил страшное, но сказать уже ничего не успел.

Увы! Была расстегнута последняя пуговица.

С объявлением помолвки мы не стали торопиться. На этом главным образом настояла я. Как бы мне ни хотелось получить Кьера в свое единоличное пользование, было несколько дел, которые я хотела уладить до того, как вся столица узнает, что герцог берет в жены дочку то ли опального, то ли уже нет виконта. Главным образом даже не несколько, а одно дело. Я хотела дожидаться вердикта по делу Живодера, еще будучи криминалистом.

И теперь я стояла на кладбище Тарнхила, где по традиции хоронили всех представителей графского рода Грайнем, и смотрела, как тает снег, падая на принесенные мной розы — единственные цветы на свежей могиле.

Суд не колебался. Если первое убийство Трея было признано совершенным в состоянии невменяемости, то все последующие судья счел хоть и сделанными под влиянием печати, но тем не менее осознанными и намеренными. Он знал, что с ним происходит, просто свою жизнь поставил выше чьих-то чужих.

Артефактор, искалечивший графа Грайнема, тоже был казнен, еще быстрее, чем Трей. Правосудие в данном вопросе было непреклонно — пусть будет урок всем, кто обходит закон и легкомысленно относится к такому серьезному делу, как установка печати.

Вот только общество эта показательная казнь не успокоила.

Дело Живодера имело громкий резонанс, и до сих пор в газетах, на трибунах и в парламенте велись баталии о пользе и недостатках повального запечатывания. На фоне все усиливающегося движения самоучек тема вызвала живейший интерес. Люди паниковали, среди артефакторов искали «проверенных», к ним выстраивались очереди из тех, кто жаждал убедиться, что их-то запечатали верно и медленное сумасшествие им не грозит.

С поднявшейся волной общественного интереса пресса вышла и на профессора Дина. Как — мне сие было неведомо, но я подозревала, что кто-то из наших его просто-напросто продал. Новость о том, что всенародно любимый герой-спаситель, изобретатель печати, многократно ставил опыты на людях, как на крысах, просто взорвала Карванон. Люди требовали призвать дожившего до наших дней сообщника страшных преступлений к ответу, и под этим давлением король пошел на уступки, отдав распоряжение начать разбирательство, несмотря на срок давности.

Вот только доказательств, кроме показаний профессора, данных отделу криминалистики, больше никаких не было. Собственные слова Дин отрицал и вообще вцепился в свою невиновность бульдожьей хваткой. И неизвестно, сколько бы все это тянулось и к какому бы вердикту пришло, если бы во время одного из заседаний у профессора не прихватило сердце. И оттуда он отправился практически напрямиком на кладбище.

Со всем этим за патентные испытания изобретения Джейн палата и королевские ученые взялись с утроенной силой. Кьер краем глаза контролировал происходящее и утверждал, что умалять заслуг госпожи Свифт никто не пытался. Уже. Тех, кто пытался в самом начале, быстро прижала к ногтю королевская справедливость.

Мир замер на пороге революции, и когда я думала об этом, у меня захватывало дух. Магические двигатели, магия без печатей, дорога талантам. А ведь и женщин, скорее всего, перестанут запечатывать — зачем впустую расходовать ценный ресурс? А от отмены печати до обучения магии даже не шаг, а полшажочка...

Но сейчас, стоя над могилой Трея Лоули, графа Грайнема, я думала о другом. Да, история не знает сослагательного наклонения, но как я ни гнала от себя эти мысли, они возвращались. Как же жаль, что Джейн не сделала свое открытие чушь раньше. И как же жаль, что граф не был запечатан чуть позже. Ведь накопитель, высасывающий магическую энергию, вполне мог спасти его от сумасшествия. Впрочем, возможно, именно он своей судьбой, своей жизнью и смертью, и смертями других, надломил систему, продемонстрировал ее несовершенство во всей красе и задал толчок всем тем событиям, которые вот-вот должны были грянуть.

А на следующий день я явилась в кабинет господина Трейта и положила перед ним заявление об уходе по собственному желанию. Первый криминалист подписал его, едва успев дочитать и не скрывая довольного выражения на лице. Однако что-то все же заставило его выразить некое подобие сожаления:

— И почему же, леди Рейвен, вы оставляете свои попытки свести меня в могилу?

— Замуж выхожу, — спокойно сообщила я ему то, что с завтрашней газетой будет знать уже вся столица.

— Сохрани Господь этого безумца! — с чувством отозвался мой теперь уже бывший начальник.

Роль финальная

ГЕРЦОГИНЯ

«Ваша светлость, подпишите, пожалуйста...»

«Ваша светлость, господин Блэк сломал ногу, а господин Смит, который мог бы его заменить, сейчас в отпуске, что делать с классом, распустить или поставить дополнительное занятие по структуре простейших стихийных заклинаний?.. Я бы спросила это у господина Флеймана, но он отбыл в университет по поводу решения вопроса с...»

«Ваша светлость, вы обещали определиться с меню и цветами на день рождения его светлости...»

«Ваша светлость, вам послание от его светлости...»

Я потеряла виски, в которых раз за разом прокручивались все новые, и новые, и новые «надо», и развернула еще пахнущий грозой лист.

«Если не вернешься сегодня домой раньше — останешься без десерта. И кухню опечатаю!»

Господи, вот откуда в этом человеке столько немыслимой жестокости?! Почему ему раз за разом надо заставлять любимую жену мучиться и давиться сладким тайком в библиотеке? Или в ванной, в зависимости от того, какой схрон не был обнаружен.

Пораньше... у меня дел невпроворот, и все срочнейшие с учетом обстоятельств! На носу экзамены, девочки сдают их впервые, от результатов зависит очень многое. А еще это празднование его же, между прочим, дня рождения! И королева просила навестить ее до того, как...

В дверь постучали, я бросила письмо в урну, и Сесили, секретарь, сообщила, что пришел господин Барнабе, которому было назначено на десять, и как раз в тот момент, когда господин Барнабе почтительно поклонился, я поняла, что я ничегошеньки не успела...

Я честно старалась не морщиться. Очень старалась. Но, судя по взглядам, которые на меня то и дело бросал мой собеседник, робея все больше, — получалось плохо. И я бы сказала ему откровенно, что дело совершенно не в том, что мне не нравится идея открытия филиала моей школы в Альбурге, и что причины моей кислой физиономии кроются в обстоятельствах внезапных и не зависящих даже от меня, но было как-то неловко вгонять и без того взволнованного мага в краску и ужас.

Впрочем, встречу я закруглила быстрее, чем намеревалась, пообещав обдумать все его крайне дельные предложения, и, как только за визитером закрылась дверь, сама тоже поднялась, придерживая поясницу и чувствуя себя старой разваливающейся бабкой.

— Сесили, будь любезна, отмени встречу с министром образования.

— Но, ваша светлость... — Девушка вскинула на меня удивленный взгляд. — Она через час, что я ему скажу?

— Скажи, что герцогиня рождает! — рявкнула я и снова сморщилась от пока еще довольно слабой, но малоприятной схватки.

Сесили ойкнула, прижав руку ко рту, и тут же подскочила.

— Я... вы... вам что-нибудь нужно? Я могу что-нибудь сделать?

— Мне нужно домой. А вы можете поставить в известность господина Листера. И сделайте что-нибудь, бога ради, с моим расписанием на ближайшие пару недель. Если не придумаете что, можете просто выдрать и выбросить.

Интересно, я всегда такая злобная мегера или только по пятницам?..

Или только... о-ох.

Надо поторопиться.

— Ваша светлость! — голос Теда Райана остановил меня у самого выхода из школы, и я почти застонала.

Мой первый герцогский «бриллиант» скатился с лестницы почти кубарем, спеша меня нагнать. И, несмотря ни на что, я задержалась в дверях. Всякий раз, глядя на этого вихрастого мальчишку, который пытался утверждать, что он уже давно мужчина и вообще, я испытывала приступ неконтролируемого умиления. Ведь именно с него все началось десять лет назад. С талантливого самоучки, пристроенного в хорошие руки.

Сейчас приступ умиления был прерван другим приступом, и от гримасы, исказившей мое лицо, Тед даже слегка сдал назад, но лишь на мгновение.

— Началось? — обеспокоенно уточнил он, приближаясь.

Я кивнула и с благодарностью оперлась на подставленную руку.

— Зачем вы опять работаете до последнего? Вот дождетесь, и в следующий раз роды у вас принимать буду я, а не целитель Листер! — выговаривал мне этот цыпленок, а у меня даже не было сил огрызнуться.

— В следующий раз? — только и ужаснулась я, с трудом вскарабкиваясь в мобиль, подогнанный к самым ступенькам, и почти падая на широкое кожаное сиденье. — Да я больше никогда!

Маг вскочил следом, постучал по стеклу между водительским и пассажирским сиденьями — гони! — и только тогда отмахнулся под звук заурчавшего двигателя:

— Вы это уже говорили.

— Когда? — удивилась я.

— Два ребенка назад, — хмыкнул Тед, и я поняла, что мне нужна трость. Красивая такая, резная, с тяжелым золотым набалдашником. А что? Еще немного — и возраст будет позволять, и я эту заразу ка-ак тростью...

Все. Я поняла. Это не я мегера. Это меня окружают совершенно отвратительные, злые и нечуткие люди!

Я смотрела в окно, на проплывающие мимо знакомые уже до малейших деталей городские пейзажи, ощущала каждую выбоину, каждую мелкую кочечку на дороге всем своим телом и, сцепив зубы, пыталась отвлечься под аромат булочек — Тед что-то выплетал, кажется, силясь облегчить мое состояние.

Лучше всего мне всегда думалось о школе.

Десять лет назад это был Благотворительный фонд помощи магическим талантам, который начался с того, что каждый, имеющий магический дар, мог прийти и позволить беспристрастно его оценить. Беспристрастно, бессловно и без последствий в виде запечатывания, если дар оказывался слабеньким. Сначала мне помогали профессор Блайнт с Тедом, потом присоединилось еще несколько других уважаемых специалистов из иных областей магии. Действительно талантливых молодых людей мы пристраивали в учебные заведения, отдавали в ученики, оплачивали проживание и помогали встать на ноги...

Ладно, оплачивал — герцог. И папенька, по-прежнему ведущий дела теперь уже зятя.

Кьер ворчал, что моя «торговля мальчиками» начинает достигать устрашающих размеров. И мне пришлось с ним согласиться, когда в один прекрасный день стало ясно, что в фонд на проверку дара является больше людей, чем в магические школы столицы.

Тогда я смиренно сказала — хорошо, больше никакой торговли, будут мои мальчики, никому не отдам!

И открыла школу.

А потом пришло время Реформы. Магия превратилась в ценное топливо. Поезда с магическим двигателем вытеснили паровозы, на улицах появились мобили — диковинный безлошадный транспорт, заводы начали массово переходить на машинное производство. Было отменено обязательное запечатывание женщин и тех, кто не прошел конкурс в учебное заведение. Каждый маг теперь мог продавать свою магию — по два солита за свифт. А еще некоторое время спустя магические школы открыли свои двери и для девочек. И моя — стала первой.

Я вынырнула из воспоминаний, сообразив, что ход мобили сделался куда более плавным, а

лицо Теда слева от меня куда более довольным.

— Это как это ты? — любопытствовала я, поерзав, чтобы удобнее пристроить ноющую поясницу.

«Подарочек» развел руками, улыбнулся и пустился в мудреные технические объяснения. Все же профессор Блайнт не ошибся тогда, Тед Райан и впрямь был уникалом. Он мало того что мог на ходу выплести совершенно новую структурную конструкцию, так еще и внятно объяснить, почему она у него получилась, а не развалилась на месте. Ученики школы были от него без ума. Про учениц я вообще молчу.

— Целитель Листер прибудет с минуты на минуту, — сообщил мне дворецкий, стоило перешагнуть порог особняка.

Я выпустила руку Теда и шикнула на него, чтобы возвращался в школу. Маг козырнул и исчез, посчитав свою работу — доставить бедовую герцогиню до дома — выполненной.

— Леди Джейн? — уточнила я у Уинтона.

Томас с супругой гостили у нас последний месяц, променяв Лестренжскую пастораль на столичную кутерьму.

— Она в голубой гостиной, с дамами, ваша светлость.

Ах, с дамами...

Мое появление в голубой гостиной сопровождалось всеобщей показательной радостью и одним умоляющим взглядом.

— Скажи, что рожает, — прошипела леди Джейн мне на ухо. — Я просто обязана от них избавиться!

— Я прошу нас извинить, дамы, — чинно произнесла я. — Но я вынуждена вас покинуть вместе с моей дорогой сестрой. Малыш вот-вот появится на свет...

И, отмахнувшись от волны ахающих восторгов, я ухватила Джейн и потащила за собой наверх.

— Спасительница! — благодарно выдохнула изобретательница, кавалерственная дама, леди Джейн, жена лорда Томаса Тарлтона. — Но куда мы так спешим?

— Так рожать же! — пояснила я очевидное, и Джейн всплеснула руками.

— Кьер знает?!

— Чего он там не слышал! — отмахнулась я. — Вернется из департамента, а я тут такая вся свежая, отдохнувшая, девочка в рюшах на руках...

— И он тебя отдохнувшую розгами, розгами... — задумчиво дополнила невестка мою радужную картину.

— Так уж сразу и розгами, — усомнилась я.

— Не сразу, — утешила Джейн. — Через месяцок!..

Я лежала на боку, подложив руку под голову и с улыбкой, не желающей сходить с лица, разглядывала крохотное сморщенное личико сладко сопящего в колыбели сына. Нянька, уходя, пододвинула ее к самому краю кровати, и теперь он как будто лежал рядом со мной — темный хохолок волос из-под кружевного чепчика, насупленные брови, приоткрытый рот треугольничком. Комнату наполняло мерное мурлыканье Пушка, свернувшегося калачиком в ногах. Воспитавший уже двоих, кот точно знал, что требуется младенцам для здорового сна.

Скрипнула дверь. Я обернулась и увидела, как в спальню заходит Кьер.

— Отдохнула? Посвежела? — иронично поинтересовался он, забираясь на кровать, прижался ко мне со спины и заглянул через плечо.

Я профилактически ткнула его локтем и прикрыла глаза, с наслаждением впитывая нежные, бережные поцелуи и даже не особенно злясь на то, что поганка Джейн меня сдала.

— Зачем тебе столько мальчиков? — проворчала я, проигнорировав вопрос. — Мог бы остановиться и на двух!

— Ну прости, — хмыкнул герцог. — Я в следующий раз исправлюсь.

И этот про следующий раз! Сговорились все, что ли?!

Но вслух возражать не было сил. Обезболивающие господина Листера все еще действовали, притупляя боль, но полностью она не отступала, а еще страшно клонило в сон, и, по-хорошему, надо было бы отдать ребенка нянькам и хорошенько выспаться, но мне хотелось продлить эти хрупкие мгновения самой первой нежности. Они утешали, отгоняли тревоги, а то третий сын герцога Тайринского заставил свою матушку изрядно поволноваться, решив явиться на этот свет на две недели раньше положенного!

— Эдгар с супругой передают тебе поздравления и наилучшие пожелания. Ее величество тонко намекает, что не прочь заполучить еще одного крестника.

Я хмыкнула. Королева нежно любила детей, и своих ей категорически не хватало, поэтому нашего первенца она прибрала к рукам практически сразу же. Александра мы с трудом, но отвоевали для Джейн (что, впрочем, не мешало ее величеству, «оговариваясь», называть обоих отпрысков герцогской фамилии своими крестниками). А теперь третий...

— Как мы его назовем?

— Есть идеи?

— Моя идея была Кэтрин Амелия Джейн Аманда, но ты, изящно выражаясь, ее запорол еще в зародыше!

Кьер прыснул и глухо рассмеялся, уткнувшись в мои раскиданные по подушке волосы, а потом предложил:

— Теодор.

— М-м... — задумчиво протянула я.

— Соглашайся. — Кьер потерся носом о мою шею. — Это же мой подарок на день рождения. Почему у тебя есть подарок по имени Тед, а у меня нет?

— Ладно, — согласилась я, закрыла глаза и поерзала, удобнее приваливаясь к широкой груди. — Но больше ты никогда не угрожаешь беременной женщине оставить ее без сладкого!

— Если беременная женщина будет вести себя благоразумно, то мне не придется угрожать.

— Эй, я пришла домой пораньше!!!

Кьер снова рассмеялся и сжал меня в объятиях, чуть баюкая, помогая уплыть в спокойный, счастливый сон.

Примечания

1

«*Жаворонки из грязи*» — так называют мальчишек, промышляющих сбором мусора на обмелевшем дне в период отлива.

Империя Шин — огромная восточная страна на другом конце континента.

3

Цвет нарцисса.

4

Светлый, с золотистым отливом.